

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т.А. РЕПИНА

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Утверждено
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия

НОВОСИБИРСК
2020

ББК 60.53я73
Р 412

Рецензенты:

Мельников М.В., канд. соц. наук, доцент
Игнатьев В.И., д-р филос. наук, профессор

Репина Т.А.

Р 412 Социология личности : учебное пособие / Т.А. Репина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. – 180 с.

ISBN 978-5-7782-4165-7

Учебное пособие представляет собой систематический курс социологии личности. В работе рассматриваются базовые темы учебного курса, характеризуются ее объект, предмет, история развития. В пособии предложен перечень необходимой литературы для осуществления студентами самостоятельной работы по выполнению учебных заданий. В разделе «Приложение» помещены варианты тем индивидуальных заданий и словарь терминов. Учебное пособие подготовлено в соответствии с требованиями Госстандарта РФ.

ББК 60.53я73

Репина Татьяна Александровна

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Учебное пособие

Редактор *О.Н. Мамченкова*
Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 14.05.2020. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 10,46. Печ. л. 11,25. Изд. № 270/19. Заказ № 594
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

ISBN 978-5-7782-4165-7

© Репина Т.А., 2020
© Новосибирский государственный
технический университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Личность как система.....	5
1.1. Понятие, структура и типы личности.....	5
1.2. Основные факторы развития личности	11
1.3. Подходы к изучению личности.....	15
Глава 2. Возраст и формирование личности.....	23
2.1. Детство как начальный этап развития личности	23
2.2. Молодежь как особый этап социализации	30
2.3. Развитие личности в среднем и пожилом возрасте	38
Глава 3. Социализация.....	47
3.1. Основные этапы социализации	47
3.2. Модели социально-нормативной регуляции поведения личности	54
3.3. Социальная организация и ее роль в процессе социализации лично- сти, модели взаимодействия	59
3.4. Теории социализации личности.....	61
Глава 4. Социальный контроль	71
4.1. Концепции социального контроля. Теория уровней П. Бергера.....	71
4.2. Агенты, инструменты и разновидности контроля.....	75
Глава 5. Девиантное поведение личности.....	87
5.1. Девиантное поведение – понятие, формы, причины.....	87
5.2. Теории девиантного поведения.....	98
5.3. Формирование девиантного поведения: факторы и стадии	107
Глава 6. Статусы и роли	117
6.1. Социальная структура – статусы, роли и их типология.....	117
6.2. Теории стратификации	125
6.3. Противоречие статусов и ролевой конфликт.....	128
Глава 7. Личность и этнос, социальные взаимодействия этносов	137
7.1. Личность как этнический феномен.....	137
7.2. Личность и этнокультурные ценности	146
7.3. Этнос и личность	151
Глава 8. Личность и культура	155
8.1. Национальная культура и ее символы.....	155
8.2. Личность как продукт культуры	158
8.3. Культура и идентичность личности.....	164
Список рекомендуемой литературы.....	169
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	171
Приложение 1. Словарь терминов	171
Приложение 2. Темы докладов и рефератов.....	179

Введение

Проблема формирования личности, ее развития и деятельности является одной из актуальных тем социологии. Что это такое – личность? Какая загадка в ней скрыта? Занимает ли она некое особое место в социальной жизни?

В пособии даются определения «человек», «индивид», «индивидуальность», «личность» и другие понятия и термины, необходимые для полноценного понимания сути и назначения данной дисциплины. Рассматривается процесс социализации личности, социальные роли личности и другие факторы, обуславливающие ее формирование, и выявляется их разнообразная природа, а также парадоксы взаимодействия личности с социумом. Личность рассматривается в связи с такими явлениями, как этнос и взаимодействие этносов, культура и ее ценности. Затрагиваются проблемы, сопровождающие процесс формирования личности и осложняющие его. Кроме этого, анализируется развитие социологии личности как отдельной дисциплины и ее место в структуре социологического знания, эволюция теорий и концепций, объясняющих природу и принципы формирования личности человека.

В результате усвоения материалов учебного пособия студенты узнают существующие подходы к изучению личности, специфику социологического подхода к исследованию личности, место и роль человека в системе общественных отношений. В результате студенты будут уметь использовать знание структуры личности в проведении социологических исследований, ясно и аргументированно формулировать свои мысли в устной и письменной форме, а также овладеют комплексным представлением о взаимодействии личности и общества.

Глава 1

Личность как система

1.1. Понятие, структура и типы личности

Любые социологические теории, объясняющие или описывающие какие-либо явления социальной вселенной, всегда обращаются к личности, ее взаимодействию с другими личностями, ее реакции на поведение других личностей, групп, коллективов.

Человек по природе своей сложен, разносторонен и многообразен. Он живет в двух мирах: в мире городов, цивилизации, технического прогресса, сложного общества. Другой же мир, к которому он принадлежит, – природа, из которой он вышел изначально, но так и не утратил полностью связи со своей первичной колыбелью. По причине этой двойной природы человека изучает множество наук, их интересуют разные его грани. Природную сторону человека изучают естественные науки, биология, антропология, медицина, а вот его социальную сущность – социальные науки, и особенно социология.

Исследование личности имеет долгую историю. Еще в древнекитайских философских источниках можно найти попытки определения места человека в обществе, значимости его поступков и деятельности для общественного развития и благополучия. Древнегреческие философы также уделяли немало внимания вопросу места человека в обществе и применения его способностей на его благо.

Однако до сих пор так и не сложилось единого представления о том, какова же сущность личности. В XX веке появилось множество научных дисциплин, изучающих отдельные аспекты существования личности и того, что связано с ее деятельностью и природой. Возникло сразу несколько антропологий: историческая, политическая, социаль-

ная, религиозная и т. д. Однако единого подхода к пониманию природы человека так и не было выработано. Но это говорит не о том, что науки о человеке не развиты или находятся в кризисе, а скорее о том, что в человеке есть нечто, что закрыто, недоступно пониманию и видению современной науки с ее естественнонаучными, объективными методами исследования. Человек не уместается в рамках научных знаний, выходит, так сказать, за пределы лабораторного стола. Человек больше того, что знает о себе и, возможно, даже больше того, что когда-то узнает.

Социология принимает во внимание и учитывает наработки всех наук в изучении и понимании человека. Но в первую очередь ее интересует человек как личность, формирующаяся и взаимодействующая внутри социума, социального пространства, общество как среда жизни и деятельности человека и человек как объект и субъект социальной жизни.

«Личность» как понятие неразрывно связана с человеком. Однако человек может и не быть личностью.

Разберемся с основными понятиями, так как понятийный аппарат всегда играет важную организующую и направляющую роль в изучении любой проблемы.

Человек — психосоциобиологическое существо, прямоходящее, имеющее развитый мозг и умелые руки. Когда-то, в древние времена, человек выделился из животного мира, приобрел способности мыслящего, социального, творческого и духовного существа. А само определение «человек» означает родовое качество, присущее всем людям и объединяющее их в этом смысле.

Как существо мыслящее он приобретает, трансформирует, передает и совершенствует опыт других, предшественников и современников, способен и стремится моделировать всевозможные ситуации и способы действия.

Как существо социальное человек стремится объединяться с другими как в повседневной жизни, для повышения качества и эффективности решения ежедневных текущих задач, так и для большей безопасности. Необходимое условие существования в таких общностях, социумах — определенная система формирования поведения, так что социализация человека носит искусственный характер и является частью его социальной природы, влияния искусственной среды.

Как существо духовное человек живет в мире своих представлений, ценностей, правил, мифов.

Как творческое существо человек создает разные искусственные продукты для удовлетворения своих потребностей, переосмысливает ценности, опыт и мировоззрение, создает новые сообщества, чтобы полнее реализовать свои способности и добиться своих целей.

Индивид – отдельный, обособленный представитель социальной группы. Например, русский, рабочий, учитель, студент, фермер, инженер. Происходит от латинского слова «неделимое». В этой своей единичности, неделимости, особости индивид не поддается описанию при помощи каких-то отвлеченных понятий. Индивид – это конкретный человек, представитель своего вида или социальной группы. Являясь биосоциальным существом, он имеет как типичные, так и индивидуальные черты, при этом наделен особенностями, присущими и всему роду вообще. Исключительно индивидуальными чертами являются природные способности и таланты – особенности темперамента, воображения, характера; особенности мышления – взгляды, мировоззрение, мнения; потребности, их качество и уровень, запросы. Каждый человек изначально всегда зависит от условий и социальной среды, в которых проходило его формирование. Его принципы, ценности, нормы, взгляды на жизнь и оценки – все это было сформировано в его социальном пространстве под влиянием условий и особенностей этого пространства. Но, конечно же, не только условия внешней среды влияют на формирование индивида, большое влияние оказывают наследственные факторы, его природные биологические качества. Таким образом, все индивидуальные качества человека – сплав врожденных и приобретенных черт, который начинает формироваться еще в раннем детстве. Каждый ребенок с самого рождения обладает индивидуальной программой развития, индивидуальными особенностями и разнообразием реакций – индивидуальностью. И индивидуальность – это потенциал, который может быть реализован в определенных жизненных условиях.

Индивидуальность – неповторимость, уникальность каждого индивида. Обусловлена биологической наследственностью и особым жизненным опытом.

В разные эпохи человек по-разному осознавал себя в мире. Прорыв в осознании человеком себя как личности, своей особенности и выделенности из мира произошел в эпоху Возрождения. А в эпоху Просвещения заколебались сами основы человеческого мировоззрения, во

многим благодаря теории Н. Коперника, показавшего, что Земля – не центр мира, а человек – не центр мироздания. Это было чрезвычайно сильным шоком для человека, выросшего на антропоцентричной модели мировоззрения и привыкшего числить себя центром мироздания, венцом творения. Однако позже, в эпоху Просвещения, человек переосмыслил эти мировоззренческие изменения и, не без влияния ценности бурно развивающегося научного знания, значительно повысил свою самооценку и значимость своего места в изменившейся реальности. Он сделал мир объектом своей мысли, своего анализа, чтобы остаться в его центре. С этого момента началось обособление, индивидуализация человека, осознание им своей особенности среди окружающих его людей, но не стихийного выделения себя ради самоутверждения, а осознанного и целеустремленного.

Личность – это, во-первых, системное качество индивида, объясняющее его включенностью в общественные отношения и проявляющееся в совместной деятельности и общении; во-вторых, субъект и продукт социальных отношений.

Личность, личина в древности понималась как маска, точнее, театральная маска. В латинском языке термину «личность» соответствует термин «персона», что также означает «личность» в переводе. В средние века это определение стало трактоваться как уникальная индивидуальность. Являясь носителем конкретных идей, культурных традиций, мировоззрения, личность тем не менее не сводится к общему культурному знаменателю. В ней есть нечто уникальное, индивидуальное начало, обладающее личной историей, мировосприятием, видением окружающего мира. Первоначальная парадигма определения социологией человека как личности состоит в признании его социокультурной обусловленности. С этой точки зрения личность – это единственный человек, представляющий собой систему устойчивых черт, свойств, характеристик, то есть совокупность внутренних качеств, которые составляют ее структуру, реализуемых в социальных связях, взаимодействиях, социальных институтах и в социальной жизни вообще.

Между человеком как индивидом и личностью есть крепкая связь: личность есть продукт развития индивида в обществе. Только что родившийся ребенок, например, не личность. Он индивид. Чтобы стать личностью, человек должен пройти определенный путь развития. Непременным условием этого развития являются биологические, генетически заданные предпосылки и наличие социальной среды, с кото-

рой ребенок взаимодействует. При этом в формировании личности есть и исторический аспект. Несколько столетий происходил процесс кристаллизации современного типа личности в мировой цивилизации, и он завершился в эпоху Возрождения. Последовавшие за этим буржуазные революции, возникновение индустриальной цивилизации и соответствующей ей культуры завершили процесс обособления личности.

В структуре личности можно выделить биогенные, психогенные и социогенные компоненты. Биогенный компонент учитывается социологами лишь в случае увечья или болезни человека, что мешает выполнению им социальных функций.

Психогенный компонент состоит из эмоций, переживаний, волевых устремлений, памяти, способностей и т. д. Здесь для исследователя важны не только разного рода отклонения, но и нормальное психическое поле деятельности индивида.

Социогенный компонент состоит из следующих элементов:

1) объективные социальные потребности личности (физиологические, потребности в безопасности, занятости, дружбе, заботе, любви, престиже);

2) способности к творчеству, знания, навыки;

3) степень овладения культурными ценностями общества;

4) нравственные нормы, принципы, которыми руководствуется личность;

5) способ реализации в деятельности всех социальных качеств, что проявляется в семейной жизни, труде, общественно-политической, культурной деятельности, досуге – словом, в образе жизни.

Социальная структура личности непостоянна, изменчива, потому что в течение всей жизни личность получает новую информацию, знания, меняет свое поведение, мотивацию поступков. Вот почему социогенный компонент личности вызывает наибольший интерес у социологов.

Разработанная П. Сорокиным в «Системе социологии» теоретическая модель личности собирает в себе подходы многих исследователей. Личность формируется, развивается и действует в системе определенных социальных координат. Каждый индивид принадлежит не к одной, а сразу к нескольким социальным группам (профессиональной, политической, общественной). И каждая налагает на нее определенный отпечаток, определяет ее социальное положение, оптимизирует социальные навыки. Надо отметить, что значение всех групп для личности

не одинаково. В одних группах личность чувствует себя более комфортно, ощущает более прочную связь с ней и черпает из нее нормы, правила поведения, социальные установки. Личность одновременно и целостна, и состоит из нескольких «Я». Такая мозаичность личности обусловлена тем, что, будучи членом различных социальных групп, индивид вынужден выполнять разные функции, требуемые группой. Например, дома, в семье, индивид должен думать о поиске средств к существованию, о воспитании детей; как гражданин – принимать участие в выборах, соблюдать законы; как представитель своей профессии – выполнять профессиональные обязанности и предписания и т. д.

Социология, типологизируя личность, пытается определить некий тип абстрактной личности, с наибольшей полнотой выражающей сущность данного общества или группы. Согласно представлениям известного социального антрополога Р. Линтона, в любом обществе выделяются два основных типа личности: **нормативная** – та, черты которой лучше всего выражают данную культуру, это как бы идеал личности данной культуры; **модальная** – статистически более распространенный тип отклоняющихся от идеала вариаций. Чем более нестабильным становится общество (например, в условиях кризиса), тем относительно больше становится людей, социальный тип которых не совпадает с нормативной личностью. Модальный тип личности является предметом исследования многих ученых, которые, в свою очередь, создают его классификацию. Так, Е.А. Ануфриев полагает, что в российском обществе, где происходит коренная ломка сложившейся ранее личностно-типологической структуры, можно выделить пока как модальный только торговый тип личности и мафиозный, широкое распространение которого приведет в конце концов к самым тяжким последствиям для России.

Американский социолог Р. Дарендорф создал на основе термина Аристотеля «*homo politicus*» довольно интересную типологию личности. Он полагает, что для традиционного общества (первобытного, рабовладельческого, феодального) характерен тип *homo faber* – человек трудящийся – крестьянин, воин, политик; для современного западного общества – *homo consumer* – человек-потребитель, человек массы; в будущем с развитием науки, образования, техники разовьется *homo universalis* – человек, способный заниматься разными видами деятельности; ну а для общества бывших социалистических стран характерен *homo soveticus* – человек, зависящий от государства.

1.2. Основные факторы развития личности

У человеческой личности есть определенные черты, общие с другими людьми или присущие только ей. Постараемся раскрыть эти положения. Личность является одним из тех феноменов, которые редко истолковываются одинаково двумя разными авторами. Все определения личности так или иначе обуславливаются двумя противоположными взглядами на ее развитие. С точки зрения одних, каждая личность формируется и развивается в соответствии с ее врожденными качествами и способностями, а социальное окружение при этом играет весьма незначительную роль. Представители другой точки зрения полностью отвергают врожденные внутренние черты и способности личности, считая что личность – это некоторый продукт, полностью формируемый в ходе социального опыта. Очевидно, что это крайние точки зрения процесса формирования личности. В своем анализе мы, конечно, должны учитывать как биологические особенности личности, так и ее социальный опыт. Вместе с тем практика показывает, что социальные факторы формирования личности более весомы. Представляется удовлетворительным определение личности, данное В. Ядовым: «Личность – целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной деятельности и общения». В соответствии с этим взглядом личность развивается из биологического организма исключительно благодаря различным видам социального культурного опыта. При этом не отрицается наличие у нее врожденных способностей, темперамента и предрасположенности, значительно влияющих на процесс формирования личностных черт.

Для анализа возникновения и развития личностных черт разделим факторы, оказывающие влияние на формирование личности, на следующие типы: 1) биологическая наследственность; 2) физическое окружение; 3) культура; 4) групповой опыт; 5) уникальный индивидуальный опыт. Проанализируем влияние этих факторов на личность.

Биологическая наследственность. Кирпичный дом не может быть построен из камня или из бамбука, но из большого количества кирпичей можно построить дом множеством различных способов. Биологическое наследие каждого человека составляет сырые материалы, которые затем формируются разными способами в человеческую особь, индивида, личность.

В отличие от многих видов животных, человеческое существо проявляет сексуальность во все времена года, что в большей или меньшей степени сказывается на деторождении. Ребенок рождается совершенно беспомощным и остается таким первые годы своей жизни. Подобные биологические факты закладывают основу социальной жизни людей. Кроме того, человек не имеет инстинкта моногамной сексуальной жизни, и в каждом обществе эта особенность проявляется по-разному, сказываясь на формировании института семьи и на воспитании детей. Черты биологического наследия дополняются врожденными потребностями человеческого существа, которые включают потребности в воздухе, пище, воде, активности, сне, безопасности и отсутствии боли. Если социальный опыт объясняет в основном сходные, общие черты, которыми обладает человек, то биологическая наследственность во многом объясняет индивидуальность личности, ее изначальное отличие от других членов общества. Вместе с тем групповые различия уже нельзя объяснять биологической наследственностью. Здесь речь идет об уникальном социальном опыте, об уникальной субкультуре. Следовательно, биологическая наследственность не может полностью создать личность, так как ни культура, ни социальный опыт не передаются с генами. Однако биологический фактор необходимо учитывать, так как он, во-первых, создает ограничения для социальных общностей (беспомощность ребенка, невозможность долго находиться под водой, наличие биологических потребностей и т. д.), а во-вторых, благодаря биологическому фактору создается бесконечное разнообразие темпераментов, характеров, способностей, которые делают из каждой человеческой личности индивидуальность, т.е. неповторимое, уникальное создание.

Физическое окружение. Некоторые исследователи придавали физическому окружению решающее значение в развитии личности. Известный социолог Питирим Сорокин в нескольких работах, опубликованных в 1928 г., обобщил теории многих ученых – от Конфуция, Аристотеля, Гиппократов до современного ему географа Эллиота Хантингтона, согласно которым групповые различия в поведении личностей в основном определяются различиями в климате, географических особенностях и природных ресурсах. К этой группе ученых можно отнести также философа Г.В. Плеханова и историка Л.Н. Гумилева. Теории, разработанные этими исследователями, являются хорошей

основой для оправдания этноцентрического, националистического сознания, однако не могут оправдать решающего влияния физического фактора на развитие личности. Действительно, в сходных физических и географических условиях формируются различные типы личностей, и, наоборот, очень часто бывает так, что схожие групповые признаки личностей развиваются в разных условиях окружающей среды. В связи с этим можно сказать, что физическое окружение может влиять на культурные особенности социальной группы, но его влияние на формирование отдельной личности незначительно и несравнимо с влиянием на личность культуры группы, группового или индивидуального опыта.

Культура. Прежде всего следует отметить, что определенный культурный опыт является общим для всего человечества и не зависит от того, на какой ступени развития находится то или иное общество. Так, каждый ребенок получает питание от старших по возрасту, обучается общению через язык, получает опыт применения наказания и вознаграждения, а также осваивает некоторые другие наиболее общие культурные образцы. Вместе с тем каждое общество дает практически всем своим членам некоторый особенный опыт, особенные культурные образцы, которые другие общества предложить не могут. Из социального опыта, единого для всех членов данного общества, возникает характерная личностная конфигурация, типичная для многих членов данного общества. Например, личность, сформировавшаяся в условиях мусульманской культуры, будет иметь иные черты, чем личность, воспитанная в христианской стране.

Американская исследовательница К. Дьюбойс назвала личность, обладающую общими для данного общества чертами, «*модальной*» (от взятого из статистики термина «мода», обозначающего величину, которая встречается наиболее часто в ряду или серии параметров объекта). Под модальной личностью Дьюбойс понимала наиболее часто встречающийся тип личности, обладающий некоторыми особенностями, присущими культуре общества в целом. Таким образом, в каждом обществе можно найти такие личности, которые воплощают средние общепринятые черты. Говорят о модальных личностях тогда, когда упоминают о «средних» американцах, англичанах или об «истинно» русских. Модальная личность воплощает в себе все те общекультурные ценности, которые общество прививает своим членам в ходе куль-

турного опыта. Эти ценности в большей или меньшей степени содержатся в каждой личности данного общества.

Другими словами, *каждое общество развивает один или несколько базисных личностных типов, которые соответствуют культуре этого общества*. Такие личностные образцы усваиваются, как правило, с детства. У равнинных индейцев Южной Америки социально одобряемым типом личности для взрослого мужчины был сильный, самоуверенный, воинственно настроенный человек. Им восхищались, его поведение вознаграждалось, и мальчики всегда стремились быть похожими на таких мужчин. Каким же может быть социально одобряемый тип личности для нашего общества? Пожалуй, это личность социабельная, т.е. легко идущая на социальные контакты, готовая к сотрудничеству и обладающая при этом некоторыми агрессивными чертами (т. е. способная за себя постоять) и практической сметкой. Многие эти черты развиваются скрытно, внутри нас, и мы испытываем неудобство, если эти черты отсутствуют. Поэтому мы обучаем своих детей говорить «спасибо» и «пожалуйста» старшим, учим их не стесняться взрослого окружения, уметь постоять за себя. Однако в сложных обществах очень трудно найти общепринятый тип личности из-за наличия в них большого числа субкультур. Наше общество имеет много структурных подразделений: регионы, национальности, род занятий, возрастные категории и др. Каждое из этих подразделений имеет тенденцию к созданию собственной субкультуры с определенными личностными образцами. Эти образцы смешиваются с личностными образцами, присущими отдельным индивидам, и создаются смешанные личностные типы. Для изучения личностных типов различных субкультур следует изучать каждую структурную единицу отдельно, а затем учитывать влияние личностных образцов доминирующей культуры. Итак, на формирование личности определенное влияние оказывают биологические факторы, а также факторы физического окружения и общие культурные образцы поведения в отдельной социальной группе. Однако следует помнить, что главными факторами, определяющими процесс формирования личности, безусловно, являются групповой опыт и субъективный, уникальный личностный опыт. Эти факторы в полной мере проявляются в процессе социализации личности.

1.3. Подходы к изучению личности

Существует великое множество теорий личности. Среди них можно выделить два наиболее распространенных подхода – социально-психологический и функциональный.

Основателем **социально-психологического** направления в изучении личности считают З. Фрейда. Фрейд был убежден, что личность постоянно находится в состоянии конфликта с обществом. Согласно его теории, биологические побуждения (особенно сексуальные) противоречат нормам культуры, и социализация есть процесс обуздания этих побуждений. Он выделял в психике личности три уровня – Оно, Я, Сверх-Я.

«Оно» является источником энергии, направленной на получение удовольствия. При высвобождении энергии ослабляется напряжение, и личность испытывает чувство удовольствия. «Оно» побуждает человека есть, заниматься сексом, отправлять естественные потребности организма.

«Я» – помогает «Оно» ориентироваться, регулируя выбор подходящего объекта, позволяющего преодолеть напряженность, связанную с «Оно». Действует по принципу реальности. Например, «Оно» ощущает голод, «Я» запрещает ему есть шариковые ручки, бумагу, тряпки и т. д.

«Сверх-Я» – идеализированный родитель, регулирующий поведение личности и стремящийся усовершенствовать его в соответствии со стандартами социальной группы и всего общества.

По Фрейду, становление структуры психики личности происходит постепенно. Так, новорожденный ребенок – это «Оно», не умеющее определить свои потребности и удовлетворить их. Хочет ли он есть, пить, ощущает ли он неудобства – все обозначается одинаково – криком. С его развитием под руководством родителей формируется «Я» – на основе принципа реальности с ограничением «Оно», чувства ответственности за поступки и т. д. В период детства родители выступают в роли «Супер-Я», наказывая или поощряя ребенка за его поведение. По мере взросления личности в его психике оформляется уровень «Супер-Я», который руководит ею всю оставшуюся жизнь.

Согласно теории Фрейда, процесс формирования личности проходит четыре стадии. На каждой стадии возникает конфликт между

стремлением к удовлетворению потребностей и ограничениями, установленными сначала родителями, а затем и «Супер-Я». На первой стадии вся энергия малыша направлена на получение удовлетворения через процессы приема пищи и сосания. На второй стадии, с точки зрения Фрейда, дети стремятся к самостоятельности, а родители стараются приучить их проситься на горшок. В этот период важное значение приобретает умение контролировать процессы экскреции. В ходе третьей стадии начинают проявляться различия мальчиков и девочек, их оценка поступков и своих потребностей, а также разница во взаимоотношении со своим окружением, результатом негативной оценки которого становится эдипов комплекс у первых и комплекс неполноценности – у вторых. Четвертая стадия – юность. На первое место по важности в этот период выходят сексуальные отношения с представителем противоположного пола.

Концепция З. Фрейда, наряду с идеями М. Вебера, легла в основу интеракционистской теории личности Чарльза Кули, так называемой теории «Зеркального Я».

Ч. Кули считал, что личность формируется на основе множества взаимодействий людей с окружающим миром. Он представлял структуру личности из 3 элементов:

- 1) из того, как, по нашему мнению, нас воспринимают другие;
- 2) из того, как, по нашему мнению, другие реагируют на то, что видят в нас;
- 3) из того, как мы отвечаем на воспринятую нами реакцию других.

Пример из жизни: вы идете по улице, и все встречные прохожие пристально вас разглядывают. Ваша ответная реакция – вы расшифровываете это внимание как осуждение и насмешку и бежите к первому попавшемуся зеркалу проверить, что же у вас не в порядке – одежда, причёска или внешность?

Процесс зеркального отражения собственного «Я» является субъективным процессом и необязательно соответствует объективной реальности. Этот процесс также не подразумевает, что наше представление о самих себе радикально изменяется всякий раз, когда мы сталкиваемся с новым человеком и новой ситуацией. В таком случае формируются относительно кратковременные внутренние собственные образы – самоимиджи. Наряду с ними в сознании существует пред-

ставление о себе – вневременное ощущение самого себя – «истинное Я», которое самоимиджи, накапливающиеся со временем, могут только корректировать.

Джордж Мид, основатель символического интеракционизма, также считал, что «Я» самость – продукт социальный. В начале, будучи малыми детьми, мы не способны объяснить себе мотивы поведения окружающих. Научившись осмысливать свое поведение, имитируя или играя во взрослых, дети начинают все больше принимать во внимание мнение и поступки других людей. Д. Мид утверждал, что мы обретаем ощущение индивидуальности, когда подходим к себе в целом с той же меркой, что и к другим людям. Это значит, что внутренне мы одновременно являемся субъектом-наблюдателем и объектом-наблюдаемым. Мид структурировал личность следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Структурирование личности

«Я – сам» – это реакция личности на воздействия других людей и общества в целом, иначе говоря, субъект-наблюдатель. «Я – меня» – осознание человеком себя с точки зрения других значимых для него людей – родственников, друзей. «Я – меня» – объект-наблюдаемый. Например, я «Я – сам» воспитан в принципах бережного отношения к деньгам («копейка рубль бережет»), но окружающие меня люди счи-

тают скупость пороком, и я в отношениях с ними («Я – меня») стараюсь быть щедрым и великодушным.

По мнению Мида, процесс формирования личности включает три стадии. Первая – *имитация*. На этой стадии дети копируют поведение родителей, не понимая его. Малыш, например, может, намочив тряпицу, возить ею по полу, подражая матери, моющей полы в комнате. Он как бы примеряет на себя модель ее поведения. Мать для него – по Миду – «значимый другой». Следующая стадия – *игровая*. Дети понимают поведение как исполнение определенных ролей: мамы и дочери, врача и больного, продавца и покупателя и т. д. Переход от одной роли к другой развивает у детей способность придавать своим мыслям и действиям такой смысл, который придают им «значимые другие» – другие члены общества. Обмениваясь ролями в процессе игры, дети постепенно вырабатывают свое «Я – меня». Каждый раз, глядя на себя с точки зрения кого-то другого, они учатся воспринимать впечатления о себе. На третьей стадии дети осознают, что они принадлежат к более крупному сообществу людей, и это сообщество придерживается вполне определенных взглядов на то, что является нормальным поведением, а что – отклонением. Социальная группа, дающая индивиду осознание цельности собственной личности, называется «обобщенный другой». С его помощью мы впитываем в себя организованную систему взглядов нашего общества в рамках наших собственных личностей так, что социальный контроль преобразуется в самоконтроль.

Функциональный подход способствовал разработке статусно-ролевой теории личности. С позиций изучения социальных функций, выполняемых личностью, она определяется как совокупность социальных статусов и социальных ролей, характерных для данного общества. **Биогенетическая концепция** – развитие личности человека определяется биологическим, преимущественно наследственным, фактором. Развитие личности носит спонтанный (самопроизвольный) характер. Человек от природы имеет предрасположение не только к некоторым особенностям протекания эмоциональных реакций, особенностям темпа действий, но и к определенному комплексу мотивов (предрасположение к преступности у одних, к успехам в административной деятельности у других). В человеке от природы запрограммированы не только формы его психической деятельности, но и их содержание,

изначально определены этапы психического развития и порядок их возникновения. «**Биогенетический закон**» утверждает, что онтогенез является сокращенным повторением филогенеза. Сторонники этой теории утверждают, что психическое развитие индивида является повторением психического развития рода и усматривают в этом закон, предопределяющий все этапы психического развития ребенка. Биогенетический закон, сформулированный Мюллером и Геккелем применительно к эмбриональному развитию зародыша, гласит, что в течение зародышевого развития организм воспроизводит в своем анатомическом строении все основные стадии развития рода.

Социогенетическая концепция рассматривает развитие личности как результат прямых воздействий окружающей социальной среды. Игнорируется собственная активность развивающегося человека, ему отводится пассивная роль существа, лишь приспосабливающегося к окружающей обстановке. Социогенетический подход акцентирует внимание на социальных факторах развития, процессах социализации. Теория К. Левина связывает проблемы юношества с факторами окружающей среды, считая поведение человека функцией одновременно личности и ее среды.

Деятельностный подход нашел свое воплощение в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович и др. В середине 20-х гг. XX в. вокруг Л.С. Выготского начинает складываться кружок единомышленников. Оценив фундаментальное значение идей Выготского о социальном происхождении специфических человеческих функций, молодые московские ученые (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Л.И. Божович и др.) активно включаются в разработку культурно-исторической теории.

Александр Романович Лурия сыграл большую роль в разработке теории культурно-исторического развития психики и экспериментального обоснования ее основных положений. В 1930–1932 гг. он проводит сравнительное исследование специфических психологических особенностей людей, живущих в различных социально-экономических и культурных условиях. Цель этих исследований – подтвердить положение о социальной обусловленности содержания и внутреннего строения высших психических функций человека. Проведенные исследования позволили подтвердить данную гипотезу, в частности, выявив

специфические особенности мышления и восприятия у людей – членов обществ, стоящих на разных ступенях социально-экономического развития. Изучая формирование сознания человека в ходе исторического развития, Лурия создавал общественно-историческую психологию, науку, которая опиралась бы на принцип единства онтогенеза и исторического развития сознания.

Проблемы развития психики в рамках детской психологии изучал Алексей Николаевич Леонтьев. Один из основоположников отечественной психологии развития, он сформулировал положение о том, что психическое развитие человека качественным образом отличается от развития психики животного. Наследственная организация поведения не имеет определяющего значения в развитии человека, поскольку решающую роль в нем играет присвоение отдельным индивидом исторического опыта людей, и прежде всего – общественно выработанных психических способностей, опредмеченных в материальной и духовной культуре. Таким образом, источником психического развития ребенка является культура, а движущими силами этого процесса служат возрастные изменения объективного положения ребенка в системе его отношений со взрослыми и возрастные изменения его деятельности. Ребенок осуществляет с различными предметами материальной и духовной культуры адекватную их общественному происхождению воспроизводящую деятельность, посредством которой присваивает соответствующие способности и способы поведения. С этой точки зрения психическое развитие ребенка состоит в закономерных качественных изменениях его воспроизводящей деятельности и содержания присваиваемых им способностей. Ребенок не может самостоятельно выработать и выполнить эту адекватную предмету деятельность – она всегда должна строиться окружающими его людьми во внешней совместной деятельности. В дальнейшем самостоятельное продвижение мысли ребенка возможно лишь на основе интериоризованного опыта. Таким образом, интериоризация является необходимым звеном психического развития ребенка. Согласно А.Н. Леонтьеву, психическое развитие ребенка и присвоение им достижений культуры – это единый процесс. Присвоение, осуществляемое в совместной деятельности, можно рассматривать как обучение и воспитание, которые выступают внутренними и необходимыми формами психического развития ребенка. Все

типы обучения и воспитания направлены на формирование у ребенка различных типов воспроизводящей деятельности. Но понятия сами по себе не вызывают у ребенка адекватного действия – он еще должен ими овладеть. Поэтому главное звено обучения – это формирование мыслительных действий у ребенка окружающими людьми в процессе общения с ним. Чтобы построить у ребенка мыслительное действие, первоначально его содержание нужно дать во внешней предметной (экстериоризированной) форме, а затем путем ее преобразования, обобщения и сокращения при помощи речи (интериоризации) превратить это действие в собственно умственное. Иными словами, знания могут быть полноценно усвоены человеком только при выполнении им определенных предметных действий, которые у него специально формируются. Всякое обучение знаниям одновременно является процессом формирования у учащегося умственных действий. Вместе с тем при осуществлении действий, нацеленных на решение определенных задач, человек овладевает не только конкретными знаниями, но и соответствующими психическими способностями и способами поведения.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы современные научные концепции формирования человеческой личности? В чем их основной смысл и различие?
2. На какие группы можно разделить факторы, влияющие на формирование личности человека?
3. В чем состоит роль биологических факторов в формировании личности? Почему мы не можем сказать, что личность формируется в основном на биологическом уровне?
4. В чем состоит основной принцип теорий, признающих решающую роль физического окружения в формировании личности? Кто был сторонником «географического подхода» к изучению личностных черт человека?
5. Как культура влияет на развитие личности? Что представляет собой модальная личность?
6. Опишите процесс формирования личности в результате группового опыта. Что представляет собой процесс социализации личности?

7. Как Ч. Кули описывает процесс социализации личности в группе? Какое значение имеет в его теории понятие зеркального «Я»?

8. Что означает понятие «обобщенный другой» в концепции Дж. Мида? Какое значение имеет принятие других ролей в процессе формирования личности?

9. В чем сущность концепции «значимого другого» при усвоении личностью социальных норм группы или общества?

10. Что дает личности уникальный индивидуальный опыт? Как он дополняет групповой опыт и каковы его последствия?

Глава 2

Возраст и формирование личности

2.1. Детство как начальный этап развития личности

Детство и дети стали привлекать ученых в качестве объектов их научных изысканий сравнительно недавно. Несмотря на то, что еще древние мыслители касались детской проблематики в своих работах, целенаправленная научная деятельность стала развиваться лишь в XVIII веке, отдельные научные отрасли (такие как возрастная психология, педология, этнография детства) сформировались значительно позднее, в конце прошлого – начале нынешнего века.

Во второй половине XX века детство постепенно становится объектом изучения комплекса гуманитарных и общественных наук. Ряд из них сформировал свои научные концепции детства, в других подобные исследования эпизодичны. Но сегодня мы с полным правом можем констатировать, что интерес научных кругов к проблеме детства не случаен, он обусловлен повышением внимания к детству и детям в мировом сообществе. С другой стороны, именно результаты научных проектов позволяют обществу строить свою стратегию поддержки и защиты детства. Несмотря на то, что различные научные дисциплины общегуманитарного и социального циклов по-разному определяют сами понятия «детство» и «дети», они признают, что детство является неотъемлемой частью образа жизни и культуры как всего человечества, так и каждого народа нашей планеты.

Сегодня в обществе и научной сфере существуют несколько взглядов на возможности социологии детства. Выделим два полярных. Ряд ученых полагает, что возможно лишь теоретическое осмысление этого социального явления с использованием экспертного взрослого мнения, они отрицают возможность проведения социологических опросов

детей, основываясь на том, что эта группа населения не включена в социальные отношения в обществе, не имеет сформировавшегося мнения. Приверженцы этого взгляда считают достаточным получать информацию о детях от их родителей и воспитателей. Другие исследователи полагают естественным выяснять мнение детей по всем возможным вопросам, включая политику и экономику. «Как ты относишься к президенту Путину? Какая армия нужна нашей стране?» – обращаются уже к ребенку-дошкольнику и ждут от него истины, считая, что она глаголет именно устами младенцев.

Выбор методов исследования зависит от многих факторов. Один из них – подход самого социолога к детству. При всем множестве подходов мы полагаем, что существуют четыре основных, используемых при эмпирическом изучении детства:

1. Детство как далекая звезда. Социолог изучает детство, как нечто далекое, отстраненное от нашего взрослого мира, часто делает это без непосредственного контакта с самими детьми, пользуясь как инструментом мнениями родителей, педагогов, других взрослых, окружающих детей.

2. Детство как неизвестное племя. Социолог исследует детей, как новое неизвестное ему племя, внедряясь в него и наблюдая за ними, фиксируя их обычаи, язык, моду, правила общения, клички и др., а также задавая специальные вопросы.

3. Прогулки с динозаврами. При этом подходе социолог изучает «следы детства», оставляемые юными подобно следам динозавров. Изучение ведется без непосредственного контакта, в качестве следов выступают дневники, граффити, рисунки и др.

4. Секретный эксперимент. Социолог организует и проводит специальные социальные эксперименты, изучая особенности поведения детей в необычных для них ситуациях.

Наш подход к изучению детства состоит в следующем:

1. Для всестороннего изучения детства необходимы не только теоретические, но и эмпирические исследования.

2. Возможно проведение эмпирических исследований в самой детской среде при соблюдении ряда условий.

3. Получаемое при этом знание можно считать в большой мере адекватным (соответствующим) реальному состоянию детского сообщества.

Мы полагаем, что современное детство можно исследовать, лишь соединив вместе и теоретический, и практический подходы. При этом

нужно знать, что просто сложить все известные методы не получится, нужно правильно подобрать для раскрытия разных сторон детской жизни свой метод. На практическом уровне данные о современном статусе детства могут быть получены опросными и неопросными путями, с применением мнения самих детей и с привлечением экспертов, качественными и количественными методами, о которых будет рассказано ниже. Выделим некоторые методические сложности прямого изучения детского сообщества. При проведении подобных исследований требуется:

- обосновать возрастные границы допустимости и возможности получения информации по интересующей проблематике от детей, например по социальным проблемам;
- определить процедурные подходы к изучению мнений и представлений детей разного возраста;
- адаптировать традиционные методики изучения общественного мнения для применения их к детям;
- сконструировать нестандартные, игровые, рисуночные и иные мягкие методики;
- разрешить проблему неискренности респондентов-детей при общении со взрослым исследователем;
- выяснить, в каких случаях взрослые могут быть экспертами по проблемам детства, разработать методические и процедурные подходы таких исследований.

Современные подходы к периодизации детства

При сборе и обработке информации достоверность получаемого знания во многом зависит от полноты и всестороннего учета характеристик объекта исследования, его психологических, этнических, социальных и других особенностей, в нашем случае прежде всего необходим учет возрастных особенностей. В связи с этим возникает необходимость иметь четкие ориентиры возрастной периодизации внутри детской группы. Возраст во многом определяет границы допустимости и возможности получения от детей информации по интересующей нас проблематике, оптимальность использования того или иного метода.

С точки зрения психологии категория «возраст» обозначает определенную, качественно своеобразную ступень развития, обусловлен-

ную закономерностями формирования организма, условиями жизни, обучения и воспитания и имеющую конкретно-историческое происхождение. По определению Л.С. Выготского, основными характеристиками возраста являются «социальная ситуация развития», отражающая место ребенка в системе социальных отношений, его деятельность, новообразования в сфере сознания и личности. Процесс перехода от одной возрастной ступени к другой предполагает глубокое преобразование всех названных структурных компонентов. В нормативно-ценностном плане каждый возраст характеризуется особыми жизненными задачами, от своевременного решения которых зависит как личностное развитие в целом, так и успешность перехода к следующему возрастному этапу (например, осознанный выбор профессии, создание семьи и др.). Конвенция о правах ребенка определяет возрастные рамки детства от 0 до 18 лет, если по закону, действующему в данной стране, ребенок не достигает совершеннолетия ранее. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», принятый в июле 1998 года, подтвердил именно эти границы детского возраста. В России сегодня принята следующая возрастная периодизация: младенчество (от рождения до 1 года); дошкольное детство (1–3 года); дошкольное детство (3–6 лет); младший школьный возраст (6–10 лет); подростковый возраст (10–15 лет); ранняя юность (15–17 лет); второй период юности (17 лет – 21 год).

Каковы же особенности разных периодов детства? Основой для рассмотрения данной проблемы в отношении детского возраста считаем положения теоретических и научно-практических разработок Жана Пиаже, изложенных им в книгах «Речь и мышление ребенка», «Суждение и рассуждение ребенка», и работы Л.С. Выготского «Проблема речи и мышления в учении Ж. Пиаже. Критическое исследование». Работы швейцарского исследователя были написаны в 20-е годы XX века на основе его деятельности (наблюдений, тестирования, интервьюирования) в Институте Руссо. Ученый выделил несколько возрастных периодов, в которые проявляются специфические особенности речи и мышления ребенка. Л.С. Выготский провел в своей работе критический анализ подходов Пиаже, во многих случаях именно его уточнения подходов к развитию детского мышления служат для нас определяющими в обосновании выбора того или иного метода исследования.

До семилетнего возраста мысль ребенка проникнута тенденциями игры, чрезвычайно трудно отличить выдумку от мысли, принимаемой за правду. Ребенок этого возраста склонен считать, что он все знает, даже вопросы, которые он задает сам, – в значительной мере риторические – ребенок ответа на них со стороны взрослых и не ожидает. При обмене мыслями между ребенком и взрослым роли двух сторон неравны. Ребенок чувствует себя ниже взрослого и в то же время у него долго остается впечатление, что взрослый его вполне понимает. Поэтому он никогда не старается уточнить свою мысль, разговаривая со взрослыми, а из речей взрослых он удержит лишь то, что ему понравится, за невозможностью проникнуть в мир взрослых. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что предпочтительным методом изучения детей этого возраста можно считать наблюдение.

Согласно данным Пиаже, до 7-8 лет у ребенка развивается лишь так называемая эгоцентрическая мысль: отсутствует дедукция, образные схемы, схемы аналогий. Эгоцентрическая мысль затем не исчезает в одночасье, остается в наиболее отвлеченной, вербальной части речи. Только с 7-8-летнего возраста постепенно начинают появляться навыки социализированной мысли. Здесь позволим себе обратиться к одному из моментов полемики Л.С. Выготского и Ж. Пиаже. Солидаризируясь со швейцарским ученым по вопросу о преобладании у детей этого возраста эгоцентрической мысли и речи, российский исследователь стоит на позиции определяющего влияния социального. По его мнению, развитие речи происходит от социальной через эгоцентрическую к внутренней. Пиаже считает, что речь и мышление ребенка этого возраста являются аутистическими, т. е. личными, направленными только на внутренние переживания. Л.С. Выготский уточняет, что мысль детей такова только в отношении тех объектов, явлений, где он не способен еще мыслить связно и логично.

Между 9 и 10 годами, по мнению специалистов, начинается новый уровень социального развития, фиксируемый в позиции «Я и общество», когда ребенок пытается выйти за рамки детского образа жизни, занять общественно важное и общественно оцениваемое место. По Л.С. Выготскому, ребенок переходит от житейских понятий к научным. Постепенно, по данным современных российских психологов, к 10-11 годам ребенок осознает определенные понятия, им употребляемые, он становится способным к наблюдению над собственными мыслительными опытами. Возникает так называемая формальная мысль.

Развивается дедукция, мысль становится такой же, как мысль взрослого. До подросткового возраста физическая реальность не оттеняется субъективной реальностью (ребенок не осознает личного характера своих мнений, своих определений, даже слов и т. д.). С этого возраста дети могут становиться на позиции, ими самими и не разделяемые. Обращает на себя внимание быстрое приспособление детского сознания и поведения к изменениям социальной среды, например принятие подростковой средой идеи прав ребенка, распространение «компьютерной картины мира». Динамичность изменения сознания подростков – особенность данной социально-демографической группы, подтверждающаяся исследованиями последних лет. Подростки меняются быстрее, чем наши представления о них, причем одной из особенностей детского и подросткового возраста является неискренность. Какова же ее природа? Результаты, полученные исследователями, показывают, что дети могут быть отнесены к группе респондентов, которые обладают низким уровнем искренности, он составляет около 68 %. Такие выводы были сделаны на основе измерительных методик искренности опрашиваемых при исследованиях людей.

Пол Экман (Калифорнийский университет) посвятил теме неискренности детей специальные исследования. Им были выделены следующие мотивы неискренности, лжи детей:

- избегание наказания;
- стремление добыть нечто, чего иначе не получишь;
- защита друзей от неприятностей;
- самозащита или защита другого человека;
- стремление завоевать признание и интерес со стороны окружающих;
- желание не создавать неловкую ситуацию;
- избегание стыда;
- охрана личной жизни, защита своей приватности;
- стремление доказать свое превосходство над тем, в чьих руках власть.

Однако в младшем возрасте будет преобладать провоцирующее влияние различных соблазнов, в том числе и в похвале взрослых, превосходстве над другими. Возрастание значимости сообщества ровесников в подростковом возрасте приводит к тому, что одним из главных видов лжи становится не собственно ложь, а умолчание правды о сво-

их друзьях. Таким способом подростки пытаются защитить сверстников от неприятностей и завоевать их признательность. Представленные выводы Пола Экмана сделаны им на основе своих собственных наблюдений за детьми и крупнейшего исследования лжи, жульничества и воровства детей, проведенного в 1928 году Хью Хартшорном и Марком Мэйем. 11 тысяч детей были поставлены в 32 различные ситуации, в которых они могли повести себя нечестно. В ряде подобных ситуаций самих детей использовали как провокаторов. Весь комплекс исследовательских этапов являлся широким социальным экспериментом. По данным этого исследования, первоначально схитрили 44 %, но затем 20 % из них нашли в себе силы сознаться в этом. Исследователи констатировали снижение количества неискренних детей по мере взросления, однако отмечали повышение изощренности лжи, т. е. дети «учились лгать». Тех, кто часто лжет, по оценкам американских исследователей, примерно 5 %.

У различных групп российских подростков наблюдается разный уровень искренности. Особенно добросовестно относятся к заполнению анкет сельские школьники, что связано с особенностями их воспитания и социализации. Подростки из больших городов и 14-15-летние наиболее склонны давать неполную, усеченную и искаженную информацию. В работе с детской аудиторией исследователю необходимо соблюдать особые этические принципы работы. Задачи исследования могут в ряде случаев поставить социолога перед искушением с помощью обмана, давления, манипулирования получить более полную, по его мнению, информацию от детей или о детях. В любых ситуациях при использовании опросных или других методов, если ребенок нервничает, огорчен, раздражен, нужно прекратить исследование. Ни одна добытая таким способом научная истина не стоит спокойствия, душевного комфорта маленького человека. «Исследователь... подобен путешественнику, рассказывающему о чужом городе», – к этим словам известного социолога Л. Ньюмана позвольте добавить, что, подобно цивилизованному путешественнику, социолог детства должен познавать этот чужой город с почтением и уважением, стремясь осмотреть и понять все самое интересное, загадочное, не вмешиваясь, не разрушая. Полностью избежать влияния, конечно, не удастся. Исследователь детства является социальным деятелем, создающим артефакты своей теорией, практической и экспериментальной деятельностью. **Артефакт** – созданный человеком объект. Социолог, который

изучает детство с помощью эмпирических исследований, хочет он того или нет, влияет на данное социальное образование своими действиями. Социолог, проводящий изучение детского сообщества, не только влияет на объективную реальность своими практическими выводами и доказательствами, построенными на результатах исследований, но и изменяет эту реальность в процессе общения с детьми таким способом, что, например, дает им возможность выразить свое мнение, формирует их демократическую и социологическую культуру. Такое влияние может быть оценено как положительное.

2.2. Молодежь как особый этап социализации

Что представляет собой молодежь как субъект социальных отношений? Объективные, фундаментальные общественные отношения касаются ее практически по всем «номинациям» в области собственности, системы власти и управления, доступности экономических и культурных благ в той мере, в которой все социальные группы общества включают в себя подрастающие поколения. Молодежь как субъект социальных отношений. Полемика между учеными по поводу определения молодежи, критериев выделения ее в самостоятельную группу, возрастных границ имеют давнюю историю. Ученых разделяют разные подходы к предмету изучения – с позиций социологии, психологии, физиологии, демографии, а также традиции классификации, сформировавшиеся в тех или иных научных школах. Немалую роль играют идеологические факторы, так как молодежь находится на острие политической борьбы. В отечественном обществоведении долгое время молодежь не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа: выделение такой группы не укладывалось в существовавшие представления о классовой структуре общества и противоречила официальной идеологической доктрине о его социально-политическом единстве. Одно дело говорить о молодежи как о составной части рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, другое – признавать ее социальные особенности как некоей целостности. В этом усматривалось противопоставление молодежи другим социальным группам, стремление к институционализации ее особых социальных и, не дай бог, политических амбиций. Социологи первыми среди обществоведов увидели в молодежи как социальной группе присущие только ей культурные черты, специфич-

ческие интересы, ценности и нормы поведения. Кроме того, они заговорили об особых проблемах молодежи, имеющих прежде всего социальные корни. При этом оказалось, что многие из этих проблем, судя по официальной пропаганде, давно уже решены. И уже совсем вольнодумством выглядели результаты исследований, из которых вытекало, что в сравнении с западной молодежью у наших парней и девочек общего больше, чем различного. Это были годы бескомпромиссных споров о сущности молодежной субкультуры, о причинах социального бунтарства в ее среде, об отношениях между поколениями и о многом другом. Вступая в противоречие как с теоретиками бесконфликтности отношений между молодежью и обществом, так и с теми, кто доказывал, что молодежь – пролетариат, но со своими собственными политическими интересами, противостоящими интересам взрослых, молодая советская ювенология обретала зрелость. В этих дискуссиях окончательно сформировался взгляд на молодежь как на референтную группу и определились основные подходы к социологическому определению ее сущности. Они нашли подтверждение не только у нас, но и на Западе, когда депрессия 70-х годов продемонстрировала упадок радикализма студентов, которые, как оказалось, более стремились к государственной карьере, чем к насильственным социальным изменениям. Преодолев, не без трудностей, и ограниченность классового подхода в определении молодежи, и узкоэмпирические дефиниции, характерные для многих ювенологических школ, постепенно сформировался более широкий взгляд на эту социально-демографическую группу. Важнейшими группообразующими признаками молодежи большинство авторов признали возрастные характеристики и связанные с ними особенности социального положения, а также обусловленные теми и другими социально-психологические свойства. Одно из первых определений понятия «молодежь» было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет». Позднее более полное определение было дано И. С. Коном: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как опреде-

ленная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации». Как часть общества молодежь является предметом изучения многих социальных наук. Философия, психология, педагогика, социология, демография, политика, право, история – вот основной перечень наук, где «молодежь» входит в понятийный и терминологический аппарат. Естественно, в каждой из этих наук в понятие «молодежь» вкладывается свое содержание. Это связано с особенностями предмета науки и традиционностью употребления в них данного понятия. Не затрагивая областей смежных общественных наук, охарактеризуем социологический подход к указанной категории. В последние годы с изменением общенаучного подхода к решению ряда социальных проблем возникла потребность в целостном подходе к изучению всего многообразия общих связей и закономерностей молодого поколения, в рассмотрении молодежи как органического субъекта развития общества. В связи с этим в публикациях 90-х гг. по проблемам молодежи наметились тенденции формирования целостного представления о молодежи, вытекающего из самой объективности ее сущности. Такой подход к проблемам молодежи отличает монографию «Молодежь России: социальное развитие». В ней комплексно анализируются социальные характеристики молодежи: ее социальный состав, особенности социального положения, специфические формы социальной деятельности. Анализируя соотношение «молодежь и общество», авторы связывают социологическое определение понятия «молодежь» с тем специфическим положением, которое она занимает в системе воспроизводства и развития общества. В этом своем социальном качестве молодежь характеризуется, во-первых, теми общественными отношениями и общественными формами, которые системно детерминируют ее в самостоятельную социально-демографическую группу, а во-вторых, как субъект общественного производства, отличающийся становлением, особым содержанием личностной, предметной и процессуальной сторон конкретно-исторического бытия. Перечисленные проявления социального качества молодежи в процессе развития переходят одно в другое, взаимодополняют друг друга, как внешнее и внутреннее, обуславливая ее социальную сущность. В том же ракурсе можно рассмат-

ривать коллективную монографию «Молодежь России: тенденции и перспективы». В ее основу положены материалы, подготовленные Научно-исследовательским центром при Институте молодежи при участии ведущих ученых России в области молодежной политики. Исследования проводились с учетом глобальных процессов развития российского общества, а молодежь рассматривалась как органический субъект экономического, политического и социокультурного развития. Авторы монографии определяют молодежь как социально-демографическую группу общества, выделяемую на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе. Еще раз подчеркнем, что на молодежь распространяются специальные теории всех отраслей социологии. Вместе с тем как относительно самостоятельная социально-демографическая группа она имеет свою специфику, требующую анализа в рамках социологии молодежи, разработки специальных концепций и теорий среднего уровня. Учитывая относительность самостоятельности молодежи как социально-демографической группы, удастся, во-первых, не отрывать эту группу от общества, частью которого она является, а во-вторых, акцентировать внимание исследователей на том, что характер возрастных, социально-психологических и физиологических особенностей, специфических интересов и потребностей молодежи социально обусловлен, и они могут быть конкретно интерпретированы лишь в более широком общественном контексте. Поэтому и молодежные проблемы, ставшие предметом социологического анализа, стало принято подразделять на две большие группы. Рассмотрим их подробнее. К первой относятся специфически молодежные социальные проблемы: определение сущности молодежи как общественной группы, ее роли и места в воспроизводстве общества; установление критериев ее возрастных границ; изучение запросов, потребностей, интересов и способов деятельности молодого поколения; исследование специфики процесса социализации молодых людей, их социально-профессиональной ориентации и адаптации в коллективе, анализ социальных аспектов деятельности неформальных объединений и движений молодежи. Другую важную область социологического анализа составляют такие проблемы, которые являются общесоциологическими и в то же время либо преимущественно касаются

молодежи (проблемы образования, семьи, брака), либо находят специфическое проявление в молодежной среде (особенности воспитания молодежи, эффективность его различных форм, средств и методов, развитие социальной и политической активности молодежи, ее роль и место в структурах власти и т. д.). Отмеченная выше специфика предмета социологического изучения молодежи наложила свой отпечаток и на методы ее конкретного исследования. На разных этапах становления социологии молодежи широко использовались как общесоциологические теории, трансформированные с учетом специфики объекта исследования, так и частные концепции. Такие выдающиеся исследователи, как М. Вебер, Л. Выготский, А. Леонтьев, Т. Парсонс, С. Рубинштейн, П. Сорокин, Д. Узнадзе, З. Фрейд, Э. Эриксон и многие другие, внесшие существенный вклад в разработку различных направлений социального знания, оказали мощное воздействие и на развитие социологии молодежи. Во многом под их влиянием данная область науки обрела свой современный вид.

Направления социологического изучения молодежи

С определенной долей условности, присущей любой классификации, но все же можно выделить следующие направления в социологическом изучении молодежи.

1. Психоаналитическое. Ученые психоаналитической ориентации основываются на выводимой из психоанализа концепции жизненного пути личности. Поэтому определение молодежи они строят преимущественно на возрастных психофизических особенностях личности молодого человека, на выводах З. Фрейда, развитых его учениками и последователями неопрейдистского направления (Р. Бенедикт, Л. Фойер, Л. Шелефф, Э. Эриксон). В частности, их усилиями дальнейшую разработку получила теория эдипова комплекса, которой объясняется природа межпоколенных конфликтов, осмысляются причины агрессивности выступлений молодежи против существующего порядка, а также другие формы сублимации ее энергии как источник развития. Эпигенетический принцип Э. Эриксона позволил представить развитие человека как последовательное преодоление им возрастных личностных «кризисов идентичности», вызванных несоответствием между социальными требованиями и психосоциальной зрелостью личности. Рут Бенедикт показала, что на каждом этапе развития индивид испытывает

целенаправленное воздействие общества, формирующее у него определенный тип социально-психологической зрелости, т. е. «социальный характер», присущий каждому конкретному обществу. Существенно обогатили представления этого направления отечественные ученые – К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, Л. Архангельский, Л. Божович, В. Бочарова, Л. Бучева, С. Голод, Р. Гурова, И. Кон, А. Кулагин, С. Иконникова, В. Лисовский, А. Петровский, В. Ольшанский, Д. Фельдштейн, Е. Шорохова, В. Щердаков, Д. Эльконин и др. Преодолев известный биологизм Фрейда, сторонники данного направления отечественной социологии молодежи сумели осмыслить процесс развития личности молодого человека в непосредственном его взаимодействии с социумом. Рассмотрение молодости как социологической категории, определяемой не только возрастными границами, но и специфическим социальным статусом, особенностями сознания и поведения молодых людей, способствовало более углубленному осмыслению молодежных проблем, дифференцированному подходу к молодежи как внутренне неоднородной и вместе с тем специфически особой общественной группе. Выделение в ее составе различных слоев, выявление на основе исследований специфики их социального облика, особенностей сознания и поведения отдельных категорий молодых людей имело большое значение для научного обоснования дифференцированного подхода к воспитательной работе с молодежью. Это во многом предопределило возникновение в молодежной политике целого направления по всестороннему и гармоничному развитию подрастающего поколения. И хотя сама идея, в ее конечной форме, была достаточно утопична, все же попытки ее реализации как в исследовательской, так и в практической формах, безусловно, имели важные результаты. Накопленный опыт и знания послужили толчком к наметившемуся в 70-е годы системному исследованию процесса социализации молодежи, ее возрастной периодизации. Социологическому изучению подверглись не только формы и методы воспитательной работы, но и процесс социализации молодежи в целом, а также такие основные ее категории, как молодые рабочие, колхозники, учащиеся, студенты, молодая интеллигенция. Именно благодаря этому удалось проникнуть в глубинные пласты молодежного сознания, наиболее полно раскрыть индивидуальность молодого человека и в меру сил способствовать его самоактуализации, преодолению его отчуждения от общества.

2. Структурно-функциональное. В сущности, структурно-функциональный метод применяется почти во всех социальных концепциях, где возникает потребность в структурном анализе объекта исследования. К числу последователей этого влиятельного течения, активно применявших данную методологию при разработке проблем молодежи, относится израильский социолог Ш. Айзенштадт. Вслед за классиками структурно-функционального анализа (Э. Дюркгеймом, Р. Мертон, Т. Парсонсом и др.) он рассматривает молодежную группу как систему позиций, заполняемых индивидами, что означает для них приобретение некоторого социального статуса и исполнение определенной социальной роли. Значительную роль в развитии традиций структурного анализа молодежи сыграли труды российских социологов С. Быковой, В. Васильева, Ю. Волкова, С. Гурьянова, С. Григорьева, В. Журавлева, Е. Катульского, Л. Когана, А. Колесникова, Е. Леванова, В. Лисовского, А. Маршака, В. Мансурова, В. Мордковича, Б. Павлова, В. Родионова, Л. Рубиной, М. Руткевича, Б. Ручкина, И. Слепенкова, Н. Слепцова, В. Старовойтова, В. Шубкина. В исследовании социального развития молодежи безусловной заслугой сторонников данного направления явилась разработка концепций межпоколенного взаимодействия. Предметом анализа стали тенденции формирования молодых пополнений рабочего класса (В. Алексеева, В. Павлов, В. Мухачев, Н. Блинов), колхозного крестьянства (И. Слепенков, В. Старовойтов, А. Колесников) и интеллигенции (С. Быкова, В. Сбытов, В. Мансуров, К. Барбакова, Н. Слепцов, А. Ковалева), внутри- и межгенерационная мобильность (Ф. Филиппов, С. Григорьев). Выявленные в результате исследований несоответствия профессионального статуса и квалификационной подготовки, уровня образования и материального положения, формальной включенности в структуры управления и реального участия в принятии решений – фундаментальные противоречия, определяющие характер отношений молодежи и общества. Вместе с тем нельзя не отметить ограниченность исследований, осуществленных в данной традиции, рамками социально-классовых отношений. Изучение молодежи в развитии, т. е. в целостности, нуждалось в более широком социоструктурном подходе. Введение в научный оборот понятия жизненного (социального) самоопределения (В. Лисовский, Ф. Филиппов, В. Шубкин) способствовало более углубленному изучению процесса интеграции молодежи в общество. Высокую эффективность показал анализ жизненного самоопределения молодежи с применением лонги-

тюдной стратегии исследования. В 80-е годы коллектив ученых из 15 регионов страны осуществил такой проект, в ходе которого было опрошено 48 тыс. выпускников средних школ, ПТУ и средних специальных учебных заведений. Лонгитюдная методика позволила не только глубоко проанализировать процесс включения молодежи в общественную жизнь, но и проследить изменение поведения когорты, вариативность этого процесса во времени. Однако структурный и особенно структурно-функциональный подходы в принципе ориентированы на достижение стабильности общества. Подчеркивая решающую роль возрастной дифференциации в общественном самовоспроизводстве, сторонники такого подхода, как правило, не видят в ней источника социальных изменений. Более того, любые действия, в том числе молодежи, направленные на осуществление социальных изменений, не вписываются в равновесно-интеграционную модель общества, разрабатываемую с помощью структурно-функционального анализа. Поэтому данный метод, хотя и расширяет возможности системного исследования молодежных проблем, малоприменим при изучении динамики социальных изменений в молодежной среде и прогнозировании тенденций ее развития.

3. Культурологическое. Для ученых данного направления характерно рассмотрение социальных явлений, в том числе и специфически молодежных, под углом зрения феноменологии человеческой культуры. Развивая идеи основоположников такого подхода (А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана), социологи стремятся осмыслить мир молодежи в его сугубо человеческом бытии, в соотношении с конкретными представлениями, идеями, целями и мотивами поведения реально действующих молодых людей. Перечисленные субъективные проявления фиксируются и концептуализируются как последствия объективных процессов, отражающихся в определенных типах культуры. Соответственно, сущностные определения молодежи интерпретируются в качестве форм субкультуры. При этом само понятие культуры используется в нескольких значениях: как степень усвоения социальных норм, как сумма духовных богатств, накопленных человечеством, и как способ человеческой деятельности. Благодаря использованию культурологической традиции молодежная социология получила возможность системного анализа социальных проблем молодежи во взаимосвязи с реальными процессами, происходящими в обществе. Классическим образцом исследования этого направления являются работы немецкого

социолога К. Маннгейма. Исследуя феномен поколенческого единства, он раскрыл механизм социального наследования. Развитие же молодежи рассматривается им как насущная необходимость передачи культурного наследия. В соответствии со способом передачи культур от одного поколения к другому известный американский антрополог и социолог М. Мид делит все культуры на три вида: постфигуративную, кофигуративную и префигуративную. Успешно применяли и развивали данную методологию в социологии молодежи российские социологи В. Бакшутев, В. Боровик, С. Григорьев, В. Добрынина, Г. Журавлев, С. Иконникова, И. Ильинский, А. Капто, Г. Квасов, А. Ковалева, Л. Коган, С. Кугель, В. Култыгин, Т. Кухтевич, Б. Лисин, В. Левичева, В. Немировский, Ю. Ожегов, Е. Слуцкий, В. Чурбанов, В. Харчева, А. Шендрик. В их работах доминирует традиция исследования молодежных субкультур, связанная с ценностной и мировоззренческой дифференциацией в молодежной среде (С. Кугель, А. Шендрик), делинквентной подкультуры, функционирующей в качестве преступного слоя общества, включающего в себя часть молодежи (К. Игошев, Г. Миньковский), а также с различиями поведения, внешней атрибутики, формами проведения досуга неформальными молодежными объединениями (В. Левичева, Е. Леванов). Так, предпринятое в 60-е годы изучение жизненных планов молодежи (А. Кулагин, В. Лисовский, М. Руткевич, З. Файнбург) имело не только практическое значение, но и позволило существенно расширить представление о типологии молодежного сознания. Вместе с тем нельзя недооценивать издержки несколько апологического подхода к молодежным проблемам в отечественной социологии молодежи, фактически способствовавшего утверждению гипертрофированной общественной функции многих идеологических догм и псевдотеорий, в числе которых схоластические характеристики и пропагандистские эталоны советской молодежи, ее идеалов и жизненных целей, надуманные критерии ее воспитания.

2.3. Развитие личности в среднем и пожилом возрасте

Парадоксальным является изучение зрелости как этапа социализации личности. С одной стороны, практически все отрасли социологической науки изучают преимущественно представителей именно этой возрастной группы, в результате чего активно формируются разносторонние фрагменты картины их жизни (с точки зрения политической

активности, экономического и/или брачного статуса, как создателей культуры, потребителей развлечений и т. д.). Но в то же время сам человек зрелого возраста в этих исследованиях выступает скорее как «фон», как данность, не требующая специального исследовательского внимания. Объединить фрагменты социальной жизни личности зрелого возраста можно в рамках понимания сущности социализации на этом возрастном этапе как самореализации. Уточним также возрастные границы и социальное содержание зрелого возраста. Для этого необходимо развести понятия «взрослость» и «зрелость». Статус взрослого человека основан на обладании всеми правами и обязанностями (экономическими, гражданскими и т. п.), которые предоставляются обществом. Таким образом, нижней границей взрослости является приобретение молодым человеком гражданских прав. Сложней определить границы зрелого возраста. Зрелость предполагает наличие у человека определенных социальных и психологических характеристик, отражающих высокий уровень его развития. Однако хорошо известен закон гетерохронности развития различных систем организма и личности. Особенно ярко он проявляется при достижении личностью зрелости. Время ее наступления тесно связано с микро- и макросоциальными условиями жизни личности. Так, молодой человек, чья родительская семья находится в стесненных материальных обстоятельствах, может начать демонстрировать признаки социальной зрелости гораздо раньше своих более благополучных материально сверстников, начиная, например, совмещать учебу с работой.

В гуманитарных науках существуют различные точки зрения на продолжительность зрелого возраста. Так, Э. Эриксон выделял седьмую (предпоследнюю) стадию становления идентичности личности, основным содержанием которой считал производительность (*productivity*), которая охватывала возраст от 30 до 60 лет. Д. Левинсон описывал среднюю взрослость, которая, по его мнению, охватывала период от 40–45 до 60–65 лет. Ш. Бюллер анализировала жизненный цикл личности, выделяя в нем фазу роста, кристаллизации жизненных целей (25–45 лет) и фазу репродукции (45–65). Г.С. Абрамова, помимо прочих этапов развития личности, выделяет зрелость, маркируя ее 36–50 годами. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев в периодизации развития субъектности человека, кроме молодости (19–28 лет) и ее кризиса (27–33 года), выделяют взрослость (32–42 года), ее кризис (39–45 лет), а также зрелость (44–60 лет) и ее кризис (55–65 лет). Таким образом,

как в зарубежной, так и в отечественной науке нет единой точки зрения на хронологические границы зрелого возраста. Также среди исследователей нет единства в выделении социального содержания зрелого возраста (так, например, Э. Эриксон выделял продуктивность, Д. Левинсон – создание зрелой, удовлетворяющей человека жизненной структуры, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев – индивидуализацию и универсализацию жизненного пути личности).

Вступившими в пору зрелости мы будем считать людей, достигших тридцатилетнего возраста. Еще в советском обществе существовал маркер окончания молодости в виде завершения членства в комсомольской организации в 28 лет. В современном обществе большее символическое значение имеют юбилеи, круглые даты, и тридцатилетний возраст является для большинства рубежом, отделяющим молодость от зрелости. В то же время очевидна условность выделения определенной границы зрелого возраста, так как одни люди могут сформировать характеристики зрелой личности гораздо раньше, другие же не достигнут ее никогда. Но чаще всего это событие происходит около 30 лет. Завершением периода зрелости мы будем считать в этой работе возраст 60 лет. Этот возраст в российском обществе – социальный маркер завершения периода активной трудовой деятельности или субъективной подготовки к ней, формирования таких личностных диспозиций, в рамках которых работа не будет играть ведущей роли. Вместе с тем мы полагаем, что изменения демографической и социально-экономической ситуации в нашей стране ведут к тому, что люди в своем большинстве будут работать дольше (во многом по экономическим соображениям), и, следовательно, граница зрелого возраста будет отодвигаться на более поздний возраст.

Зрелость изучается разными науками, поэтому возможны различные ее трактовки. Так, под психофизиологической зрелостью понимают состояние организма человека, достигшего взрослого возраста, его полное развитие, окончательную сформированность биологических предпосылок социальной зрелости. Другой аспект зрелости описывается термином социально-психологическая зрелость. Она подразумевает высокий уровень развития «чувства ответственности, потребности в заботе о других людях, способности к активному участию в жизни общества и эффективному использованию своих знаний и способностей, к психологической близости с другим человеком, к конструктивному решению различных жизненных проблем на пути к наиболее

полной самореализации» (Краткий психологический словарь, 1998, с. 119–120).

Нами был проведен таксономический анализ характеристик личности в зрелом возрасте, которые были выделены в теориях зарубежных и отечественных психологов. В число авторов, с чьими конструктами личности в зрелом возрасте мы работали, вошли А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, Э. Эриксон, В. Франкл, К. Юнг, Р. Пекк, Дж. Фоллер, А.А. Реан, В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь, а также представители феминистского направления. Были обобщены качества, которые каждый из авторов считает характерными для личности в зрелом возрасте. Чем больше частота встречаемости, тем выше консенсус исследователей в отношении данной личностной характеристики в теоретическом дискурсе. В число наиболее часто встречающихся характеристик зрелой личности вошли реальная оценка себя и жизненных ситуаций; вера (не обязательно классически религиозная), «вершинные», мистические переживания; ответственность (за себя, за мир, как внутренний локус контроля, опосредованный ценностными ориентирами); свобода выбора; автономность. Как видно из данного перечня, не все характеристики личности являются психологическими, они подразумевают включенность личности в социальный контекст, что привносит в изучение зрелой личности социологический аспект. Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является социальный аспект зрелости. Позитивная направленность социально зрелой личности в концентрированном виде содержит следующее ее определение: «Личность, полностью разделяющая ценности социума и реализующая их в своем поведении». Большинство исследователей личности в зрелом возрасте склоняются к точке зрения, что одним из важнейших показателей социальной зрелости личности является ее ответственность перед обществом и самим собой (А.А. Реан, Я.Л. Коломинский и др.), а одним из существующих и надежных инструментов ее измерения считают внутренний «локус контроля» Дж. Роттера (регистрирующий атрибуцию успеха или неуспеха себе). Вероятно, зрелость социального поведения может быть в полной мере оценена только коллективной рефлексией того социума, ценности которого разделяет личность, или на основе критериев общечеловеческих ценностей. Однако на определенных этапах развития личности коллективная рефлексия социума может быть интериоризирована человеком на основе высокоразвитой способности к рефлексии и высту-

пать в качестве внутренних императивов и оценок своего поведения по определенным социальным стандартам.

Ученые-социологи выделяют общий перечень признаков, присущих зрелым людям:

- сосредоточенность на поставленной задаче;
- снисходительное отношение к недостаткам других людей;
- независимость от чужого мнения. Взрослый человек не связан оценочными рамками других людей;
- объективная оценка происходящих в жизни событий;
- постоянная рефлексия;
- чувство принадлежности к социуму;
- устойчивые нравственные взгляды на жизнь;
- периодически возникающая потребность в уединении;
- осознанное принятие важных решений;
- отсутствие юношеского максимализма и сдержанность в поведении;
- понимание себя и своих желаний.

Основным содержанием социализации личности в зрелом возрасте является самореализация через различные социальные практики, творчество, как процесс возвращения вложений общества в личность. Наиболее ярко процесс самореализации проявляется в молодости и в зрелом возрасте. Она тесно связана с решением социальных задач, стоящих перед человеком в это время. Р. Хейвиргист выделяет следующие социальные задачи молодости. Большая их часть связана с созданием семьи: выбор супруга, подготовка к супружеской жизни, создание семьи, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства. Молодой человек также должен начать профессиональную деятельность, принять гражданскую ответственность и сформировать группы членства и референтные группы.

По мнению ряда исследователей, для зрелого возраста социальными задачами выступают:

- достижение зрелой гражданской и социальной ответственности;
- достижение и поддержание целесообразного жизненного уровня;
- выбор удовлетворяющих способов проведения досуга;
- помощь детям стать ответственными и счастливыми взрослыми;
- усиление личностного аспекта супружеских отношений;

- принятие физиологических перемен середины жизни и приспособление к ним;
- приспособление к взаимодействию со стареющими родителями.

В контексте решения этих социальных задач может происходить самореализация человека зрелого возраста. Однако, по мнению как зарубежных, так и отечественных исследователей, в настоящее время происходит активное размывание границ традиционных периодов жизни. В связи с этим наступление многих основных событий жизни меньше регламентируется возрастом, чем это было несколько десятилетий назад. Следовательно, в зрелом возрасте личность может впервые или вновь решать задачи, связанные с формированием семьи и воспитанием детей. Последовательность, субъективная значимость решения различных социальных задач, а также возможное наличие уникальных, индивидуальных задач определяет направления (векторы самореализации в зрелом возрасте).

Стадии развития личности

Теоретики, которые сосредоточивали свое внимание на среднем возрасте, пытались разработать некоторые из проблем этого возраста, описывая большее число важных вопросов и определяя большее число стадий. Важно заметить, что эти стадии были разработаны почти исключительно на основе изучения белых людей среднего класса. Вполне возможно, что эти стадии представляют критические периоды, отражающие особенности карьеры и стиля жизни людей именно этого класса, и для других популяций могут быть установлены другие стадии. Тем не менее уже то, что у большого числа людей жизненные кризисы имеют место приблизительно в одном и том же возрасте, служит основанием для деления и описания этих стадий развития зрелой личности.

Вполне возможно, что стадии развития личности в среднем возрасте представляют определенные критические периоды, отражающие особенности профессии и стиля жизни. У большого числа людей жизненные кризисы имеют место приблизительно в одном и том же возрасте. Это дает основание для деления и описания стадий развития зрелой личности. Стадиям среднего возраста предшествуют стадии развития молодых людей. Молодые люди в двадцать лет имеют дело с выбором супругов и профессии, намечают жизненные цели и начина-

ют их осуществление. Позже, около тридцати лет, начинается первая стадия среднего возраста, которая переходит в начало следующего десятилетия. Ее главной характеристикой является осознание расхождения мечты, надежд и жизненных планов человека с действительностью его существования, многие приходят к переоценке своих прежних выборов и жизненных целей. Наконец, первые годы после тридцатилетнего рубежа – это, как правило, время сживания с новыми или с вновь подтверждаемыми выборами. Поскольку же мечты всегда имеют некоторые нереалистические черты, оценка их расхождения с действительностью на этой стадии окрашена, как правило, в отрицательные и эмоционально тягостные тона. Время уходит и делает разрыв между мечтами и обнаруживающейся вдруг действительностью с устрашающей резкостью. Люди в возрасте 35–40 лет начинают не соглашаться с такими высказываниями, как например: «У вас еще все впереди», «У вас еще есть достаточно времени, чтобы осуществить то, что вы желаете». Вместо этого они констатируют: «Слишком поздно что-либо изменить в моей жизни». В двадцать и тридцать лет о человеке могут сказать, что он «подает надежды», но после сорока лет так уже никто не скажет. Человек должен принять тот факт, что он никогда уже не станет ученым, выдающимся администратором или хотя бы незначительным писателем. Освобождение от иллюзий не является чем-то необычным для тридцати пяти или сорока лет, но оно может оказаться угрожающим для личности. Человек может почувствовать смятение, его самоуверенность вдруг исчезает. Анализ жизни людей творческих профессий обнаруживает те или иные драматические изменения в их творчестве где-то около тридцати пяти лет. Некоторые из них начали творческую работу в это время, другие, наоборот, около тридцати пяти лет в значительной степени утратили свои творческие способности. В тридцать пять и сорок лет человек, ведущий напряженную жизнь (руководитель или профессор), должен изменить интенсивный темп своей жизни. Вообще же проблема убывающих физических сил возникает в жизни человека любой профессии. Убывание физических сил – одна из многих проблем, с которыми сталкивается человек в годы кризиса среднего возраста и позднее. Для тех, кто полагался на свои физические качества, когда был моложе, средний возраст может стать периодом тяжелой депрессии. Многие люди просто жалуются на то, что они начинают слишком часто уставать. Они все больше настраиваются не на новую творческую работу, а на приобретенные мудрость и опыт.

Успешное разрешение кризиса среднего возраста включает обычно переформулировку жизненных целей в рамках более реалистичной и сдержанной точки зрения и с учетом ограниченности времени жизни всякого человека. Духовные вопросы, супруга, друзья и дети приобретают все большее значение, тогда как собственное «я» все более лишается своего исключительного положения. Наблюдается все возрастающая тенденция к тому, чтобы довольствоваться тем, что есть, и меньше думать о вещах, которых, скорее всего, никогда не удастся достичь. Отмечается тенденция чувствовать свое положение вполне приличным. Все эти изменения знаменуют собой новую стадию в развитии личности, период стабилизации. Процесс внутреннего обновления в конце концов приводит к более спокойной и даже более полноценной жизни. После пятидесяти лет проблемы здоровья становятся все более насущными и возникает растущее сознание, что «время уходит». В целом же пятидесятые годы жизни могут быть охарактеризованы продолжением тех новых форм стабильности, которые были достигнуты в течение предыдущего десятилетия. Период после шестидесяти лет в редких случаях может составлять четвертую или даже третью часть жизни. На заключительных этапах социализации личности ведущим ее содержанием становится модус ограничения и самоограничения, который позволяет сохранять, удерживать привычный уровень личностной активности в наиболее значимых для человека отношениях как можно дольше. Исследователи отмечают, что этот период в жизни современного человека становится все более продолжительным. Вследствие этого он вызывает интерес исследователей разных научных направлений. В современной науке сформировалась геронтология, рассматривающая заключительные этапы жизненного пути личности с точки зрения физиологических, психологических и социальных изменений. В конце XX века происходил пересмотр понимания старости как упадка, конца жизни и умирания в направлении поиска позитивных новообразований, формирования активного образа жизни пожилых людей, сохранения здоровья и активности людей «третьего» возраста. Исследователи выделяют новообразования, формирующиеся в старости, например появление такого нового качества личности, как мудрость (Э. Эриксон, Д. Левинсон, П. Балтес и др.), культивирование своеобразной «исторической памяти», такой как «вписывание» своего индивидуального жизненного пути в исторический контекст. В целом этот период является итоговым по отношению к пройденному жизненному пути.

Вопросы для самоконтроля

1. Сформулируйте методологические проблемы и методические трудности подготовки социологического исследования детей.
2. Назовите периодизацию детства, принятую в Российской Федерации.
3. Вспомните основные мотивы неискренности, лжи детей, выделенные П. Экманом.
4. В чем состоит специфическая особенность молодежи как периода формирования личности?
5. К какой возрастной категории следует отнести молодежь?
6. Каковы особенности самореализации личности в среднем возрасте?
7. В чем состоит специфика социализации личности в пожилом и старческом возрасте?
8. Что подразумевается под качеством жизни в том или ином возрасте?

Глава 3

Социализация

3.1. Основные этапы социализации

Социализация – процесс, не поддающийся манипулированию, его нельзя ни ускорить, ни замедлить. Он проходит через две ступени: первичная охватывает первые два жизненных цикла – детство и юность, вторичная – последние два жизненных цикла – зрелость и старость.

Известно, что младенец вступает в большой мир как биологический организм, и его основной заботой в этот момент является собственный физический комфорт. Через некоторое время ребенок становится человеческим существом с комплексом установок и ценностей, с симпатиями и антипатиями, целями и намерениями, шаблонами поведения и ответственностью, а также с неповторимо индивидуальным видением мира. Человек достигает этого состояния с помощью процесса, который мы называем социализацией. В ходе этого процесса индивид превращается в человеческую личность. Посредством социализации индивидом усваиваются (интернализуются) нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности.

Групповой опыт

В самом начале жизненного пути человек не имеет своего собственного «Я». Он просто продолжает жизнь эмбриона как части материнского тела. Даже различение физических границ собственного тела и всего остального мира является результатом довольно длительного, последовательного изучения ребенком окружающей среды и последующего открытия того, что шум и движение вокруг его кровати при-

надлежат иному миру, а не являются частью его собственного тела, как, например, пальцы или руки.

Обособление личности сначала от физического мира, а затем от социального – довольно сложный процесс, который продолжается всю жизнь. Ребенок учится устанавливать различия между другими людьми по именам. Он осознает, что мужчина – это папа, женщина – это мама. Так постепенно его сознание движется от имен, которые характеризуют статусы (например статус мужчины), к специфическим именам, обозначающим отдельных индивидов, включая его самого. В возрасте около полутора лет ребенок начинает использовать понятие «Я», осознавая при этом, что он становится отдельным человеческим существом. Продолжая накапливать социальный опыт, ребенок формирует образы различных личностей и в том числе образ собственного «Я». Все дальнейшее формирование человека как личности – это построение собственного «Я» на основе постоянного сопоставления себя с другими личностями. Таким образом осуществляется постепенное создание личности с уникальными внутренними качествами и одновременно с воспринятыми общими для ее социального окружения качествами, которые постигаются через групповое общение, групповой опыт.

То, что личность развивается не просто путем автоматического развертывания природных задатков, доказывает опыт социальной изоляции человеческого индивида. Известны случаи, когда ребенок в детстве был лишен человеческого окружения и воспитывался в среде животных. Изучение восприятия подобными индивидами себя как отдельного существа в окружающем мире показало, что они не имеют собственного «Я», так как у них полностью отсутствует представление о себе как об обособленном, отдельном существе в ряду других подобных им существ. Тем более такие индивиды не могут воспринимать свое различие и сходство с другими индивидами. В данном случае человеческое существо не может считаться личностью.

Процесс социализации состоит из нескольких этапов и из двух типов действий. Этапы подразделяются на детство, юность, зрелость и старость.

Детство длится первые тринадцать лет жизни человека. Ни одно живое существо не имеет такого долгого этапа созревания. Человеческий ребенок рождается более беспомощным по сравнению с детенышами животных, кроме того, жить ему приходится в крайне сложной и меняющейся среде – обществе, отсюда и такой длительный срок раз-

вития. В детстве примерно до 5 лет личность формируется на 70 %. Стоит запоздать с социализацией, как начнутся необратимые процессы.

Юность начинается с 13 лет. В этот период происходят важные физиологические изменения и психические сдвиги – склонность к противоположному полу, усиление агрессивности, склонности к риску, стремление к независимости, самостоятельности. Если дети послушны, оценивают мир глазами родителей, учителей, то подростки стремятся к созданию собственной системы ценностей. В юности завершается создание социального «Я», формируется мировоззрение. Главная трудность – ролевой конфликт. В правовом отношении подростки рассматриваются как дети, в психологическом – уже созрели для принятия важных решений. Ролевое бесправие и отсутствие опыта толкают юных к экстремальным формам поведения: преступности, наркомании, половой свободе и т. д.

Зрелость – признаками ее наступления служат экономическая, политическая и социальная самостоятельность человека. Очень важным показателем является вступление в брак, потому что впервые молодой человек из объекта социализации превращается в ее агента – сначала по отношению к супруге/супругу, затем – к ребенку.

Социализация взрослых людей имеет свою специфику. Американский социолог О. Брим-младший показал, что она выражается главным образом в изменении их внешнего поведения, а в ходе социализации детей происходит формирование ценностных ориентаций. Социализация взрослых людей имеет своей целью помочь человеку овладеть определенными навыками и проходит в форме переобучения. А.И. Кравченко утверждает, что данный процесс распадается на два этапа: I этап – **десоциализацию** – отучение от старых норм, ценностей, ролей; II этап – **ресоциализацию** – обучение новым нормам, ценностям, ролям. Иногда человек попадает в столь экстремальные условия, что десоциализация заходит слишком глубоко, разрушая нравственные основы личности, а ресоциализация не может ни восстановить утраченное, ни дать чего-то нового. Такое происходит с людьми, попавшими в тюрьмы, колонии, концлагеря, психиатрические больницы, иногда – в армии.

Старость – социализация на этом этапе имеет свою специфику: развитие личности может прекратиться или даже повернуться вспять из-за ослабления физических и психологических возможностей человека, что часто происходит в старости. С уходом на пенсию меняется

статус – от работника и кормильца к потребителю. В современном обществе даже роли пожилых людей четко не определены. Вдова – уже больше не жена, чиновник, ушедший на пенсию, – уже не вице-президент. Если в традиционном обществе старики выступают в роли советников, мудрецов, наставников, то в современном обществе они не пользуются особым престижем или почетом. У них растет чувство изолированности, зависимости от других, исчезают жизненные планы. Годам к семидесяти человек, как правило, начинает социализацию к смерти – подготовку моральную и материальную – к окончанию жизни.

Типы действий в рамках социализации подразделяются на направленные и спонтанные. Направленные действия (или ядро) – это все, что связано с образованием. Оно подразумевает целенаправленное обучение и просвещение, подразумевающее в той или иной степени свободный отбор информации (СМИ, культурно-просветительские учреждения). Спонтанные же действия подразумевают под собой случайное получение информации в результате непреднамеренных действий индивида, его невольного участия в какой-либо ситуации и усвоение полученных знаний в той или иной степени.

Эволюция содержания и методов социализации связана с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей. По мере развития общества объем передаваемой из поколения в поколение информации, навыков и умений возрастает. Формы ее передачи специализируются. На ранних стадиях общественного развития преобладает непосредственное практическое включение детей в деятельность взрослых. На более поздних стадиях социального прогресса и в современном обществе этот процесс заменяется систематическим обучением, которое какой-то отрезок времени вообще может не быть связано с практической деятельностью. Таким образом «подготовка к жизни» отделяется от практического участия в ней.

Изменились также функции ее «естественных» агентов (родителей, родственников, старших в общине), что сопровождается появлением специализированных социальных институтов (возрастные группы, школы, другие учебные и воспитательные учреждения). Это связано с усложнением социальной структуры и организации общества на макроуровне. В обществах первичной формации социализация детей осуществлялась совместными усилиями всей общины путем последовательного их включения по мере роста в различные формы игровой, общественно-производственной и ритуальной деятельности, которые

были еще недостаточно отделены друг от друга. В более позднее время важнейшим институтом социализации становится большая семья. Это способствует дифференциации содержания, методов и задач социализации в зависимости от имущественного положения. Но в этом случае оно стало состоять из двух этапов: семья не могла обеспечить подготовку ребенка ко все усложняющимся формам деятельности и возрастающему количеству обязательных к усвоению знаний и по достижении определенного возраста он отправлялся в специализированные школы, институты или в обучение к мастеру.

Особенно явной эта тенденция стала к концу XVIII века. Повышается контроль в семье за некоторыми сторонами жизни детей.

По мере урбанизации (переселения в города) и индустриализации значение общественных институтов и средств социализации возрастает. Усиливается степень координации между социальными институтами. Отдельные аспекты и функции социализации обособляются: воспитание, образование, обучение и просвещение. Каждому из них соответствует специфический вид деятельности и своя институциональная система. Воспитательные стили также менялись по мере развития общества. Это непосредственно связано с изменением значимости, статуса детства (ребенка) (табл. 1). По словам Л. Стоуна, в средние века и эпоху Возрождения дети пользовались большей автономностью, чем в последующий период. Однако причиной тому были не демократичные убеждения родителей по вопросу воспитания, а низкий социальный статус ребенка – на него просто не обращали внимания. В учебных же заведениях ситуация была прямо противоположной. В XVI–XVII веках уровень контроля за взрослением, развитием и воспитанием ребенка быстро растет. В учебных и воспитательных учреждениях активно применяется целая система контроля и наказаний, часто физических. Объясняется эта ситуация тем, что общество все более осознает высокую ценность детей и стремится сформировать у них «нужную», то есть выгодную для общества, для сохранения сформировавшейся уже социальной системы, модель поведения. Эта модель предусматривает и систему ценностных ориентаций, и набор предсказуемых ответов на социальные ожидания, и навыки совместной успешной деятельности в достижении целей. Необходимо отметить (это известно из этнографических источников), что особо тщательной регламентации и контролю подвергаются те сферы жизнедеятельности и социальные группы, которым культура придает наибольшее значение (например сексуальные взаимоотношения полов и аристократия).

Изменение структуры социализации в зависимости от исторического периода

Исторический период	Культурные модели воспитания детей	Модель социализованного ребенка	Основной недостаток в удовлетворении потребности	Модель депривированного ребенка
Средневековые	1. Короткое детство. 2. Сложная патриархальная типа. 3. Зависимость от семьи и разновозрастных групп	Ребенок как маленький взрослый	Отвержение группой (семьей)	Отвергнутый ребенок
XVI–XIX века	1. Удлинённый период детства. 2. Простые формы патриархальной семьи. 3. Повышение дисциплины вне семьи (школы)	Идеал пристойного ребенка	Недостаток общественной дисциплины и хороших нравов	Морально покинутый ребенок
Вторая половина XIX века	1. Продлённое детство. 2. Высокая аффективность и дисциплина внутри семьи, иерархия авторитета в семье. 3. Акцент на личную мораль	Идеал морального детства	Недостаток авторитета (отец) и аффективности (мать)	Ребенок без родителей

Начало XX века	1. Умеренная дисциплина. 2. Снижение аффективности. 3. Общезначимые моральные ценности	Идеал образованного ребенка	Недостаток руководства в семье	Морально опускающийся ребенок
Вторая четверть XX века	1. Понижение авторитарности. 2. Рост рациональности и либерализации отношений	Ребенок, добивающийся успеха	Недостаток рациональной заботы и воспитания	Воспитательно запущенный ребенок
Современные тенденции	1. Умеренно растущая аффективность. 2. Открытость и планирование, акцент на дисциплину	Идеал сенситивного ребенка	Недостаток осмысленного отношения к миру и к себе	Эмоционально депривированный ребенок

3.2. Модели социально-нормативной регуляции поведения личности

Для развития любого общества важнейшим условием является его стабильность, предсказуемость процессов, происходящих в нем, реакция его членов на те или иные ситуации, успешность деятельности. Чтобы реализовать все эти условия благополучного существования, обществу необходимо функционировать как единое целое, как единая социальная система. Способом добиться этого служит установление обществом таких рамок и ограничений поведения индивидов, в которых это поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся. Образцы, используемые для этого обществом, следует рассматривать как особые нормы.

Рассмотрим эти нормы регуляции поведения с точки зрения структуры заложенных в них социальных требований. Такой подход обнаруживает, что в разные исторические эпохи при разных формах организации общества преобладали способы социальной регуляции, различные с точки зрения расчлененности нормативных требований. Это так называемые традиционный и современный типы регуляции.

Традиционный тип регуляции поведения характерен для «дописьменных», так называемых примитивных обществ. Этот тип управления поведением и передачи информации предполагает неотделимость способа и нормы деятельности от самой деятельности. В традиционном обществе это так называемые **нормы-образцы**. Передача такого типа норм происходит способом, называемым «трансляцией». В этом случае происходит передача целых блоков, комплектов деятельности, в которых способ не отделен от процесса и объекта деятельности. Такая неразделенность деятельности и информации о ней влечет за собой опасность утраты удачных способов действия, что заставляет субъект деятельности жестко следовать заданным стандартам этой деятельности даже в мелочах. Такой вид деятельности (так называемой унаследованной) при своем применении включает в себя рациональные и иррациональные элементы в неразделенном виде. В такой деятельности не выделяются стороны, приведшие к успеху, в связи с чем малейшее отклонение в заданных действиях рассматривается как ставящее под угрозу производство необходимой вещи (цели). В этом случае причину неудачи видят не в несоответствии средств цели, а в недостаточно точном следовании обычаю. Это исключает творческий

подход к производству чего-либо и обуславливает отрицание более-менее значимых нововведений.

В качестве примера можно привести исследования этнографа Ф. Кэшинга. Этнограф, долго проживавший в племени зуньи, сообщал, что это племя при изготовлении оружия и предметов домашнего обихода до мельчайших подробностей сохраняет форму этих предметов и деталей орнамента. А по словам Д. Бернау, индейцы Британской Гвианы, обнаруживая поразительную ловкость и мастерство в изготовлении некоторых предметов, никогда их не улучшают, так как не могут определить, что именно в процессе производства обеспечило появление качественного предмета.

Нормы-образцы – это нормы, которые детально регламентируют поведение индивида вплоть до мельчайших деталей, они изначально заданы и характерны для традиционных, примитивных обществ, где человек поставлен в условия, при которых индивидуальное сознание в состоянии лишь воспроизводить заданные образцы.

Э. Дюркгейм по этому поводу писал: «Способ, каким человек должен питаться, одеваться в каждом обстоятельстве, жесты, которые он должен делать, формулы, которые он должен произносить, определены с точностью». Это же отмечал У. Самнер, тоже изучавший формы социальной регуляции. Таким образом, можно утверждать, что в традиционных обществах современники постоянно ориентированы в своем поведении на заветы предков, которые являются эталонами для оценки актуальных действий, и контроль осуществляется как будто из прошлого.

Современный тип регуляции поведения – этот тип регуляции предполагает постоянное соотнесение средств и целей в процессе социальной деятельности, идет постоянная проверка их соответствия друг другу. Современный тип управления характеризуется преобладанием соответствующего типа норм и развитием особых социальных институтов. Социальные институты включают в себя нормы поведения, которые существуют в объективированном виде (если их не будут выполнять в жизни, они формально все равно будут существовать), в отличие от обычая, которому для существования необходимо постоянное практическое исполнение.

Нормы-принципы – это нормы, под которыми понимаются социальные требования, существующие в основном в виде системы правил и принципов, предполагающих интерпретацию в каждом конкретном случае. Преобладают в развитых обществах.

В каждом из двух типов обществ одновременно существуют и нормы-образцы, и нормы-принципы, но в каждом типе обществ преобладает своя разновидность норм.

Передача через поколения стандартов жизнедеятельности социумов в виде норм-образцов посредством ритуалов и стандартов поведения имеет вид традиции.

Традиция – преемственность, благодаря которой общество воспроизводит себя, сохраняя и передавая в неизменном виде накопленный предшествующими поколениями опыт. Таким образом социальная система обеспечивает необходимую ей стабильность. Наиболее жесткий вариант традиции – передача социального опыта в виде жестко регламентированных стандартов деятельности – обычаев.

Обычай, как и норма, обеспечивает стабильность массового поведения. Обладает рядом специфических особенностей:

- это унаследованный, то есть доставшийся от предшествующих поколений, а не созданный вновь и не переосмысленный способ поведения;

- обусловленные обычаем формы поведения служат образцами для будущих действий, стандартами, исключаящими всякое нововведение. Отклонение от этих стандартов вызывает, как правило, негативные санкции (наказание);

- общепринятость, то есть всеобщее признание в обществе или группе.

Обычай, хотя и наиболее жесткий и безоговорочный способ передачи выгодных для социальной системы стандартов поведения, но не единственный. Еще таким способом является ритуал.

Ритуал (обряд) – исторически сложившаяся или специально учрежденная стереотипная форма массового поведения. Это разновидность обычая, имеющая свои особенности и специфику. Ритуал символизирует определенные социальные отношения и используется как способ формирования уважения к авторитетам, внушения каких-либо идей. Можно сказать, что ритуал – средство приобщения индивидов к господствующей в данном обществе (группе) системе ценностей. Отличительная черта ритуала – в способности укреплять групповую солидарность. Наличие и важность этой особенности ритуала подчеркивали в своих работах Дюркгейм Э., Теннис Ф. и другие известные ученые: социологи, историки, этнографы. Кроме своей главной способности,

ритуал (обряд) способен регулировать поведение индивидов, передавать опыт, транслировать навыки, быть средством развлечения и отдыха. Групповой опыт и групповые нормы, передаваясь через поколения, не передаются в неизменном виде, они, конечно же, меняются под воздействием долговременных факторов влияния, внешних и внутренних. Однако изменения эти, благодаря долговременности факторов, влияющих на поведение группы и личностей в них, изменяются не сразу и не в один момент, а спустя какое-то время после начала воздействия, после накопления эффекта от воздействия. Этот эффект называется лаговым.

Лаговый эффект – эффект запаздывания. При использовании этого термина в социологии обычно имеют в виду запаздывание изменений, происходящих в группе относительно изменений во вне, которым они должны соответствовать.

Семейно-родственные нормы – образцы поведения и взаимодействия членов семьи и родственников, общепринятые системы ценностей в семейно-брачной сфере, стандарты взаимоотношения ролей и статусов внутри семьи и внутри родственного клана.

По сравнению с другими видами малых групп семья представляет собой группу особо близких людей, связанных родственными или кровнородственными связями, объединенных общим бюджетом, общим ведением домашнего хозяйства. Совместные действия, деятельность, совместная жизнь требуют высокой координации и кооперации, максимально возможного тождества индивидуальных целей и задач супружеской пары. Индивидуальные цели здесь должны полностью сливаться в групповые цели. Любое групповое действие складывается из частных вкладов лиц, составляющих ту или иную группу. То же самое происходит и в браке. Эти частные вклады не только взаимодополняются, они прежде всего оцениваются каждым партнером. В свою очередь, эта оценка следует из индивидуальных представлений мужа и жены о взаимных правах и обязанностях. С одной стороны, эти представления оформились под влиянием общественного мнения, которое сконцентрировано в неписаных нормах семейно-родственных отношений, представляющих обобщенные представления о взаимных обязанностях членов семьи. Нормы задают индивиду обязательное, должное поведение. Например, мать и отец должны любить своих детей, заботиться об их здоровье, опекать их, давать соответствующее образова-

ние, отвечать за их моральное поведение, а дети, в свою очередь, должны уважительно относиться к родителям, другим родственникам, все родственники должны поддерживать друг друга и т. д. Формировались эти нормы неотделимо от самой семьи. От ее структуры и функций. Они естественная ее часть. Семейно-родственные нормы пронизывали и определяли все сферы семьи, различаясь по значимости и обязательности исполнения. При смене типа семейственности семейно-родственные нормы подвергались корректировке, но радикальных изменений не претерпевали и, сформированные на заре существования патриархальной семьи, в почти неизменном виде сопровождали ее вплоть до недавнего времени. До формирования нового типа семьи – нуклеарной. Однако социальные и экономические условия начали ощутимо меняться еще в начале XX века: началось бурное развитие промышленности, бурно пошел процесс переселения из сельской местности в города, ускорилось развитие научного прогресса, стали претерпевать изменения многие социальные институты. Можно сказать, началась радикальная смена образа жизни. И достиг этот процесс своего пика достаточно быстро – к середине XX века, но семья к этому времени оставалась патриархальной в отношении представлений о структуре семьи, о ролевых отношениях, статусной иерархии, распределении обязанностей, властных представлениях, общении с родственниками и т. д. Изменения в семейно-брачной сфере в том, что касается семейно-родственных норм, то есть организации жизнедеятельности семьи, стали заметны гораздо позже, с отставанием приблизительно на 20 лет. Другими словами, порядок функционирования группы (семьи) изменился позже, чем социальные условия, с некоторым опозданием. Причиной этого стала специфика передачи опыта предыдущих поколений в семье, социализации потомства. Изменение семейно-родственных норм могут претерпевать достаточно существенные изменения только в период групповой (семейной) социализации последующего поколения, уже сформировавшаяся нормативная система у поколения, прошедшего этап групповой (семейной) социализации, мало подвержена изменениям. Социальные же и другие изменения внешней среды могут быть существенными и на протяжении жизни одного поколения. Вследствие этой ситуации и формируется своеобразный лаг, запаздывание изменений поведения и жизнедеятельности семьи по отношению к внешним изменениям.

3.3. Социальная организация и ее роль в процессе социализации личности, модели взаимодействия

Социализация формирует поведение индивида, однако необходимо отметить, что у индивида достаточно много поведенческих схем и за каждый из видов поведения отвечает один свой тип социализации. Все многообразие человеческого поведения вполне возможно отнести к двум вариантам поведенческих схем. Каждый из них формируется в ходе социализации в семейных, неформальных группах, рабочих коллективах и других подобных объединениях, обуславливается спецификой взаимоотношений в коллективе.

1. Первичные взаимоотношения преобладают в семейных группах, или, в меньшей степени, в каких-либо неформальных организациях, предполагают повышенное внимание к достоинствам членов семьи и прощение их недостатков.

2. Вторичные преобладают в формальных группах, целевых организациях и тому подобных коллективах, когда взаимодействие выстраивается с использованием имеющихся формальных социальных и профессиональных стереотипов, по типу «коллеги», а мнение и знание об участниках взаимодействия формируются без учета душевных и эмоционально-психологических качеств.

Рассмотрим первичный тип взаимоотношений, характерный для семейных групп. Семейная группа обладает двумя типами влияния на индивида: нормативным и информационным.

Нормативное влияние – такая разновидность воздействия, когда система ценностей, мировоззрение, отношение и оценка окружающей действительности, сформированные в семье, безоговорочно принимаются индивидом, членом семьи ради сохранения своего межличностного статуса и получения одобрения других членов семьи. Но часто это не означает, что индивид действительно искренне разделяет мнение семьи, придерживаясь в глубине души другого мнения по тому или иному вопросу, не афишируя этого.

Информационное влияние – эта разновидность воздействия, при которой индивид может и не соглашаться со взглядами семьи, не скрывая этого, а принимая информационную картину мира, сформированную семьей, не ищет одобрения со стороны других.

Ослабление сплоченности семьи уменьшает силу ее нормативного воздействия и ее надежность как источника информации для инди-

вида. В том числе и в процессе передачи опыта последующему поколению.

Использование и передача опыта поколения есть важнейшая часть семейной социализации. Именно эта сторона социализации обеспечивает в большой степени семейный образ жизни и социальное воспроизводство общества. Социализацию и преемственность поколений осуществляют достаточно много так называемых агентов социализации. **Агенты социализации** – индивидуумы или организации, непосредственно осуществляющие социализацию (рис. 2).

Рис. 2. Структура общей социализации

Однако за последние 50 лет в этом процессе наблюдаются существенные, даже радикальные изменения.

Для человечества опыт предыдущих поколений всю историю его существования оставался важным фактором не только сохранения стабильности социальной структуры и развития, но и элементарного выживания. Как выжить в конкретных природных условиях, эффективно устроить свой быт, обеспечить безопасность, наладить производство необходимых вещей и услуг и т. д. – все это передавалось от предыдущего поколения последующему и высоко ценилось как обществом в целом, так и отдельными индивидами. Перелом произошел тогда, когда образ жизни людей радикально поменялся: в условиях жизни в больших конгломератах, крупных городах знания об эффективном производстве необходимых вещей и оказании услуг, организации безопасности, обучения перешагнуло рамки опыта отдельных индивидов или семей. При этом научно-технический прогресс обусловил все увеличивающуюся скорость нарастания объема и изменения актуальности знаний и информации обо всем вышеперечисленном, в том числе и о социальных нормах, диктуемых образом жизни. В результате человечество оказалось в такой ситуации, когда большая часть жизненного опыта предыдущего поколения теряет свою актуальность для последующего – это стало одним из важнейших факторов нарушения механизма социализации, формировавшегося человечеством на протяжении тысячелетий.

3.4. Теории социализации личности

Как же осуществляется формирование личности в ходе группового общения, как человек осознает себя как «Я»? Рассмотрим наиболее известные научные объяснения этого процесса. Объясняющие данный процесс теории можно поделить на два типа: когнитивные и психоаналитические.

В когнитивных теориях акцентируется рациональность человеческого поведения. В них роль группы (любого сообщества, имеющего разносторонние тесные внутренние связи) обнаруживается в моральном развитии ребенка. Известный американский психолог и социолог Чарльз Кули поставил перед собой задачу исследования процесса постепенного понимания личностью отличия своего «Я» от других личностей. В результате многочисленных исследований он определил, что

развитие концепции собственного «Я» происходит в ходе длительного, противоречивого и запутанного процесса и не может происходить без участия других личностей, т. е. без социального окружения. Каждый человек, по предположению Ч. Кули, строит свое «Я», основываясь на воспринятых им реакциях других людей, с которыми он вступает в контакт. Например, девушке ее родители и знакомые говорят, что она хороша собой и прекрасно выглядит. Если эти утверждения повторяются достаточно часто, более или менее постоянно и разными людьми, то девушка в конечном счете ощущает себя хорошенькой и действует как красивое создание. Но даже хорошенькая девушка будет чувствовать себя гадким утенком, если с раннего возраста ее родители или знакомые будут разочаровывать ее и относиться к ней как к некрасивой. А.И. Куприн в рассказе «Синяя звезда» прекрасно описал такую ситуацию, когда девушка, считавшаяся самой уродливой в своей стране, стала считаться первой красавицей после переезда в другую страну. Такие рассуждения привели Ч. Кули к мысли о том, что личностный «Я»-образ не рождается только в связи с объективными фактами. Самый обычный ребенок, усилия которого оценены и вознаграждаемы, будет ощущать чувство уверенности в своих силах и собственном таланте, в то время как поистине способный и талантливый ребенок, усилия которого воспринимаются ближайшим окружением как неудачные, ощущает мучительное чувство некомпетентности и его способности могут быть практически парализованы. Именно через отношения с другими, через их оценки каждый человек устанавливает, умный он или глупый, привлекательный или некрасивый, достойный или никчемный. Это человеческое «Я», открывающееся через реакции других, получило известность как зеркальное «Я» Чарльза Кули, впервые проанализировавшего процесс «Я»-открытия. Наиболее образно понятие зеркального «Я» можно проиллюстрировать словами Уильяма Теккерея из его произведения «Ярмарка тщеславия. Роман без героя»: «Мир – это зеркало, и оно возвращает обратно каждому человеку отражение его собственного лица. Нахмурьте брови, и оно вернет вам недоброжелательный взгляд, смейтесь вместе с ним, и оно будет вашим радостным и добрым компаньоном».

Ч. Кули определил три стадии в построении зеркального «Я»: 1) наше восприятие того, как мы смотрим на других; 2) наше восприятие их мнения по поводу того, как мы смотрим; 3) наши чувства по поводу этого мнения. Предположим, что всякий раз, когда вы входите

в комнату и направляетесь к группе людей, общающихся между собой, члены этой группы с вежливыми извинениями быстро расходятся. Если такой результат повторяется несколько раз, то очевидно, что у вас возникает чувство, что о вас в группе дурное мнение, с вами не хотят общаться. Или наоборот, постоянно при вашем появлении группа стремится образовать вокруг вас кружок, ее члены активно общаются с вами. В этом случае анализ их действий, безусловно, положительно скажется на вашем самомнении. Как отражение в зеркале дает образ физического «Я», так восприятие реакции других людей на мое поведение или внешность дает образ социального «Я». Я знаю, например, что талантлив в одних отношениях и бесталанен в других. Это знание приходит из анализа реакций окружающих на мои действия. Маленький ребенок, первые артистические усилия которого критикуются, скоро будет думать, что артистический талант у него отсутствует, в то время как ребенок, чей артистический талант постоянно поддерживается родителями, может поверить в свои способности в этой области. Когда ребенок подрастет, уже другие личности начнут высказывать свои мнения, обнаруживать свои реакции, которые будут отличаться от мнения родителей. В результате может измениться восприятие человеком своих способностей.

Таким образом, социальное зеркало постоянно действует, оно постоянно перед нами и также постоянно изменяется. Эти изменения особенно видны, когда в детстве при оценке своих способностей человек ориентирован на мнение тех, с кем он постоянно находится в личном контакте, а затем, подрастая, он уже ориентируется на мнение личностей, хорошо разбирающихся в предмете его способностей. Поэтому можно сказать, что при достижении зрелости личность уделяет наибольшее внимание созданию образа социального «Я» на основании оценок компетентных специалистов. Развиваясь, личность становится не только более строгой при выборе группы личностей, выполняющих роль социального зеркала, но и осуществляет отбор образов, оказывающих на нее влияние. Человек всегда оказывает больше внимания одним мнениям и меньше другим, он может даже вообще игнорировать некоторые мнения и реакции по поводу своего поведения. При этом существует возможность неправильного истолкования мнений, или искаженного зеркала. Мы, например, часто поддерживаем приятные высказывания о себе, которые на поверку оказываются просто лестью, или можем отнести брань начальника к неумению или

неспособности, в то время как это просто служит проявлением его плохого настроения.

Таким образом, зеркальное «Я», формирующее личность, вследствие таких искажений никогда полностью не соответствует действительному положению вещей. Американские исследователи Э. Кельвин и В. Хольтсман в 1953 г. опубликовали результаты экспериментов, из которых следует, что существует весьма значительное различие между мнением индивида о своих способностях (исходя из оценок других индивидов) и действительным уровнем этих способностей. Причиной таких различий были, во-первых, отбор личностями выгодных для них мнений окружающих и, во-вторых, отличие между тем, как люди оценивают других публично, и тем, что они действительно о них думают. Определив возможность формирования личности, «Я»-образа на основании зеркального «Я», Ч. Кули тем не менее не учитывал активности личности. В соответствии с его учением личность развивается только благодаря мнениям других, ограничиваясь избирательной ролью. Кроме того, им не определен механизм восприятия личностью оценок, сделанных другими индивидами, не показано, как осуществляется социализация индивида в группе. Профессор Чикагского университета, философ, социолог и социальный психолог Джордж Мид разработал теорию, в которой объясняется сущность процесса восприятия индивидом других личностей и развита концепция «обобщенного другого», в известной степени дополняющая и развивающая теорию зеркального «Я». В соответствии с концепцией Дж. Мида «обобщенный другой» представляет собой всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у членов этой группы индивидуальный «Я»-образ. Индивид в процессе общения как бы встает на место других индивидов и видит себя как другую личность. Он оценивает свои действия и наружность в соответствии с представляемыми оценками его «обобщенного другого». Каждый из нас знает ощущение, когда после нелепого случая человек со смущением представляет себе, как он выглядел в глазах остальных. Он ставит себя на их место и представляет, что они думают о нем. Это осознание «обобщенного другого» развивается через процессы принятия роли и исполнения роли. Принятие роли – это попытка принять на себя поведение личности в другой ситуации или в другой роли (концепция социальной роли рассматривается в следующей главе). В детских играх их участники принимают на себя различные роли, например при игре в дом (ты будешь

мама, ты – папа, ты – ребенок). Исполнение роли – это действия, связанные с действительным ролевым поведением, в то время как принятие роли только претендует на игру.

Дж. Мид различал три стадии процесса обучения ребенка исполнению взрослых ролей. Первая – подготовительная стадия (в возрасте от 1 до 3 лет), во время которой ребенок имитирует поведение взрослых без какого-либо понимания (например, девочка наказывает куклу). Вторая стадия, называемая игровой (в 3-4 года), наступает тогда, когда дети начинают понимать поведение тех, кого они изображают, но исполнение роли еще неустойчиво. В какой-то момент мальчик изображает из себя строителя и укладывает игрушечные блоки один на другой, однако минутой позже он начинает бомбардировать свои постройки, затем становится милиционером, после чего космонавтом. Третья – заключительная стадия (в 4-5 лет и далее), в которой ролевое поведение становится собранным и целенаправленным и проявляется способность ощущать роли других актеров. Удачным примером или аналогом такого поведения можно считать игру в футбол, когда в ходе перемещения по полю происходит постоянная смена амплуа игроков. Для взаимодействия с партнерами каждому из игроков необходимо ставить себя на место партнера и представлять себе, что он сделал бы в том или ином игровом эпизоде. Команда возникает и действует только тогда, когда каждый усваивает не только собственную роль, но и роли партнеров. В ходе подобного процесса индивид, проходя последовательно все стадии вхождения в другие роли, развивает способность видеть свое собственное поведение во взаимосвязи с другими индивидами и ощущать на себе их реакции. Через осознание других ролей, а также чувств и ценностей других в сознании личности формируется «обобщенный другой». Он является грубым сравнением со стандартами и ценностями общества. Повторяя принимаемую роль «обобщенного другого», индивид формирует свою концепцию «Я». Недостаточная способность адаптироваться к другой точке зрения, принимать на себя роли других индивидов может отрицательно сказываться на развитии личности. Так, у некоторых групп молодежи с заметными признаками отклоняющегося поведения, замкнутых в пределах своей группы, зарегистрировано неумение принимать другие роли, а следовательно, видеть себя в глазах других, что отрицательно сказывается на развитии и умственных способностях личности.

Американский ученый-социолог А. Галлер в дополнение к теории Дж. Мида разработал концепцию «значимого другого». «Значимый другой» – это та личность, одобрения которой данный индивид добивается и чьи указания он принимает. Такие личности оказывают наибольшее влияние на установки индивидов и на формирование их собственного «Я». В качестве «значимых других» могут выступать родители, замечательные учителя, наставники, некоторые товарищи детских игр и, возможно, популярные личности. Индивид стремится принять их роли, подражать им и таким образом осуществлять процесс социализации через «значимого другого». Два наиболее часто применяемых термина, отражающих ощущение человеком своего собственного «Я» и степень социализации личности, – это идентичность и самоуважение. Под идентичностью мы будем понимать ощущение существования уникальной индивидуальности, отделенной, отличной от других индивидов, или ощущение себя как части уникальной группы, отличной от других групп в использовании групповых ценностей. Например, представитель определенной нации стремится к культурным образцам своей нации, сопоставляя их с культурными образцами других наций. Ощущение индивидом идентичности с группой в значительной степени зависит от индивидуальных или групповых потребностей, удовлетворение которых приводит к повышению его престижа в глазах «обобщенного другого». Часто люди определяют идентичность по признаку расы, национальности, религии или роду занятий. Наличие этих признаков у индивида может означать низкий или высокий престиж в глазах тех, кто имеет значение для данной личности, кто оказывает влияние на ее поведение.

В истории наблюдаются такие ситуации, когда индивиды ведут тяжелую и часто бесполезную борьбу на каком-либо поприще только из-за того, что они идентифицируют себя с другими индивидами и своим поведением стремятся заслужить их одобрение и повысить свой престиж. Чувство самоуважения также отчасти социально обусловлено, однако его появление возможно только после удовлетворения личностью некоего базового уровня жизненных потребностей. Степень вовлеченности в «Я» жизненных ценностей определяет как иерархию потребностей, так и выбор средств их удовлетворения. Как формирование базовой иерархии индивидуальных потребностей может трактоваться социализация в семье (группе). Система потребностей пред-

ставляет своего рода пирамиду из нескольких уровней: физические потребности, психологические, социальные. С точки зрения существования целостной личности их можно трактовать как потребность в самосохранении: физическом, психологическом и социальном. Каждый из этих уровней может стать приоритетным в ходе социализации и формирования собственного «Я», и, соответственно, определять ту или иную направленность личности. При этом последовательность этих потребностей раскрывает их изначальную иерархию: последующий уровень может реализовываться только при удовлетворении предыдущего. Без удовлетворения физических потребностей не станет актуальным стремление к удовлетворению потребностей психологических: общения, любви и так далее, без удовлетворения этих потребностей не актуализируются стремления к участию в жизни общества, то есть человек будет заниматься собственными проблемами, не обращая внимания ни на социальные потрясения, ни на политические изменения или мнение других людей, если они не будут напрямую касаться его частной жизни. Ситуация меняется, когда базовый уровень удовлетворения потребностей достигнут. Появляется потребность в самоуважении, а уважать себя личность способна в зависимости от восприятия того, как она оценивается другими, особенно теми другими, мнение которых для нее особенно важно. Если это восприятие благоприятно, у человека развивается чувство самоуважения. В противном случае он будет считать себя недостойным и неспособным. Это положение можно выразить формулой.

Уровень самоуважения определяется отношением наших действительных способностей к потенциальным, предполагаемым:

$$\text{Самоуважение} = \text{Успех} / \text{Притязания}$$

При увеличении числителя и уменьшении знаменателя дробь будет возрастать, самоуважение будет расти. Отказ от притязаний дает такой же психологический эффект, как и их реализация. Отказ происходит тогда, когда полностью отсутствуют положительные результаты в осуществлении притязаний или они незначительны.

Э. Эриксон, в свою очередь, видел задачу в том, чтобы привлечь внимание к способности человека преодолевать жизненные трудности психосоциального характера. Его теория ставит во главу угла *качества Я*, то есть его достоинства, раскрывающиеся в различные

периоды развития. Кроме того, согласно Эриксону, каждая психосоциальная стадия сопровождается *кризисом* – поворотным моментом в жизни индивидуума, который возникает как следствие достижения определенного уровня психологической зрелости и социальных требований, предъявляемых к индивидууму на этой стадии. Характерные для индивидуума модели поведения обусловлены тем, каким образом в конце концов преодолевается кризис. Если кризис, или конфликт, разрешен удовлетворительно (то есть на предыдущей стадии Я обогатилось новыми положительными качествами), то теперь Я вбирает в себя новый позитивный компонент (например, базальное доверие и самостоятельность), и это гарантирует здоровое развитие личности в дальнейшем. Напротив, если конфликт остается неразрешенным или получает неудовлетворительное разрешение, развивающемуся Я тем самым наносится вред, и в него встраивается негативный компонент (например базальное недоверие, стыд и сомнения). Соответственно, сильные стороны Я или его достоинства приобретаются благодаря успешному разрешению каждого кризиса. Ж. Пиаже рассматривает эгоцентризм как когнитивную незрелость, как веру в то, что не только он сам, но и другие определяют ситуации и события точно так же, как и сам ребенок, то есть помещает себя в центр Вселенной. Любовь же и забота родителей лишь укрепляют «реализм» такого восприятия реальности. Впоследствии искривление мира «под себя» приведет к тому, что взрослый человек не будет способен к подлинной кооперации, не сможет работать в команде, а в повседневной жизни будет одиночкой.

С точки зрения психоаналитической теории определенные инциденты, происшедшие в ходе личностного опыта, могут быть критическими, так как они придают определенную окраску всем последующим реакциям человека на окружающую среду. В психоанализе внимание фокусируется на инстинктивных влечениях и на роли бессознательно-го. В нем жизненные ситуации типологизируются в рамках взаимоотношений матери (взрослой женщины) – сына (мальчика), отца (взрослого мужчины) – дочери (девочки). Внимание сосредотачивается на либидо (половом влечении и его проявлениях). Основатель научной школы – Зигмунд Фрейд.

Согласно психоанализу, изначальная социокультурная конфликтность внутрисемейных (внутригрупповых) ролей родителей и детей (старших и младших членов группы) обнаруживается уже в раннем

детстве. И если она не находит своего разрешения на этапе групповой (семейной) социализации, то управляет влечениями взрослого и обуславливает их на протяжении всей его жизни. В психоанализе личность структурируется как взаимодействие противоречащих друг другу элементов: «Сверх-Я» (Суперэго) и «Оно» (Ид, бессознательное, инстинкты), достигающих уравнивания в «Я» (Эго). Теория З. Фрейда, его трактовка «Я» интересна не конфликтом между сексуальным и социальным (влечение к родителю (наставнику) противоположного пола и социальным ограничением этого влечения), а моделированием конфликта между обществом и личностью в самой структуре человеческого «Я». В психоанализе показан механизм самоограничения «Я», формирование совести или социальной ответственности. И результат этого процесса каждый раз уникален, а совершенно одинаковых личностей не бывает, ведь личность не просто суммирует свой индивидуальный опыт, а интегрирует его. Каждый человек не только складывает инциденты и события, происшедшие с ним, как кирпичики в стене, но их значение он преломляет через свой прошлый опыт, через опыт своих родителей, близких, знакомых. Кроме того, дети общаются с различными группами, воспринимают роли разных людей. Даже близнецы с одинаковой наследственностью всегда будут воспитываться по-разному, так как не могут постоянно встречаться с одними и теми же людьми, слышать одни и те же слова от родителей, испытывать одни и те же радости и огорчения. В итоге следует отметить, что процесс социализации личности протекает в основном под влиянием группового опыта и потребностей личности. Однако не существует ни одного одинакового процесса социализации и ни одной одинаковой личности, так как индивидуальный опыт каждой из них уникален и неповторим.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие стадии содержит процесс формирования личности по Дж. Миду?
2. Какова структура личности по Ч. Кули?
3. Как объяснял социальное поведение З. Фрейд?
4. Каковы социальные механизмы формирования личности?
5. Что такое социализация личности?

6. Чем социализация отличается от формирования?
7. Что такое первичная и вторичная социализация?
8. Какие факторы (различия) влияют на процесс социализации?
9. Перечислите основные средства социализации и дайте их характеристику.
10. Что такое социальный статус? Какие статусы вы знаете?
11. Как и зачем регулируется социальное поведение личности?
12. Как возникает социальный протест?
13. Что такое неудачная социализация?

Глава 4

Социальный контроль

4.1. Концепции социального контроля.

Теория уровней П. Бергера

Социальный контроль – особый механизм поддержания общественного порядка посредством использования властных полномочий. Включает в себя понятие социальных норм, санкций, власти. В социологии существуют три подхода к изучению социального контроля, сформировавшиеся в американской социологии на протяжении XX века. В первом социальный контроль рассматривается во взаимосвязи с девиантным поведением, во втором – как явная и латентная функции социальных институтов, а в третьем – как средство управления и конструирования девиаций, осуществляемых агентами социального контроля. В рамках этих подходов сформулировано достаточно много теорий контроля, однако наиболее известной из них является концепция социального контроля **Питера Бергера**. По мнению П. Бергера, человек находится в центре расходящихся концентрических кругов, представляющих разные виды, типы и формы социального контроля (рис. 3). Каждый круг – новый уровень и система контроля. Каждый новый уровень имеет свои особенности и характеристики.

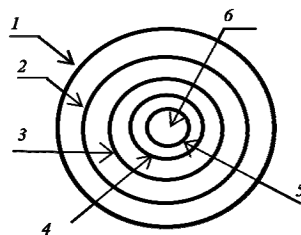

Рис. 3. Концепция социального контроля П. Бергера

1. Политико-юридическая система – самый большой, самый внешний и далекий от личности уровень контроля. Этот уровень контроля

представлен мощным аппаратом государства. Помимо воли людей государство взимает налоги, призывает в армию, заставляет повиноваться своим правилам, установлениям, а при необходимости может отправить в тюрьму, а в случае крайней необходимости – убить.

2. Мораль – следующий круг контроля, если продвигаться вглубь системы контроля, по направлению к человеку, находящемуся в точке максимального давления. За нравственностью индивида следят все, начиная с полиции и заканчивая родственниками. Первая применяет формальные санкции, вторые – неформальные. Его могут уволить с работы, он может потерять друзей, его не будут приглашать в гости люди, ценящие хорошие манеры, то есть если индивид будет вести себя вразрез с общепринятыми нормами, он может остаться одиноким. А по словам П. Бергера, хоть это и не тюрьма, но все же наказание. При этом, кроме больших кругов принуждения, в которых индивид находится вместе с остальными членами общества, существуют и малые круги контроля.

3. Профессиональная сфера (общественное производство) – на работе человек скован массой ограничений, инструкций, профессиональных обязанностей, деловых обязательств, оказывающих контролирующее воздействие, подчас очень жесткое. Например, бизнесмена контролируют лицензирующие органы, работника – профсоюз, подчиненного – руководитель и так далее. Не менее важны и способы неформального контроля со стороны коллег и сотрудников. Например, врачу, принявшему невыгодного пациента, могут отказать в практике; рабочего, перевыполняющего рабочие нормы, могут подвергнуть групповому давлению и так далее. Любая профессиональная роль в обществе предполагает специальный кодекс поведения, придерживаться которого, как правило, не менее важно, чем быть компетентным специалистом. Контроль со стороны профессиональной системы имеет огромное значение, так как профессия и должность решают, что индивиду можно, а что нельзя во внепроизводственное время: какие объединения примут его, каков будет круг друзей и общения, где он сможет позволить себе жить.

4. Общественная среда предъявляет человеку неписанные требования и законы. Она включает близких и дальних родственников, знакомых и незнакомых людей. Окружение индивида предъявляет ему свои требования, которые охватывают широкий круг явлений. Они могут

включать в себя манеру одеваться, говорить, эстетические вкусы, политические и религиозные убеждения и так далее.

5. Частная жизнь – ближайший к индивиду круг контроля. Он включает семью и близких друзей, которые тоже образуют систему контроля. Нормативное давление на индивида здесь тоже не ослабевает. Наоборот, есть все основания считать, что оно возрастает. Именно в этом круге индивид устанавливает наиболее важные социальные связи. Неодобрение, насмешка в кругу близких имеет больший вес, чем те же санкции со стороны чужих людей. Например, начальник может уволить подчиненного, лишив его средств к существованию, но последствия этого чисто экономического действия станут по настоящему разрушительными, если увольнение будут переживать его жена и дети. Причина этого в том, что давление со стороны семьи зачастую реализуется именно тогда, когда индивид к нему не готов, в отличие от внесемейного круга.

6. Ядро – интимные отношения мужа и жены. Именно в этих отношениях человек ищет поддержку самым важным чувствам и самооценкам, составляющим Я-образ. Рисковать этими связями – значит рисковать утратой самого себя. Например, люди, властные на работе, могут с легкостью уступить жене, пытаясь избежать обвинений или критики с ее стороны.

П. Бергер был далеко не первым в исследованиях поведения людей и создании теории социального контроля. Первой концепцией социального контроля, сформулированной явным образом, стала теория социальной дезорганизации. Ее непосредственными авторами выступили К. Шоу (С. Shaw) и Г. Маккей (Н. MacKay). Наблюдая потоки мигрантов, прибывавших в город, социологи предположили, что именно их культурное отличие, трудности в адаптации к новым условиям и, возможно, даже нежелание усваивать нормы местного американского общества приводят к нарушению порядка, столкновению культурно-ценностных моделей на определенных территориях. Появляющаяся таким образом социальная дезорганизация соседских сообществ влечет за собой ослабление общественного (неформального) контроля и рост преступности. В сложившихся обстоятельствах известную эффективность сохраняет лишь формальный государственный правовой контроль.

Основатели Чикагской школы Ч. Кули и Дж. Мидом, а вслед за ними многие американские социологи тесно связали изучение соци-

ального контроля с исследованиями процессов социализации, усвоения норм и ценностей, конфликтов культурных паттернов и ценностно-нормативных комплексов, взаимодействия индивида и социальной группы, неформального группового контроля. Как уже было отмечено, первыми к изучению интериоризации общественного контроля при посредничестве различных социальных ассоциаций обратились коллеги Ч. Кули по Чикагскому университету. В дальнейшем это направление получило динамичное развитие, а актуализация проблемы социализирующей функции первичных групп, произошедшая в 50-х гг. XX века, произвела революцию в изучении социального контроля. Введя в 1947 г. в научный оборот термин «дифференцированная социальная организация» (differential social organization), Э. Сазерленд показал, что отдельные городские сообщества могут быть не столько дезорганизованы, сколько организованы на базе иных культурных норм и ценностей. Так, с 1950-х гг. широкое распространение получило рассмотрение социального контроля в контексте субкультурного разнообразия общества (A. Cohen, R. Cloward, L. Ohlin, M. Wolfgang, R. Akers). Впоследствии изучение роли внешней среды дополнилось учетом особенностей персонального контроля и личностных факторов, провоцирующих девиантное поведение (A. Reiss, W. Reckless, J. Toby, F.I. Nye, D. Matza, S. Briar, I. Piliavin, G. Becker, I. Ehrlich). Большинство теорий девиантного поведения, сформировавшихся до 1970-х гг., объясняли возникновение отклонений в поведении, отталкиваясь от консенсусной модели общества, признавая, что человеческое общежитие базируется на потребности людей в сотрудничестве (пусть даже при сохранении понятия личной выгоды) и возникновении определенного разделяемого всеми кодекса социальной жизни. Следовательно, именно подчинение нормам в обществе признавалось естественным фактом, а объектом изучения выступали причины их игнорирования. В последней трети XX века ситуация изменилась: социологи сосредоточились на поиске причин не девиантного, а конформного поведения индивида. Склонность к нарушению норм во имя личной выгоды признали врожденным человеческим качеством, поэтому объяснения потребовал социальный конформизм. Теории социального контроля преступности связали нарушение закона с ослаблением, разрушением или отсутствием социальных связей или социализационных процессов, которые призваны поощрять законопослушное поведение. Автором наиболее влиятельной теории социального контроля стал Т. Хирши

(1969 г.). По его мнению, гарантом социального единства и конформности выступают «социальные обручи» (social bonds), соединяющие индивидов между собой и позволяющие сохранять определенные коллективные интересы. Четыре вида «социальных обручей», выступающих вместе с тем формами социального контроля, – это привязанность (attachment), обязательство (commitment), вовлеченность (involvement) и убеждение (belief). Акцент на интерсоциальной составляющей социального контроля во многом роднит теорию Т. Хирши с ранней теорией дезорганизации. Как уже отмечалось, первое поколение социологов Чикагской школы связывало высокий уровень преступности и девиантного поведения в растущем городе с разрушением традиционных связей внутри и между сообществами, культурным конфликтом. Эффективный социальный контроль, по их мнению, требовал поиска новых групп, способных взять на себя функции социализации формирования идентичности. В этом смысле теория социальных связей Т. Хирши демонстрирует возврат к моделям социального контроля первого этапа развития американской социологии. Все перечисленные теории социального контроля в настоящее время достаточно популярны и используются в исследованиях.

4.2. Агенты, инструменты и разновидности контроля

Любой уровень и разновидность социального контроля выполняет в отношении общества или любой другой социальной структуры охранительную и стабилизирующую функции.

Основанием для формирования и реализации любой системы контроля являются социальные нормы.

Социальные нормы – это предписания (запрет или разрешение что-либо делать), требования и ожидания соответствующего (общественно одобряемого) поведения. Или, можно сказать, что это некие идеальные образцы того, как и что люди должны говорить, делать и даже думать и чувствовать в конкретных ситуациях.

Типы норм:

1. Нормы, возникающие и существующие в малых группах (компания друзей, семья, рабочая бригада). Наиболее известное исследование в этой сфере было проведено социологом **Элтоном Мэйо** в 1927–1932 гг., и относятся эти нормы к способу построения и типу отношений в группе, к обеспечению ее суверенитета и сплоченности, приоритет-

ности внутригрупповых взаимодействий над внешними, к поддержанию статуса группы.

2. Нормы, возникающие и существующие в больших группах. Это обычаи, традиции, нравы, законы, этикет, манеры поведения.

Все социальные нормы можно классифицировать в зависимости от строгости требования их исполнения и силы наказания за их несоблюдение и строже всего карается неисполнение законов (убийство человека) и нарушение табу (оскорбление божества), мягче всего – отдельные виды привычек.

Помимо обеспечения социального порядка и эффективного функционирования общества, нормы интегрируют людей в единую общность таким образом:

1. Нормы – это обязанности одного лица по отношению к другому или другим лицам. То есть нормы формируют сеть социальных отношений в группе.

2. Нормы – это ожидания: от человека ждут вполне однозначного поведения. Например, двустороннее движение – когда каждый знает, по какой стороне улицы пройдет человек. Значит, нормы формируют систему социального взаимодействия, которая включает мотивы, цели, направленность субъектов, действия, ожидание, оценку и средства.

Сеть социальных отношений в группе и социальных взаимодействий, формируемая нормами, проявляет себя посредством обязанностей и прав.

Обязанности говорят о том, что исполнитель данной роли или носитель данного статуса должен делать по отношению к другим исполнителям или носителям.

Права говорят о том, что исполнитель данной роли или носитель данного статуса может позволить себе или допустить по отношению к другим исполнителям или носителям.

Права и обязанности строго оговорены в формальных или неформальных нормативных системах и выглядят как свод правил. Права и обязанности накладывают на поведение индивидов или групп ограничения, делая это поведение предсказуемым. Выполняя определенные обязанности, индивид берет на себя некий соответствующий обязанности груз ответственности. Например, в Древнем Египте, если спроектированное архитектором здание рушилось, придавив хозяина, архитектора казнили. Такова была форма ответственности. Права неразрывно связаны с обязанностями. Чем выше статус индивида, тем больший

круг обязанностей на него возлагается и тем больше прав у него появляется (как правило, они предоставляют «поле для маневра» при исполнении обязанностей или являются наградой за их исполнение). Индивид, на которого возлагается выполнение определенных обязанностей, обычно наделяется полномочиями на основании законов, традиций, правил и так далее. Такой индивид, выполняя свои обязанности, осуществляет одновременно требования социального контроля по отношению к каким-либо субъектам социальной жизни, а социальный контроль осуществляется путем применения санкций.

Санкции – действия со стороны любых агентов социального контроля, предназначенные пресекать или поощрять те или иные действия социальных субъектов.

Агенты социального контроля – индивиды, специально обученные и получающие за свою работу вознаграждение, социальные структуры и организации, субъекты власти и управления, то есть любой субъект, обладающий возможностью и правом осуществления давления на мысли, поступки, действия людей.

Типы санкций:

1) формальные позитивные (Ф+) – публичное одобрение со стороны официальных организаций: правительственные награды, государственные премии, стипендии, пожалованные титулы и звания и так далее;

2) неформальные позитивные (Н+) – публичное неофициальное одобрение: дружеская похвала, слава, почет и так далее;

3) формальные негативные (Ф–) – неодобрение или наказания, предусмотренные формальным законодательством (юридическими законами, указами, административными инструкциями, распоряжениями): лишение гражданских прав, тюремное заключение, казнь, конфискация имущества, увольнение, штраф;

4) неформальные негативные (Н–) – наказания, не предусмотренные официальными инстанциями и формальным законодательством: порицание, замечание, насмешка, издевка и так далее.

Применение санкций вообще и, в частности, применение какого-либо конкретного вида санкций зависит от норм, установок и ценностей, практикуемых и признаваемых в данном обществе или типе обществ, а также от типа социального контроля.

Ценности или система ценностей – это социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что есть добро,

справедливость, патриотизм, дружба и так далее. Отдельные ценности или системы ценностей обычно складываются в ходе исторического развития общества и формируются как указания или условия, при соблюдении которых в ходе деятельности с большой степенью вероятности можно будет достигнуть значимой цели или избежать какой-либо опасности. Ценности могут существовать как в форме прямых запретов, так и в форме прямых указаний или рекомендаций. Обязательность следования им может быть разной как для разных групп населения, так и для сфер деятельности. Существуют ценности коллективизма и ценности индивидуализма. Ценности принадлежат группе или обществу, а ценностные ориентации – индивиду.

Виды контроля

Контроль упорядочивает жизнедеятельность общества, обеспечивая его стабильное существование и развитие. Порядок в обществе означает, что каждая личность, каждый субъект деятельности, принимая на себя определенные обязанности, в свою очередь вправе требовать от других их выполнения в собственных целях. Выделяется три способа осуществления социального контроля:

1. *Эффективное воспитание и социализация*, в процессе которых люди сознательно принимают нормы и ценности общества, его отдельных групп и социальных институтов. По Э. Фромму, общество только тогда функционирует эффективно, когда «его члены достигают такого типа поведения, при котором они хотят действовать так, как они должны действовать в качестве членов данного общества. Они должны желать делать то, что объективно необходимо для общества». Люди в любом обществе контролируются в основном с помощью социализации таким образом, что они выполняют свои роли бессознательно, естественно, в силу обычаев, привычек и предпочтений. Как можно заставить женщин принять на себя тяжелую и неблагодарную домашнюю работу? Только социализировав их таким образом, чтобы они *хотели* иметь мужа, детей и домашнее хозяйство и чувствовали себя несчастными без них. Как заставить человека со свободной волей подчиняться законам и нравственным нормам, ограничивающим его свободу, часто тяжелым для него? Только культивируя у него те чувства, желания и стремления, которые приведут к желанию упорядочить свою жизнь и подчиниться законам общества, чтобы чувствовать рас-

терянность и раздражение, если эти законы будут нарушаться. Большинство социальных ролей люди играют неудачно не потому, что они не способны выполнить определенные ролевые требования, а потому, что они либо не принимают содержание ролей, либо не хотят их исполнять. Таким образом, социализация, формируя наши привычки, желания и обычаи, является одним из основных факторов социального контроля и установления порядка в обществе. Она облегчает трудности при принятии решений, подсказывая, как одеваться, как вести себя, как действовать в той или иной жизненной ситуации. При этом любое решение, идущее вразрез с тем, которое принимается и усваивается в ходе социализации, кажется нам неуместным, незнакомым и опасным. Именно таким путем осуществляется значительная часть внутреннего контроля личности за своим поведением.

2. Принуждение, применение определенных санкций. Когда отдельный индивид, группа, субъект управления не следует законам, нормам, правилам, то общество прибегает к принуждению, которое направлено на преодоление отклонения от нормы, принятых ценностей. В этом смысле социальный контроль тесно связан с категориями свободы и ответственности. Эффективное достижение цели в любом обществе предполагает проявление инициативы и творчества, самостоятельности со стороны всех членов общества и социальных структур, но свобода невозможна без ответственности за социальные последствия деятельности, которая обычно наступает после осуществления социального контроля. Многие примитивные, или традиционные, общества успешно контролируют поведение индивидов через нравственные нормы и, следовательно, посредством неформального группового контроля первичной группы; формальные законы или наказания в таких обществах необязательны. Но в больших, сложных человеческих популяциях, где переплетены многие культурные комплексы, формальный контроль, законы и система наказаний постоянно развиваются и становятся обязательными. В случае если индивид вполне может затеряться в толпе, неформальный контроль становится неэффективным и возникает необходимость в формальном контроле. Например, в племенном клане численностью от двух до трех десятков родственников вполне может действовать система неформального контроля за разделением пищи. Каждый член клана берет пищи столько, сколько ему необходимо, и вносит в общий фонд столько пищи, сколько сможет. Нечто подобное наблюдалось при распределении продук-

тов в небольших крестьянских общинах России. Однако в деревне с несколькими сотнями жителей такое распределение уже невозможно, так как очень трудно вести счет поступлениям и расходам неформально, на основе одного лишь наблюдения. Лениность и жадность отдельных индивидов делают такую систему распределения невозможной. Таким образом, при наличии высокой численности населения сложной культуры начинает применяться так называемый вторичный групповой контроль – законы, различные насильственные регуляторы, формализованные процедуры. Когда отдельный индивид не желает следовать этим регуляторам, группа или общество прибегают к принуждению, чтобы заставить его поступать так же, как все. В современных обществах существуют строго разработанные правила, или система контроля через принуждение, которые представляют собой набор действующих санкций, применяемых в соответствии с различными типами отклонений от норм.

3. *Различные формы ответственности (через групповое давление).* Все большую роль играют такие формы ответственности, как групповая, или коллективная, культурные ценности, традиции, групповые нормы. По Э. Фромму, человек не может участвовать в общественной жизни, основываясь только на внутреннем контроле. На его поведение накладывает отпечаток также включенность в общественную жизнь, которая выражается в том, что индивид является членом многих первичных групп (семья, производственная бригада, класс, студенческая группа и т. д.). Каждая из первичных групп имеет устоявшуюся систему обычаев, нравов и институциональных норм, специфических как для данной группы, так и для общества в целом. Таким образом, возможность осуществления группового социального контроля обусловлена включенностью каждого индивида в первичную социальную группу. Необходимым условием такого включения служит то обстоятельство, что индивид должен разделять определенный минимум принятых данной группой культурных норм, составляющих формальный или неформальный кодекс поведения. Каждое отклонение от такого порядка немедленно приводит к осуждению поведения группой. В зависимости от важности нарушаемой нормы возможен широкий диапазон осуждения и санкций со стороны группы – от простых замечаний до изгнания из данной первичной группы. Вариации поведения группы, возникающего в результате группового давления, можно проследить на примере производственной бригады. Каждый член бригады

должен придерживаться определенных норм поведения не только на производстве, но и после работы. И если, скажем, непослушание бригадиру может повлечь для нарушителя резкие замечания со стороны рабочих, то прогулы и пьянство часто заканчиваются его бойкотом и отторжением из бригады, так как они наносят материальный ущерб каждому из членов бригады. Как мы видим, социальный контроль в данном случае заканчивается применением неформальных санкций по отношению к индивиду, нарушающему нормы. Эффективность и своевременность применения социального контроля далеко не всегда одинаковы во всех первичных коллективах. Групповое давление на индивида, нарушающего нормы, зависит от многих факторов и прежде всего от статуса данного индивида. К лицам, имеющим высокие и низкие статусы в группе, применяются совершенно разные способы группового давления. Личность с высоким статусом в первичной группе, или лидер группы, имеет в качестве одной из своих основных обязанностей изменение старых и создание новых культурных образцов, новых способов взаимодействия. За это лидер получает кредит доверия и сам может в той или иной степени отступать от групповых норм. Более того, чтобы не потерять свой статус лидера, он не должен быть полностью идентичным членам группы. Однако при отступлении от групповых норм у каждого лидера существует грань, через которую он не может перейти. За этой гранью он начинает испытывать действие группового социального контроля со стороны остальных членов группы, и его лидерское влияние заканчивается. Степень и вид группового давления зависят также от характеристик первичной группы. Если, например, сплоченность группы высока, высокой становится и групповая лояльность по отношению к культурным образцам данной группы и, естественно, повышается степень социального группового контроля. Групповое давление лояльных членов группы (т. е. членов группы, приверженных групповым ценностям) сильнее, чем членов разобщенной группы. Например, группе, проводящей вместе лишь свободное время и потому разобщенной, гораздо труднее осуществлять внутригрупповой социальный контроль, чем группе, совершающей регулярные совместные действия, например, в бригаде или семье.

Таким образом, контроль – один из главных механизмов регулирования отношений внутри группы, между группами, между группой и обществом, между обществом и личностью, обществом и государством, государством и социальными институтами. Все общество, его

граждане посредством социального контроля проверяют действия отдельных субъектов управления в соответствии с социальными нормативами, ценностными стандартами, идейными ориентирами. Механизм социального контроля не сводится только к воздействию на отдельного человека, к учету работы, к количественной и качественной оценке имеющихся ресурсов. Его функция гораздо шире – *обнаружение возможных отклонений от заданных целей, своевременное принятие упреждающих мер по ликвидации возникающих диспропорций*. Меры социального контроля тем эффективнее, чем шире в его осуществлении участвуют все общество, его гражданские институты и все граждане.

С помощью контроля могут выявляться как отклонения от программы действий по достижению цели, так и причины этих отклонений. Можно сказать, что социальный контроль – это одна из основных функций регулирующего воздействия со стороны общества, которая реализуется в управленческой деятельности общества как субъекта управления. Общество пока слабо прогнозирует ожидаемые отклонения от нормы и вносит своевременную коррекцию в деятельность отдельных субъектов управления, прежде всего государства. Можно выделить и другие функции, которые решаются с помощью контроля исполнения.

1. *Диагностическая функция* – главная ведущая функция контроля. В любом случае сначала необходимо четко представить подлинное состояние дел, или поставить диагноз. Знание об объекте бессмысленно с позиций контроля, если отсутствует представление о *нормальном, или должном, состоянии анализируемой системы*. Именно представление о норме позволяет определить отклонения в поведении социальной системы, субъекта управления, личности, ту или иную социальную болезнь или патологию. На этой основе разрабатываются программы упреждающего воздействия или коррекции по отношению к диагностируемому объекту.

2. *Функция обратной связи*, без которой руководитель не знает о ходе выполнения поставленных задач и по сути выпускает из рук бразды правления, лишается возможности оказывать влияние на ход работы.

3. *Ориентирующая функция* проявляется в том, что те вопросы, которые чаще контролируются субъектом управления, как бы сами собой приобретают особое значение в сознании исполнителей, направляют их усилия в первую очередь на объект повышенного внимания. Вопросы, которые выпадают из поля зрения руководителя, часто не решаются подчиненными.

4. *Стимулирующая функция* близка к ориентирующей, но с ней не совпадает. Если ориентирующая функция контроля при умелом руководстве держит в поле зрения работы, то стимулирующая функция нацелена на выполнение и вовлечение в процесс труда все неиспользованные резервы, и в первую очередь резервы человеческого фактора.

5. *Корректирующая функция* связана с теми уточнениями, которые вносятся в решения на основе материалов контроля. Здесь складывается сложная психологическая ситуация: руководитель полагает, что он проверяет работу подчиненного, на самом же деле последний уже проверил на практике эффективность решения руководителя. Словом, контроль уже, можно сказать, состоялся, причем по самому надежному критерию – по соответствию решения практике.

6. *Педагогическая функция*. Контроль, если он построен умело, порождает у исполнителей сильные побуждения к добросовестному труду.

Различают несколько видов контроля: во-первых, внутренний и внешний контроль, во-вторых, формальный и неформальный, а в-третьих, общий и детальный (надзор).

Внутренний контроль – в этом случае индивид самостоятельно регулирует свое поведение (поэтому этот вид контроля называют самоконтролем), согласовывая его с общепринятыми социальными нормами и тесно связанными с ними ценностями. Эта форма контроля начинает формироваться с самого раннего возраста. Основа формирования самоконтроля – семья, поведение, требования, мнения и нормы, принятые в семье, транслируемые и исполняемые родителями и другими родственниками. Ценности и нормы, усвоенные в семье в детстве, в большой степени формируют личность. В процессе социализации нормы усваиваются настолько глубоко, что люди, нарушая их, испытывают чувство неловкости или вины, которое называют еще «муками совести».

Совесьть, или чувство социальной ответственности, – это проявление внутреннего контроля.

Внешний контроль – любой вид контроля, который личность воспринимает как внешний по отношению к себе. Социальный контроль – самый эффективный инструмент, при помощи которого общество организует жизнедеятельность простых граждан. В отличие от самоконтроля это совокупность институтов и механизмов, гарантирующих соблюдение общепринятых норм и законов.

Неформальный контроль (внутригрупповой) – это одна из разновидностей внешнего контроля. Он основан на одобрении или осуждении со стороны группы родственников, друзей, коллег, знакомых, а также со стороны общественного мнения, которое выражается через традиции и обычаи, а также через СМИ. Это самая ранняя форма внешнего контроля. Этот вид контроля зародился на заре человеческой цивилизации. Традиционная сельская община контролировала все аспекты жизни своих членов на основании неписаных законов и правил. В те древние времена сильны были позиции религии, отсутствовали формальное законодательство и стабильная иерархическая вертикаль. Жизнь общин по большей части основывалась на принципе самоуправления, а в основании системы самоуправления лежали, естественно, сложившиеся в течение существования общины правила поведения и деятельности. В качестве контролеров выступало общественное мнение, чаще всего выраженное старейшинами общины. Важнейшим элементом, органично вплетающимся в систему социального контроля, всегда была религия. Строгие требования, выдвигаемые религией, соблюдения ритуалов, обрядов и церемоний дополнительно усиливали воздействие социального контроля и гарантию минимальности поведенческой девиации.

Формальный контроль (институциональный) основан на одобрении или осуждении со стороны официальных органов власти и администрации. Этот вид контроля появился благодаря формированию формального законодательства, элит и вертикали власти, что характерно для обществ современного типа. Механизм социального контроля используют такие социальные институты, как суды, образование, армия, производство, средства массовой информации, политические партии, правительство и так далее.

Общий контроль – форма контроля, при которой контролю подвергается результат деятельности, но не процесс достижения этого результата. Является основанием демократического стиля управления.

Детальный контроль (надзор) – контролю подвергается процесс достижения цели. Руководство вмешивается в каждый этап деятельности. Если надзор осуществляется государством, он превращается в институт. Институт же разрастается в огромную, разветвленную систему, куда входят детективные агентства, полицейские участки, тюремные надзиратели, конвойные войска, суды, цензура. Детальный контроль является основанием авторитарного стиля управления.

Механизм социального контроля воплощается в методах контроля. Методы социального контроля разнообразны и зависят от ситуации, цели и характера конкретной группы, в которой применяются (табл. 2).

1. ПЖ (прямой жесткий) – к методам этого контроля относятся политические репрессии, рэкет, деятельность организованной преступности и так далее;

2. ПМ (прямой мягкий) – инструментом этого вида контроля являются Конституция и Уголовный кодекс;

3. КЖ (косвенный жесткий) – инструментом этого вида контроля являются, например, экономические санкции международного сообщества;

4. КМ (косвенный мягкий) – инструментом этого метода контроля являются СМИ, Интернет или любые информационные сети.

Таблица 2

Методы контроля

	Жесткие	Мягкие
Прямые	ПЖ	ПМ
Косвенные	КЖ	КМ

*Разновидности и эффективность
социального контроля управления*

В зависимости от того, какие формы и виды контроля используются в том или ином случае, можно выделить разные стили управления:

1. Авторитарный – используется детальный вид контроля и преимущественно негативные санкции. Руководство обычно требует предоставления работниками подробных отчетов о каждом шаге проделанной работы, используется групповое давление на личность, задействуется иерархическая вертикаль.

2. Демократичный – в управлении используется общий контроль, особое внимание обращается на достигнутый результат, полноту его достижения за оговоренный срок. Использованным методам достижения результата и примененным способам решения попутных задач уделяется существенно меньше времени.

Однако независимо от того, какой стиль управления применяется, цель управленческой деятельности одна и та же – обеспечить реализацию личностью, группой или каким-либо другим сообществом поставленной перед ними значимой цели. В этом случае недостаточно при-

нять грамотное управленческое решение, добиться его реализации. Необходимо осуществить социальный контроль за его выполнением, оценить его эффективность и внести всегда необходимые коррективы, чтобы следующий цикл управленческой работы был еще более эффективен, чем предыдущий. Поэтому осуществление социального контроля и оценка эффективности управления – последние стадии управленческого труда, но необходимые для начала следующего его непрерывного цикла, без которых эффективное социальное управление невозможно. Основной же характеристикой эффективности социального управления является успешное решение поставленных задач в возможно короткий срок при наименьших затратах ресурсов (экономических, финансовых, трудовых, социальных, духовных и т. п.). В то же время для оценки качества управления прежде всего необходимо иметь в виду всю систему целеполагания, ведущее место в которой занимают социальные цели, задающие вектор развития всем остальным, и имеющиеся затраты на их осуществление, полученный результат, плодотворность усилий и степень приближения к достижению поставленных целей.

В итоге нужно отметить, что любой из способов контроля и управления не применяется в исключительном виде. При осуществлении контроля и управления виды контроля, санкции применяются в комплексе в зависимости от решаемой проблемы или особенностей ситуации, в которых действует человек. Можно говорить лишь о приоритете того или иного вида управления, контроля или санкций.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит сущность социального контроля?
2. Каковы основные элементы социального контроля?
3. Какие типы социальных санкций вы знаете?
4. Перечислите и охарактеризуйте методы контроля, приведите примеры их использования.
5. Какие механизмы социального контроля существуют?
6. Что представляет собой управленческое решение? Какое место оно занимает в управленческой деятельности?
7. Каковы основания для классификации решений?
8. Какие факторы определяют эффективность принятых решений?
9. Каковы некоторые принципы принятия решения? Какие из них, на ваш взгляд, приоритетны?

Глава 5

Девиантное поведение личности

5.1. Девиантное поведение – понятие, формы, причины

В основе социализации личности находится усвоение норм. Соблюдение норм определяет культурный уровень общества. Отклонение от них называется в социологии девиацией. В широком смысле понятие «девиация» означает любое несоответствие поведения любой социальной норме. В узком смысле девиантность относится к отклонениям от неформальных норм. Отклонение от правовых норм (нарушение) называется *делинквентным поведением*, как уже сказано выше, отклонение от уголовно-правовых норм – *преступным поведением*. Таким образом, наиболее широким является понятие «девиантное поведение», более узким – «делинквентное», еще более узким – «преступное».

Девиантность может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус»: негативно отклоняющееся поведение и позитивно отклоняющееся. Для социологии гениальность и злодейство – вещи вполне совместные: это просто два вида девиантного поведения. Но чаще всего, когда говорят о девиантном поведении, имеют в виду именно негативно отклоняющееся поведение. Делинквентное поведение как форма негативной девиантности имеет только отрицательную оценку. Наиболее распространенными и социально значимыми для любого общества формами девиантного поведения являются суицид (самоубийство), алкоголизм, наркомания, половая распущенность. Степень распространенности негативных форм девиантного поведения служит показателем эффективности социального контроля. В простых обществах с неразвитой нормативной системой девиантное поведение легко диагностируется и контролируется. Чем меньше норм, тем меньше воз-

возможность отклонений. В сложно структурированных обществах, включающих несколько нормативных систем и множество субкультур, проблема определения поведения как девиантного и контроля за ним многократно усложняется. Девиантное поведение относительно. То, что для одного человека или группы отклонение, то для другого может быть привычкой. Так, высший класс считает свое поведение нормой, а поведение нижних социальных групп отклонением. Следовательно, девиантное поведение относительно потому, что имеет отношение только к культурным нормам данной группы. Вымогательство, грабеж с позиций преступника считаются нормальными видами заработка. Однако большая часть населения считает такое поведение девиацией. *Критерии девиантности меняются во времени в рамках одной и той же культуры.* После Второй мировой войны курение получило в США широкое распространение и социальное одобрение. Курить в квартире или в офисе считалось нормальным поведением. Но в 1957 г. ученые доказали, что курение – причина многих серьезных заболеваний, в том числе рака легких. Постепенно широкая общественность начала кампанию против курения. И сегодня в США курильщики превратились в объект всеобщего осуждения. В СССР в 60–70-е гг. школьные учителя боролись с длинноволосыми учениками, усматривая в этом подражание «буржуазному образу жизни» и признаки нравственного растления. В конце 80-х гг. наше общество изменилось, и длинные волосы превратились из девиации в норму. Таким образом, девиация относительна а) исторической эпохи, б) культуры общества. Относительность в социологии называется *релятивизмом*. К формам девиантного поведения относят уголовную преступность, алкоголизм, наркоманию, проституцию, гомосексуализм, азартные игры, психическое расстройство, самоубийство. Девиантное поведение может иметь как коллективный, так и индивидуальный характер. Причем индивидуальная девиация в ряде случаев трансформируется в коллективную. Распространение последней обычно связано с влиянием криминальной субкультуры, носителями которой являются деклассированные слои общества. Категории населения, более других предрасположенные совершать девиантные поступки, называют *группами риска*. К таким группам, в частности, относят определенные слои молодежи. По данным ООН, около 30 % всех молодых людей в мире принимают участие в каких-либо противоправных действиях. Девиантные поступки и действия отдельного человека изучаются такими науками, как психология, психиатрия и педагогика. Когда же девиантное поведение выступает

как массовое социальное явление, оно становится предметом изучения социологии и социальной психологии. Некоторые социологи проводят разграничение между *девиантным* и *делинквентным* (буквально – преступным) поведением. К последнему относят нарушения норм, подпадающие под категорию противоправного действия. При этом подчеркивается, что девиантное поведение относительно, ибо имеет отношение к моральным нормам данной группы, а делинквентное – абсолютно, так как нарушает абсолютную норму, выраженную в юридических законах общества.

Одним из первых, кто связал существование делинквентности и преступности с категориями нормы и патологии, отклонения и разнообразия, был выдающийся французский социолог *Эмиль Дюркгейм*. Он так же, как и *У. Ломброзо* (1835–1909), рассматривал преступность в качестве естественного явления, но в отличие от него считал ее не патологическим, а нормальным явлением, неотъемлемой частью любого здорового общества. Как и А. Кетле, Э. Дюркгейм обращал особое внимание на такое свойство преступности, как устойчивость, на то, что она существует во всех обществах всех типов, но в своих выводах он пошел значительно дальше. Человеку не нравится боль точно так же, писал Э. Дюркгейм, как обществу преступность, и все же боль – функция нормальной физиологии. Но если какое-то явление устойчиво и постоянно, то в соответствии с концепцией структурно-функционального анализа (одним из основоположников которого был Э. Дюркгейм) оно должно выполнять определенную социальную функцию. По Э. Дюркгейму, функция преступности – эволюционная. Состояние преступности может служить индикатором уровня социального развития. Развитие – это отклонение от устоявшихся норм и правил. Общество должно давать свободу для возникновения отклонений, но свобода неделима: она дает возможность как для положительных, так и для отрицательных отклонений. Если общество не дает такой свободы (тоталитарные режимы), то уровень преступности падает, но замедляется и развитие. Поэтому ненормален как слишком высокий уровень преступности (аномия), так и слишком низкий (застой). Как отмечал выдающийся социолог современности Т. Парсонс, аномия – это «состояние, при котором значительное число индивидов находится в положении, характеризующемся серьезным недостатком интеграции со стабильными институтами, что существенно для их собственной личной стабильности и успешного функционирования социальных

систем. Обычной реакцией на это состояние является ненадежность поведения». Согласно этому подходу, аномия возрастает в связи с беспорядочностью и конфликтами нравственных норм в обществе. Люди начинают ограничиваться нормами отдельных групп и в результате не имеют стабильной перспективы, в соответствии с которой им необходимо принимать решения в повседневной жизни. В этом понимании аномия выглядит как результат свободы выбора без устойчивого восприятия действительности и при отсутствии стабильных взаимосвязей с семьей, государством и другими основными институтами общества. Очевидно, что состояние аномии чаще всего приводит к отклоняющемуся поведению.

Но преступность – не только индикатор развития общества, она может быть и непосредственно эволюционным фактором (это самый смелый и парадоксальный вывод Э. Дюркгейма). Нередко преступления (преступление Сократа в античности, преступления еретиков в средние века) прямо подготавливают почву для становления новых норм морали и права. Разнообразие подходов и взглядов на девиацию свидетельствует о том, что появление и распространение девиантного поведения вызывается не какой-либо одной причиной, а совокупностью условий и факторов как объективного, так и субъективного характера.

Каковы причины девиации? Можно выделить причины биопсихического характера: считается, что склонность к алкоголизму, наркомании, психические расстройства могут передаваться от родителей детям. Большое внимание выяснению факторов, влияющих на появление и рост девиации, уделяли Э. Дюркгейм, Р. Мертон, неомарксисты, конфликтологи, культурологи. Они сумели выделить социальные причины:

- аномия, или разрегулированность общества, появляется во время социальных кризисов. Старые ценности исчезают, новых нет, и люди теряют жизненные ориентиры. Растет число самоубийств, преступлений, разрушаются семья, мораль (Э. Дюркгейм – социологический подход);

- аномия, проявляющаяся в разрыве между культурными целями общества и социально одобряемыми способами их достижения (Р. Мертон – социологический подход);

- конфликт между нормами культуры социальных групп (Э. Селлин – культурологический подход);
- идентификация индивида с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры (В. Миллер – культурологический подход);
- стремление влиятельных групп ставить «клеймо» девианта членам менее влиятельных групп. Так, в 30-х гг. на Юге США негры априори считались насильниками только из-за расовой принадлежности (Г. Беккер – теория стигматизации);
- законы и правоохранительные органы, которые правящие классы используют против тех, кто лишен власти (Р. Квинни – радикальная криминология) и т.д.

Типы девиантного поведения. Существует много классификаций девиации, но, на наш взгляд, одной из самых интересных является типология Р. Мертон. Автор использует свою концепцию – девиация возникает в результате аномии. Р. Мертон отмечает, что аномия появляется не от свободы выбора, но от невозможности многих индивидов следовать нормам, которые они полностью принимают. Он видит главную причину трудностей в дисгармонии между культурными целями и легальными (институциональными средствами), с помощью которых эти цели осуществляются. Например, в то время как общество поддерживает усилия своих членов в стремлении к повышению благосостояния и к высокому социальному положению, легальные средства членов общества для достижения такого состояния весьма ограничены. Неравенство, существующее в обществе, служит тем толчком, который заставляет члена общества искать нелегальные средства и цели, т. е. отклоняться от общепринятых культурных образцов. Действительно, когда человек не может добиться благосостояния с помощью таланта и способностей (легальные средства), он может прибегнуть к обману, подлогу или воровству, не одобряемым обществом. Таким образом, отклонения во многом зависят от культурных целей и институциональных средств, которых придерживается и которые использует та или иная личность.

Мертон считает единственным типом недевиантного поведения конформность – согласие с целями и средствами их достижения. Он выделяет четыре возможных типа девиации:

- *инновация* предполагает согласие с целями общества и отрицание общепринятых способов их достижения. К «инноваторам» относятся

проститутки, шантажисты, создатели финансовых пирамид. Но к ним можно отнести и великих ученых;

– *ритуализм* связан с отрицанием целей данного общества и абсурдным преувеличением значения способов их достижения. Так, бюрократ требует, чтобы каждый документ был тщательно заполнен, дважды проверен, подшит в четырех экземплярах. Но при этом цель забывается – а для чего все это?

– *ретрети́зм* (или бегство от действительности) выражается в отказе и от социально одобренных целей, и от способов их достижения. К ретреатистам относятся пропойцы, наркоманы, бомжи и т. п.

– *бунт* отрицает и цели, и способы, но стремится к их замене на новые. Например, большевики стремились к уничтожению капитализма, частной собственности и замене их социализмом и общественной собственностью на средства производства. Отвергая эволюцию, они стремились к революции и т. д.

Мертон рассматривает конформность и девиацию как две чаши одних весов, а не как отдельные категории. В ней также сделан упор на то, что девиация не является продуктом абсолютно негативного отношения к общепринятым стандартам. Вор не отвергает социально одобряемую цель – материальное благополучие, а может стремиться к ней с таким же рвением, что и молодой человек, озабоченный служебной карьерой. Бюрократ не отказывается от общепринятых правил работы, но исполняет их слишком буквально, доходя до абсурда. Однако и вор, и бюрократ – девианты.

В процессе наделения индивидуума клеймом «девиант» можно выделить первичную и вторичную стадии. Концепция первичного и вторичного отклонений впервые была сформулирована и детально разработана Х. Беккером. Она помогает увидеть процесс становления личности законченного девианта.

Первичная девиация (отклонение) – начальное действие правонарушения. Оно даже не всегда замечается обществом, особенно, если нарушаются нормы-ожидания (скажем, за обедом употребляется не ложка, а вилка). Человека признают девиантом в результате своего рода обработки информации об его поведении, проводящейся другим человеком, группой или организацией.

Вторичная девиация (отклонение) – процесс, в ходе которого после акта первичной девиации либо ошибочного или ложного обвинения к индивиду приклеивается ярлык девианта. Этот процесс навешивания

ярлыка может стать поворотным пунктом на жизненном пути индивида. Действительно, совершивший первичное отклонение от общепринятых норм индивид продолжает жить прежней жизнью, занимать то же место в системе статусов и ролей, по-прежнему взаимодействовать с членами группы. Но стоит ему только получить ярлык девианта, как сразу же появляется тенденция к прерыванию многих социальных связей с группой и даже к изоляции от нее. Такое лицо может быть отстранено от любимой работы, профессии, отвергнуто добропорядочными людьми, а то и заслужить название «криминальной» личности; оно может стать зависимым от отклоняющихся (например алкоголики) или от преступных (например преступная группа) ассоциаций, которые начинают использовать факт индивидуального отклонения, отделяя данного индивида от общества и прививая ему нравственные нормы своей субкультуры. Таким образом, вторичное отклонение может перевернуть всю жизнь человека. Создаются благоприятные условия для повторения акта отклоняющегося поведения, то есть человек под влиянием общественной реакции принимает девиантную идентичность, перестраивается как личность с позиций той группы, к которой его причислили. Ну а после повторения проступка изоляция еще больше усиливается, начинают применяться более жесткие меры социального контроля, и лицо может перейти в состояние, характеризующееся постоянным отклоняющимся поведением, человек полностью «вживается» в роль девианта. Этот процесс социолог И.М. Шур назвал ролевым поглощением.

Культурные и психические отклонения. Один индивид может иметь отклонения в социальном поведении, другой – в личностной организации, третий – и в социальной сфере, и в личностной организации. Социологов интересуют прежде всего культурные отклонения, т. е. отклонения данной социальной общности от норм культуры. Психологов же интересуют психические отклонения от норм в личностной организации: психозы, неврозы, параноидальные состояния и т.п. Если два этих типа отклонений совмещаются, то отклонение от культурных норм совершается личностью, психически ненормальной.

Люди часто пытаются связывать культурные отклонения с психическими. Например, радикальное политическое поведение определяется как выход для эмоциональной враждебности, т. е. как психическое отклонение; проституция – как следствие эмоциональных лишений детства, когда ребенок имел мало возможностей для интеграции лич-

ности, своего собственного «Я». Сексуальные отклонения, алкоголизм, наркомания, пристрастие к азартным играм и многие другие отклонения в социальном поведении также связывают с личностной дезорганизацией, иначе говоря, с психическими отклонениями.

Естественно, что личностная дезорганизация – далеко не единственная причина отклоняющегося поведения. Обычно психически ненормальные личности полностью выполняют все правила и нормы, принятые в обществе, и наоборот, личности, психически вполне нормальные, совершают весьма серьезные отклонения. Вопрос о том, почему это происходит, интересует как социологов, так и психологов.

Итак, можно различать два идеальных типа отклонений:

1. Индивидуальные отклонения, когда отдельный индивид отвергает нормы своей субкультуры.

2. Групповое отклонение, рассматриваемое как конформное поведение члена девиантной группы по отношению к ее субкультуре.

Индивидуальные и групповые отклонения. Самый обычный мальчик из стабильной семьи, находящийся в окружении порядочных людей, может отвергнуть принятые в его среде нормы и проявлять явные признаки преступного поведения (стать делинквентом). В этом случае мы сталкиваемся с индивидуальным отклонением от норм в пределах одной субкультуры. Такая личность обычно рассматривается как индивидуальный девиант. Вместе с тем в каждом обществе много отклоняющихся субкультур, нормы которых осуждаются общепринятой, доминирующей моралью общества. Например, подростки из трудных семей проводят большую часть своего времени в подвалах. «Подвальная жизнь» кажется им нормальной, у них существует свой «подвальный» моральный кодекс, свои законы и культурные комплексы. В данном случае налицо не индивидуальное, а групповое отклонение от норм доминирующей культуры, так как подростки живут в соответствии с нормами собственной субкультуры. Субкультура в данном случае содержит образцы поведения, привнесенные индивидуальными девиантами. В рассматриваемом примере каждый подросток, возвращающийся к общепринятому в обществе образу жизни, будет индивидуальным девиантом с точки зрения данной «подвальной» субкультуры, и она может применять по отношению к нему свои меры социального контроля. Другим примером группы социального отклонения можно считать группу бюрократов, которые за бумагами уже не видят реального окружения и живут в иллюзорном мире параграфов,

циркуляров и распоряжений. Здесь также создана субкультура, попадая в которую каждый работник должен подчиняться действующим бюрократическим культурным нормам. В реальной жизни девиантные личности строго разделить на два указанных типа нельзя. Чаще всего эти два типа отклонений взаимопересекаются.

Девиация значительно более широко распространена, чем свидетельствуют официальные статистические данные. Общество, по сути, на 99 % состоит из девиантов. Большая часть их – умеренные девианты. Но, по подсчетам социологов, 30 % членов общества составляют ярко выраженные девианты с негативным или позитивным отклонением. Контроль над ними несимметричен. Максимально одобряются отклонения национальных героев, выдающихся ученых, артистов, спортсменов, художников, писателей, политических лидеров, передовиков труда, очень здоровых и красивых людей. Крайне не одобряется поведение террористов, предателей, преступников, циников, бродяг, наркоманов, политических эмигрантов и т. д. В прежние времена общество считало нежелательными все резко отклоняющиеся формы поведения. Гениев преследовали, как и злодеев, осуждали очень ленивых и сверхтрудолюбивых, нищих и сверхбогатых. Причина: резкие отклонения от средней нормы – положительные или отрицательные – угрожали нарушить стабильность общества, основанную на традициях, древних обычаях и малоэффективной экономике. В современном обществе с развитием промышленной и научно-технической революций, демократии, рынка, формированием нового типа модальной личности – человека-потребителя позитивные девиации рассматриваются как важный фактор развития экономики, политической и социальной жизни. Поэтому задача «полного искоренения» девиаций сегодня не ставится.

Культурно одобряемые отклонения. Отклоняющееся поведение всегда оценивается с точки зрения культуры, принятой в данном обществе. Эта оценка заключается в том, что одни отклонения осуждаются, а другие одобряются. Например, странствующий монах в одном обществе может считаться святым, в другом – никчемным бездельником. В нашем обществе люди, попадающие под определение гения, героя, лидера, избранника народа, – это культурно одобряемые отклонения. Такие отклонения связаны с понятием возвеличивания, т. е. возвышения над другими, что и составляет основу отклонения. Каждый из нас имеет свои представления о понятии возвеличивания. То же можно

сказать и о групповых представлениях. Кроме того, ранжирование великих людей со временем меняется. Например, когда появляется потребность в защите общества, на первое место по значимости выходят гениальные полководцы, в другое время самыми великими могут стать политические деятели, деятели культуры, ученые. Попытаемся выделить необходимые качества и способы поведения, которые могут привести к социально одобряемым отклонениям.

1. *Сверхинтеллектуальность*. Повышенная интеллектуальность может рассматриваться как способ поведения, приводящий к социально одобряемым отклонениям лишь при достижении ограниченного числа социальных статусов. Интеллектуальная посредственность невозможна при исполнении ролей крупного ученого или культурного деятеля, в то же время сверхинтеллектуальность менее необходима для актера, спортсмена или политического лидера. В этих ролях куда более важны специфический талант, физическая сила, сильный характер. Сверхинтеллектуальность может быть даже помехой при исполнении некоторых ролей, так как изолирует личность от остальных членов группы. Другими словами, возвеличивание на основе интеллектуальности возможно только в отдельных, строго ограниченных областях человеческой деятельности. Фактор сверхинтеллектуальности не слишком популярен в народе, который гораздо больше ценит твердый характер или магнетическую, волевою личность.

2. *Особые склонности* позволяют проявлять уникальные качества на очень узких, специфических участках деятельности. Возвеличивание спортсмена, актера, балерины, художника больше зависит от особых склонностей человека, чем от его общей интеллектуальности. Отдельные интеллектуальные способности часто бывают необходимы для реализации особых склонностей, но обычно знаменитости вне поля своей деятельности ничем не отличаются от остальных людей. Все здесь решает способность сделать работу лучше других на очень узком участке деятельности, где проявляется крайне специфический талант.

3. *Сверхмотивация*. Мы часто и много говорим о высокой мотивации, но знаем о ней чрезвычайно мало. Безусловно, ее наличие у индивида является фактором, способствующим его возвышению над остальными людьми, неясно только, почему люди становятся высокомотивированными. Очевидно, что одна из причин, вызывающих сверхмотивацию, состоит в групповом влиянии. Например, семейная традиция может стать основой высокой мотивации для возвышения

индивида в той области, в которой протекает деятельность его родителей. Очень интересна гипотеза некоторых русских ученых, связывающих появление большого числа сверхмотивированных индивидов с природными явлениями, например с солнечной активностью. Влияние внешних условий в соединении с групповым влиянием способствует появлению большого числа индивидов, обладающих сверхмотивацией в различных областях деятельности. Многие социологи считают, что интенсивная мотивация часто служит компенсацией за лишения или переживания, перенесенные в детстве или в юности. Так, существует мнение, что Наполеон имел высокую мотивацию к достижению успеха и власти в результате одиночества, испытанного им в детстве; непривлекательная внешность и отсутствие внимания со стороны окружающих в детстве стали основой для сверхмотивации Ричарда III; Никколо Паганини постоянно стремился к славе и почету в результате испытанной в детстве нужды и насмешек сверстников. Известно, например, что воинственность часто появляется из-за сверхстрогости родителей. Чувства ненадежности, замкнутости, возмущения или враждебности могут найти выход в интенсивных усилиях, направленных на личные достижения. Такое объяснение трудно подтвердить измерениями, но оно занимает важное место в исследовании сверхмотивации.

4. *Личностные качества.* Проведено много исследований в области психологии, посвященных личностным чертам и свойствам характера, которые помогают достичь возвышения личности. Оказалось, что эти черты теснейшим образом связаны с определенными видами деятельности. Смелость и отвага открывают солдату путь к успеху, славе, возвышению, но они совершенно не обязательны для художника или поэта. Общительность, умение заводить знакомства, твердость характера в трудных ситуациях нужны политику и предпринимателю, но почти никак не сказываются на карьере писателя, художника или ученого. Общественное мнение выработало множество популярных стереотипов индивидуальных качеств, способствующих возвышению индивида в различных областях деятельности. Так, в соответствии с таким популярным стереотипом ученый должен быть отрешенным от окружающих, немного сумасшедшим, начитанным и оригинальным; артист – фантазером, всегда раскованным, весьма темпераментным и т. д. В основном эти стереотипы заведомо неправильны и создаются для самооправдания или рекламы профессии и рода деятельности, но в некоторых из них есть доля истины, подмеченная многими поколениями.

ями людей в ходе общения. Личностные качества – это, безусловно, важный фактор достижения возвышения, а часто даже самый важный. Неслучайно многие великие личности обладали каким-либо выдающимся личностным качеством.

5. *Счастливый случай* не сделает из дебила гения, но может способствовать проявлению способностей человека в определенных видах деятельности. Был бы Наполеон императором, если бы не Великая французская революция? Кем были бы многие политические деятели, если бы не социальные потрясения, неожиданные повороты судьбы, вознесшие их над обществом? Большие достижения – это не только ярко выраженный талант и желание, но и их проявление в определенном месте и в определенное время. Конечно, к этому фактору трудно относиться с точки зрения науки, но мы не должны сбрасывать его со счетов.

В итоге можно сказать, что большинство факторов экстраординарных личностных достижений трудно выделить и измерить, но следует учитывать влияние основных из них, способствующих социально одобряемым отклонениям.

Культурно осуждаемые отклонения. Большинство обществ поддерживает и вознаграждает социальные отклонения, проявляемые в форме экстраординарных достижений и активности, направленной на развитие общепринятых ценностей культуры. Эти общества не строго относятся к индивидуальным неудачам в достижении одобряемых ими отклонений. Что же касается нарушения нравственных норм и законов, то оно в обществе всегда строго осуждалось и наказывалось.

5.2. Теории девиантного поведения

Девиантное (отклоняющееся) поведение воспринимается и всегда воспринималось обществом как опасное и недопустимое. Этому, конечно, есть объяснение: девиантность – это всегда непредсказуемость в той или иной степени, а любая непредсказуемость поведения угрожает устойчивости общества. Так как социальная устойчивость и стабильность – условие социального развития, благополучия различных социальных групп внутри него, угроза этому благословенному состоянию всегда полагалась неприемлемой. Явление, способное существенно повлиять на социальное развитие и самочувствие, всегда вызывало повышенный интерес исследователей, желающих его понять, объяс-

нить, а возможно, найти способ невелирования его разрушающего воздействия.

Очевидно, что психические дефекты лежат в основе ограниченной части культурно осуждаемых отклонений. Относительно определения изучения других причин таких отклонений существует три вида теорий: теории физических типов, психоаналитические теории и социологические теории.

Основная предпосылка всех *теорий физических типов* состоит том, что определенные физические черты личности предопределяют совершаемые ею различные отклонения от норм. Сама по себе эта идея так же стара, как человеческая история. В обществах давно укоренились выражения: «лицо убийцы», «порочные черты лица» и т. п. Среди последователей теорий физических типов можно назвать Ч. Ломброзо, Э. Кретшмера, В. Шелдона. В работах всех этих авторов присутствует одна основная идея: люди с определенной физической конституцией склонны совершать социальные отклонения, осуждаемые обществом.

Из современных теорий самой разработанной считается теория В. Шелдона, который выделил три основных типа человеческих черт, влияющих, по его мнению, на совершение поступков, которые характеризуются как отклоняющееся поведение: эндоморфный (округлость форм, лишний вес), мезоморфный тип (мускулистость, атлетичность), эктоморфный тип (субтильность, худоба). Шелдон описал определенные виды поведения, присущего каждому типу: например, преступные типы и алкоголики в основном принадлежат к мезоморфным типам. Однако практика доказала несостоятельность теорий физических типов. Всем известны многочисленные случаи, когда индивиды с лицом херувимов совершали тягчайшие преступления, а индивид с грубыми, «преступными» чертами лица не мог и муху обидеть.

В основе *психоаналитических теорий* отклоняющегося поведения лежит изучение конфликтов, происходящих внутри сознания личности. Согласно теории З. Фрейда, у каждой личности под слоем активного сознания находится область бессознательного. Бессознательное – это наша психическая энергия, в которой сосредоточено все природное, первобытное, не знающее границ, не ведающее жалости. Бессознательное – это биологическая сущность человека, не изведавшего влияния культуры. Человек способен защититься от собственного природного «беззаконного» состояния путем формирования собственного «Я», а также так называемого сверх-«Я», определяемого исключительно

но культурой общества. Человеческое «Я» и сверх-«Я» постоянно сдерживают силы, находящиеся в бессознательном, постоянно ограничивают наши инстинкты и низменные страсти. Однако может возникнуть состояние, когда внутренние конфликты между «Я» и бессознательным, а также между сверх-«Я» и бессознательным разрушают защиту и наружу прорывается наше внутреннее, не знающее культуры содержание. В этом случае может произойти отклонение от культурных норм, выработанных социальным окружением индивида. Очевидно, что в этой точке зрения есть доля истины, однако определение и диагностика возможных нарушений в структуре человеческого «Я» и возможных социальных отклонений крайне затруднены в связи со скрытностью объекта изучения. Кроме того, хотя каждой личности присущ конфликт между биологическими потребностями и запретами культуры, далеко не каждый человек становится девиантом.

Почему же все-таки появляются девианты? Ответ на этот вопрос пытаются дать *социологические теории, теории социальных отклонений*. В соответствии с ними индивиды становятся девиантами в силу определенных причин, связанных с их взаимодействием с социумом. Теория Т. Хирши завоевала широкую популярность в среде социологов и криминологов, однако не стала единственным подходом в обосновании девиантного и конформного поведения. Оформившиеся ранее теории, заявлявшие об отклонении как результате свободного осознанного выбора, получили развитие и после 1970-х гг. Теории рационального выбора стали выразителями крайнего индивидуализма в объяснении девиантного поведения. Согласно данной микроперспективе, девиантное поведение мотивируется персональными (жажда наживы, месть, развлечение) и ситуационными (уязвимость цели или жертвы, наличие свидетелей и охранников) факторами. Поскольку исключить личные мотивы невозможно, для борьбы с общественно опасными отклонениями предлагалось минимизировать ситуационные возможности совершения преступления и привести суровость санкций к пределу, необходимому и достаточному для предотвращения преступного выбора. Теория рутинной деятельности Л. Козна и М. Фелсона обосновывала, что преступление совершается при выполнении трех условий:

- 1) доступная цель (объект или человек);
- 2) отсутствие дееспособного сторожа, способного вмешаться (в том числе полицейский патруль, охранники, привратники, сослуживцы, друзья, соседи, система видеонаблюдения);
- 3) присутствие мотивированного правонарушителя.

Социальный контроль преступлений, следовательно, должен включать контроль за состоянием этих трех факторов. Подобную стратегию «укрепления мишеней» и минимизации благоприятствующих преступлению условий Д. Корниш и Р. Кларк назвали ситуационной превенцией преступности, отметив, что реализация данной модели охраны порядка требует сотрудничества исследователей и представителей правоохранительных органов в изучении динамики преступлений, их факторов, мониторинге эффективности мер по противоборству криминалу и т. п. Теории рационального выбора, рутинной деятельности и ситуационной превенции предложили модель эффективной (экономичной) борьбы с преступностью. В Соединенных Штатах она была положена в основу реорганизации системы охраны порядка. Ее ядром стала стратегия управления рисками и создания зон локального порядка с использованием технического контроля, архитектурных средств контроля и социально-пространственной эксклюзии.

Смещение интереса с групповой динамики к особенностям поведения личности, наблюдаемое в 1960–1970-х гг., подорвало авторитет теорий дезорганизации. Однако в 1980-х гг. исследования Р. Берсика, Р. Сэмпсона и У. Гривса вдохнули в нее вторую жизнь. Новации заключались, во-первых, в изучении проявлений социальной дезорганизации в социальных сетях различных уровней (личных, местных, публичных), а также взаимовлияния соседних. Во-вторых, кроме таких, использованных еще К. Шоу и Г. Маккейем, характеристик макроуровня, как низкий социально-экономический статус, мобильность и расовая гетерогенность, в объект теории были включены «промежуточные механизмы», т.е. переменные-посредники между традиционными показателями социальной дезорганизации и уровнем преступности, например объем и качество социального капитала, сила семьи и коллектива. Решение же проблемы преступности виделось в развитии межпоколенческих сетей, взаимообмена советами, материальными благами, информацией о воспитании детей, веры в совместный неформальный контроль, поддержки и наблюдения за детьми в рамках соседства.

В 1980-х гг. теория напряжений/аномии также пережила возрождение, в результате чего появились теория институциональной аномии (*institutional-anomie theory*) С. Месснера и Р. Розенфельда и общая теория напряжений (*general strain theory*) Р. Эджнью. Первая указала на девиантогенные ценности американского общества (ориентация на

достижение, индивидуализм, универсализм (обязательность для всех), фетишизм денег) и институциональный дисбаланс с доминированием экономических институтов, ослабляющий контролирующие функции прочих институтов. Вторая же теория с позиции социально-психологического подхода установила связь между различными источниками напряжений (неудачи в достижении позитивно оцениваемых целей, потеря позитивно оцениваемого стимула, а также противостояние негативным стимулам), спровоцированными ими эмоциями и индивидуальным криминальным поведением, ограниченным такими сдерживающими факторами, как убеждения, рациональное обоснование, самоконтроль, принадлежность к группе. Из этого исходит *теория дифференцированной связи (ассоциации)* американского криминолога *Эдвина Сатерленда* (1883–1950). Эта теория говорит о том, что преступному поведению, как и любому другому поведению, обучаются, и обучаются у тех, с кем имеют более тесную связь (иногда эту теорию иронически называют теорией «дурной компании»). Степень влияния на человека тех или иных образцов поведения зависит от степени его связи с тем или иным лицом (или группой лиц): общаясь преимущественно с преступниками, человек, скорее всего, станет преступником, общаясь с законопослушными лицами, – законопослушным (дифференциация связи). В бедных районах, пораженных преступностью, намного легче стать преступником: обучиться соответствующим приемам, выработать навыки, найти соучастников, сбыть краденое и т. д. Человек не наследует преступных наклонностей. Индивидуальные различия между людьми если и влияют на преступность, то лишь в той мере, в какой они обуславливают частоту и устойчивость контактов с образцами преступного поведения. Эмоциональные стрессы в семье значимы постольку, поскольку они гонят человека из дома и толкают его на контакты с правонарушителями.

Теория дифференцированной связи – описательная, а не объяснительная: она описывает механизм усвоения образцов поведения, воздействию которых подвержен индивид, но не объясняет, откуда берется то преступное поведение, которому научаются. Теория Э. Сатерленда была одной из первых теорий, описывающих процесс воспроизводства преступности, она вызвала серьезные научные дискуссии и способствовала развитию криминологических теорий социологического направления. Обновленные теории социальной дезорганизации напряжений и аномии объединили элементы индивидуалистического и

структурного подходов к девиантному поведению, обосновывая наличие субъективных и объективных предпосылок для нарушения социальных норм. Интегративными по сути явились также теория «власти-контроля» Дж. Хэгэна (powercontrol theory) и теория «контроля-баланса» (control-balance theory) Ч. Тайтл, обосновывающие девиантное поведение через социальный статус человека и выполняемые им роли и функции.

В последнее десятилетие XX века в объяснении причин девиантного поведения появился новый подход – теории жизненного пути (developmental life course theories), которые описывали индивидуальные изменения в преступном поведении на протяжении жизни человека, в особенности механизм взаимодействия факторов риска и жизненных событий, влияющий на начало, продолжение и прекращение преступной деятельности. В рамках данных теорий социальный контроль выступил не как абстрактный общий механизм борьбы с девиациями, а ориентированный на специфику своего объекта. Рассмотренные выше теории, как уже было отмечено, относятся к направлению, в рамках которого социальный контроль изучается прежде всего с позиции противодействия девиантному и делинквентному поведению (скорее даже последнему). Альтернативный же подход продолжил линию рассуждений Э. Росса, подчеркивавшего значимость социального консенсуса для достижения и легитимации социального контроля и акцентировавшего внимание на институциональных средствах контроля, посредством которых общество воздействует на индивида, приводя в соответствие с общественными его личные цели. Если названные ранее теории, по сути, демонстрируют микроподход к изучению отклонений и методов противодействия им, то теперь предстоит совершить обзор концепций, оперирующих макросоциологическими переменными. Истоки данной традиции обнаруживаются в европейской классической и ранней американской социологии. С этих позиций подходили к рассмотрению процессов регулирования социальной жизни Л. Уорд, Ф. Гиддингс, У. Самнер, А. Смолл и, конечно же, Э. Росс – автор первого труда о социальном контроле («Социальный контроль: изучение основ порядка»).

В 30–40-е гг. XX века мощный импульс исследованиям социального контроля придали институциональные экономисты (Т. Веблен, У. Хамилтон, М. Кларк), которые увидели в социальном контроле средство научно обоснованного социального реформирования. Таким

образом, изучение проблемы девиаций в условиях города, многочисленные эмпирические исследования социальных институтов (права, образования, общественного мнения, религии и проч.) и государственного управления экономической и, шире, всей социальной жизнью сформировали понимание двоякой роли социального контроля. Он выступил, с одной стороны, как механизм обеспечения конформного поведения, а с другой – социального управления, способствующего совершенствованию социальной жизни. Основными механизмами социального контроля признавались социализация (включая формирующее воздействие различных социальных институтов и организаций) и государственное управление. Объектами выступали все члены общества, а агентами, проводниками контроля – все социальные институты, сообщества, малые группы, среди которых, безусловно, особая роль отводилась государству как субъекту социального управления. В 1940–1950-х гг. макросоциологический подход к социальному контролю значительно укрепился благодаря структурному функционализму и, в частности, трудам Т. Парсонса и Р. Мертон, продемонстрировавшим, как социальный контроль вписан в систему общества, связан с его структурными характеристиками и культурной подсистемой. С подачи Т. Парсонса вопросы социального контроля были сведены к вопросам противодействия отклонениям. Теории девиантного поведения и, соответственно, исследования социализации и роли социальных групп легко классифицировать. Опираясь на структурно-функциональную модель социального порядка, М. Яновиц полагал, что стабильность общества обеспечивается благодаря ценностному консенсусу. Исходя из этого, социальный контроль социолог определил как отличную от принуждения и персонального контроля способность общества осуществлять саморегуляцию на моральной основе, выходящей за пределы личных интересов.

Дж. Гиббс предпринял попытку построения целостной системы контроля, одним из элементов которой выступил социальный контроль как контроль над людьми. Его теория включает 28 аксиом и 15 теорем, касающихся отношений между ожидаемой и реальной эффективностью контроля, супернатурализмом, научной деятельностью, тремя субъектными типами контроля, разделением труда, технологической сложностью и технологической эффективностью. Следует отметить, что эмпирическая проверка теории, которую Дж. Гиббс провел на материале 66 стран, показала высокий уровень ее надежности.

Следующее направление в американской социологии представлено конфликтными и конструктивистскими теориями девиантности и преступности. Активно они проявили себя в середине XX века. Сторонники конструктивного подхода к девиантности выдвинули тезис об относительности социальных норм и девиаций, а также способности социального контроля создавать последние, когда соответствующие его агенты применяют процедуры детекции отклонений и их коррекции. Теория социетальной реакции и теория ярлыков, оформившиеся усилиями Э. Лемерта (1951 г.), Г. Беккера (1963 г.), Э. Шура, И. Гоффмана (1963 г.), стимулировали исследования таких проблем, как жестокость заключения (С. Tittle, С. Logan), общественное мнение о должном законном наказании (D. Gibbons), дискреционные (предоставленные на собственное усмотрение) практики реагирования на девиации правоохранительных органов (D. Sudnow), расовые социально-классовые предпосылки в реакции (E. Green), закономерности в нормативной реакции общественности на умственно больных (D. Phillips), общественное мнение в отношении преступлений различной степени тяжести (P. Rossi, E. Waite). На новый уровень идеи конструктивистского подхода были выведены социологами конфликтной ориентации, которые рассмотрели процессы присвоения ярлыков через механизм социального контроля с привлечением более широкого социального контекста. Отстраняясь от рассмотрения ситуаций взаимодействия нарушителя порядка и его защитника, критическая социология обратилась к историческим социально-экономическим условиям существования общества и тем механизмам и институтам, что призваны поддерживать в нем порядок.

Широкое обсуждение в 1970–1980-х гг. в американском академическом сообществе получила социальная политика государства благосостояния. За очевидной заботой об уровне жизни населения и помощи нуждающимся был обнаружен механизм контроля эстеблишментом различных групп населения и их настроений. Социальный контроль находится в руках элиты, облеченной властью, и выступает инструментом властного воздействия. Девиантами же оказываются «незащищенные», «уязвимые», максимально дистанцированные от власти категории населения. Так, например, в 1971 г. Ф.Ф. Пивен и Р. Кловард проанализировали контролирующие функции благосостояния, охарактеризовав его как средство умирения экономически неблагополучных

классов (бедных и безработных) и предотвращения социального восстания.

Пристальное внимание к технологиям социального контроля актуализировало вопрос о критериях классификации действий как отклоняющихся и о роли экспертов, осуществляющих эту оценку. Относительная природа девиаций у ряда социологов уже не вызывала сомнений. Справедливость этого тезиса в 1970-х гг. на примере потребления наркотиков, в частности, доказывал Э. Гуд. Однако он пошел дальше и рассмотрел, какой эффект способны оказать на общество «мнимые» отклонения. Э. Гуд обосновывал, что относительная, конструируемая и даже «воображаемая» девиантность влечет за собой возникновение совершенно реальных действий и последствий. В качестве примеров он приводил охоту на ведьм в Средние века и веру в паранормальное, а также получившую широкое распространение в современном обществе «моральную панику» – страх перед событиями, социальными группами и т.д., который, благодаря средствам массовой информации, конструируется мгновенно и оказывает значительное влияние на общественные настроения. Исходя из того, что ценностные категории хорошего и плохого неприменимы в определении девиантного поведения, социальный контроль, согласно Э. Гуду, должен стремиться минимизировать ущерб, который может быть нанесен отклонением, а также, добавим, самим применением санкций. Для решения этих проблем в 1990-х гг. криминолог Дж. Брэйтвэйт предложил использовать, соответственно, управление стыдом (*shame management*) и восстановительное правосудие (*restorative justice*). Первое было нацелено на стигматизируемого в ходе уголовного производства обвиняемого, а второе – на ликвидацию социального вреда, наносимого преступлением. По мысли Дж. Брэйтвэйта, наказания виновника недостаточно для восстановления социальной гармонии. Налаживание же диалога между жертвой и обвиняемым позволит удовлетворить потребности обеих сторон, повысит ответственность обвиняемого, снимет страх перед преступником, снизит агрессию и беспокойство у жертвы.

Тезис о социальном конструировании девиаций во второй половине XX века получил широкое подтверждение. Не последняя роль при этом отводилась государственным организациям. В 1980-х гг. точка зрения политических институционалистов, отстаивавших принципиальность влияния государственных институтов и организаций на

общественную жизнь, стала преобладающей. Однако если в Европе широкое распространение получили исследования политической природы (господства в системе) социального контроля, в США анализ функционирования системы охраны порядка оставался преимущественно политически нейтральным. Пристальное внимание было вместе с тем уделено реформированию модели государственного контроля с целью повышения ее эффективности. В частности, обсуждались «деинституционализация» социального контроля и привлечение граждан и местных сообществ к охране порядка, а также организация системы превенции угроз общественному порядку: создание безопасной среды, укрепление возможных мишеней преступности, сопровождение групп риска, нормирование максимального числа отношений.

5.3. Формирование девиантного поведения: факторы и стадии

Если социологи объясняют девиантное поведение преимущественно социальными факторами, то психологи акцентируют внимание на личностных, психических отклонениях и дезорганизациях. Существуют также теории, связывающие поведение с биологическими особенностями личности, ее генетической предрасположенностью к различным отклонениям. Наконец, сложился целый ряд культурологических концепций девиантного поведения, согласно которым нарушение норм – это результат усвоения субкультурных ценностей, противостоящих культуре большинства членов общества. Девиантность, о которой сказано выше, – это отклонение от норм культуры, т.е. культурная девиантность. Ее не следует отождествлять с психической девиантностью, с так называемыми психическими аномалиями. Очень часто в психических аномалиях (разного рода акцентуации, психопатии, олигофрения и т. д.), т. е. отклонениях от психической нормы, видят причину преступлений – отклонений от социальной нормы.

За последнее время было проведено немало исследований, которые установили, что среди преступников много лиц (по разным данным, от 25 до 80 %) с психическими аномалиями. Из этого, казалось бы, можно сделать вывод, что преступления в основном совершают люди с аномалиями. Но это не совсем так (и разноречив в данных исследований не случаен). Во-первых, многие аномалии имеют не наследственный, а приобретенный характер, и очень часто социально-нравственную

запущенность личности квалифицируют как психическую аномалию (особенно у подростков). Во-вторых, обычно приводимые цифры об аномалиях являются не официальными данными судебно-психиатрических экспертиз, а данными выборочных исследований, проводимых по весьма различным методикам. В-третьих, большинство исследований проводится среди осужденных к лишению свободы. Но, как известно, условия мест лишения свободы являются мощным стрессогенным фактором, отрицательно влияющим на психику человека. И обычные методики не позволяют выявить, когда возникли аномалии – до совершения преступления или после, в период отбывания наказания. Психические аномалии, безусловно, влияют на поведение человека, поскольку могут вызывать серьезные затруднения в ходе социализации – труднее дается учеба, трудно получить высококвалифицированную профессию и т. д. Но в отличие от нравственных отклонений психические аномалии не являются результатом социализации.

Утверждение о наличии прямой связи между психическими аномалиями и преступным поведением означает, что социальная коррекция невозможна и профилактика преступного поведения психически аномальных (но вменяемых) субъектов бесперспективна. Поэтому для социологии и криминологии в изучении психических аномалий более плодотворным является другой подход – изучение следует направлять на поиск связи не видов аномалий с определенными формами преступного поведения, а психических расстройств с особенностями процесса социализации аномальных индивидов. Чаще, чем в других возрастных группах, девиантное поведение наблюдается у подростков. Объективная причина данного обстоятельства состоит в том, что у несовершеннолетних процесс социализации (усвоение норм) и процесс формирования делинквентного поведения (отклонение от норм) по времени совпадают. И одно (делинквентность) есть следствие недостатков и неудач в другом (социализации). Жизненный опыт подростка мал и фрагментарен, характер и взгляды окончательно не сформировались. В силу этого оценка ситуации часто бывает неадекватной, малый опыт и неадекватность оценки ситуации обуславливают и неправильное предвидение последствий. Кроме того, играют роль и особенности возраста:

- *социальные* – происходит смена сфер социализации. Семью как основной институт социализации ребенка сменяют учебные и трудовые коллективы и неформальные группы;

- *социально-психологические* – линия поведения личности формируется под воздействием противоречивых факторов. Для несовершеннолетних характерны как повышенная конформность (податливость группе), так и стремление к самостоятельности. Это обуславливает неустойчивость, ситуативность поведения несовершеннолетних;

- *психологические* – процесс полового созревания обостряет (акцентирует) проявление некоторых качеств (повышенная возбудимость, импульсивность и т. д.).

Все это в определенной мере и определяет повышенную склонность несовершеннолетних к делинквентному поведению. По данным ООН, около 30 % всех молодых людей принимают участие в каких-либо противоправных действиях, а 5 % совершают серьезные правонарушения. Социологи установили закономерность: человек тем легче усваивает образцы девиантного поведения, чем чаще с ними сталкивается и чем моложе его возраст.

В настоящее время в России на делинквентное поведение молодежи значительное воздействие оказывают социально-экономические факторы, иногда называемые социальными издержками проводимых экономических реформ. Наиболее уязвимым оказался такой важнейший институт социализации, как семья. Стремительное обнищание значительной части населения, безработица, рост пьянства и алкоголизма ведут к распаду семьи. Следствие этого – значительный рост среди несовершеннолетних безнадзорности, бродяжничества, попрошайничества, вовлечения их в аморальную и преступную деятельность. Резко обострилась проблема социального сиротства, т. е. фактического отсутствия семьи при живых родителях, уклоняющихся от воспитания детей, лишенных родительских прав или находящихся в местах лишения свободы. Увеличилось число правонарушителей из таких социально неустроенных групп, как мигранты и вынужденные переселенцы. Поскольку, как выше уже отмечено, процесс социализации и процесс формирования делинквентного поведения у несовершеннолетних совпадают во времени, основным направлением в предупреждении делинквентного поведения несовершеннолетних является *общесоциальная профилактика*, цель которой – создать условия, способствующие нормальному формированию личности подростка. Ею должны быть охвачены все основные сферы социализации: семья, школа, трудовой коллектив, сфера общения и досуга. Продуманная

социальная политика государства, включающая помощь семье в воспитании детей, улучшение воспитания в школе, совершенствование трудового воспитания, создание условий для проведения содержательного досуга – все это содержит значительный антикриминогенный потенциал. Центр тяжести в профилактической работе с несовершеннолетними должен быть перенесен с субъектов из правоохранительной системы на государственные и общественные организации. Социальная значимость проблемы подростковой делинквентности обуславливается особым местом подрастающего поколения в обществе. Задача охраны жизни, физического и нравственного здоровья будущего нации, всемерная социальная и правовая защита законных прав и интересов несовершеннолетних и молодежи приоритетны во внутренней политике любого цивилизованного государства. Всякое нормальное общество особо болезненно реагирует на пораженность преступностью именно социальной группы несовершеннолетних.

Однако, при всех неприятных и дестабилизирующих последствиях для общества, ее не следует рассматривать как сугубо отрицательное явление. Как выше уже сказано, отклонения бывают как отрицательными, так и положительными. Девиантность является источником *разнообразия* – основы социального развития (эволюции). Разнообразие так же связано с девиантностью, как единообразие – с нормой. Нормо-порядок и девиантность – две неразрывно связанные стороны социального прогресса. Во все времена общество старалось не допускать отклонений в поведении своих членов. Если говорить абстрактно, то, в принципе, любые отклонения несут угрозу социальной стабильности: гениальность и сумасшествие, героизм и предательство. Но практически социальный контроль *несимметричен*: негативные отклонения чаще осуждаются, позитивные – одобряются. История человечества показывает, что борьба с девиациями часто перерождается в борьбу с разнообразием – чувств, мыслей, поступков. Разнообразие как социологическая категория подразумевает такую совокупность социальных действий, которая не расчленяется по критериям нормы или отклонения на две противоположные группы, а рассматривается в качестве некоторого континуума: на одном его полюсе разместятся максимально не одобряемые виды поведения (наркомания, вандализм, преступность, святотатство и т. д.), на другом – максимально одобряемые отклонения (героизм, самопожертвование, гениальность и т. д.).

Если провести статистический подсчет, то окажется, что в нормально развивающихся обществах и в обычных условиях на каждую из этих групп придется примерно по 10–15 % общей численности населения, а 70 % составляют твердые середняки – люди с несущественными отклонениями. И при обследовании жителей Нью-Йорка 99 % опрошенных признались в том, что они совершили один и более незаконных поступков, например воровали в магазине, обманывали налогового инспектора или постового, не говоря уже о более невинных шалостях – опоздание на работу, переход улицы или курение в неположенных местах.

Одним из важнейших факторов обучения ценностям и поведенческим нормам служит семья. Когда ребенок социализируется в условиях счастливой, крепкой и здоровой семьи, он обычно развивается как уверенная в себе и в окружении, хорошо воспитанная личность, воспринимающая нормы окружающей культуры как справедливые и само собой разумеющиеся. Ребенок ориентирован определенным образом на свое будущее. Если семейная жизнь в чем-то неудовлетворительна, то дети часто развиваются с пробелами в воспитании, в усвоении норм и с отклоняющимся поведением. Многочисленные исследования молодежной преступности показали, что около 85 % молодых людей с отклоняющимся поведением воспитывались в неблагополучных семьях. Американскими исследователями в области социальной психологии было выявлено пять основных факторов, определяющих семейную жизнь как неблагополучную: сверхсуровая отцовская дисциплина (грубость, сумасбродство, непонимание); недостаточный материнский надзор (равнодушие, беззаботность); недостаточная отцовская привязанность; недостаточная материнская привязанность (холодность, враждебность); отсутствие сплоченности в семье (скандалы, враждебность, взаимная неприязнь). Все эти факторы оказывают значительное влияние на процесс социализации ребенка в семье и в конечном счете на воспитание личности с отклоняющимся поведением. Однако многочисленны также случаи проявления отклоняющегося поведения в совершенно благополучных семьях. Дело в том, что семья – это далеко не единственный (хотя и важнейший) институт в обществе, участвующий в социализации личности. Нормы, воспринятые с детства, могут быть пересмотрены или отброшены в ходе взаимодействия с окружающей действительностью, в частности с социальным окружением.

В сложном, постоянно изменяющемся обществе, где нет единой и неизменной системы норм, многие нормы и культурные ценности разных субкультур противоречат друг другу. Часто родители сталкиваются с такой ситуацией, когда воспитание ребенка в семье противоречит влиянию других социальных групп и институтов. Так, родители вынуждены бороться с излишней идеологизацией своих детей, влиянием коммерческого духа, уличных групп, массовой культуры, противоречивости политического положения и т. д. Неизбежно происходят конфликты норм и ценностей. То, что говорят в семье детям, кажется неправдой, обостряется конфликт субкультур отцов и детей. В нашем сложном обществе существует множество конфликтующих нормативных образцов, которые способствуют возникновению феномена отклоняющегося поведения. Например, столкновение норм и ценностей, регулирующих поведение, в соответствии с которыми мы жили долгие годы, и норм и ценностей в «перестроенном» обществе. Иногда бывает просто трудно выбрать линию неотклоняющегося поведения.

Когда нравственные нормы запрещают совершать некоторые действия, которые многие личности желают совершить, возникает другой феномен отклоняющегося поведения – *нормы оправдания*. Это культурные образцы, с помощью которых люди оправдывают осуществление каких-либо запретных желаний и действий без открытого вызова существующим моральным нормам. Чаще всего нормы оправдания создаются там и тогда, где и когда происходит частое нарушение норм без последующих санкций. Нормы оправдания появляются, только если есть образец нарушения, который признается и санкционируется в одной из групп общества. Этот образец и будет считаться нормой оправдания. Например, социальные психологи Дж. Рубек и Л. Спрей установили, что нормы богемной субкультуры (свобода, раскованность, возможность давать полную волю чувствам) оправдывают любовные связи между женатыми мужчинами и молодыми женщинами. Оправдание самогонщика становится нормой оправдания, если устанавливается стандарт группового одобрения способов обхода государственных ограничений на распространение спиртных напитков. То же можно сказать и об оправдании мелких спекулянтов в группах, имеющих возможность покупать у них какой-либо дефицит. Как только подобные действия становятся санкционированными группой, оправдание теряет свои моральные запреты. Следовательно, можно

сказать, что нормы оправдания являются полуинституционализированными формами отклоняющегося поведения.

Социальные отклонения играют в обществе двойственную, противоречивую роль. Они, с одной стороны, представляют угрозу стабильности общества, с другой – поддерживают эту стабильность. Успешное функционирование социальных структур можно считать эффективным, только если обеспечен порядок и предсказуемое поведение членов общества. Каждый член общества должен *знать* (в разумных пределах, конечно), какого поведения он может ожидать от окружающих его людей, какого поведения другие члены общества ожидают от него самого, к каким социальным нормам должны быть социализированы дети. Отклоняющееся поведение нарушает этот порядок и предсказуемость поведения. При наличии в обществе или социальной группе многочисленных случаев социальных отклонений люди утрачивают чувство ожидаемого поведения, происходит дезорганизация культуры и разрушение социального порядка. Нравственные нормы перестают контролировать поведение членов группы или общества, основополагающие ценности могут быть отвергнуты последними, и у индивидов теряется чувство безопасности и уверенности в своих действиях. Поэтому общество будет функционировать эффективно, только когда большинство его членов будет принимать устоявшиеся нормы и действовать в основном в соответствии с ожиданиями других индивидов. С другой стороны, отклоняющееся поведение является одним из путей адаптации культуры к социальным изменениям. Нет такого современного общества, которое долгое время оставалось бы статичным. Даже совершенно изолированные от мировых цивилизаций сообщества должны время от времени изменять образцы своего поведения из-за изменений окружающей среды. Взрывы рождаемости, технологические новшества, изменения физического окружения – все это может привести к необходимости принятия новых норм и адаптации к ним членов общества. Но новые культурные нормы редко создаются путем обсуждения и последующего принятия их членами социальных групп, которые в торжественной обстановке отменяют старые нормы и называют новые. Новые социальные нормы рождаются и развиваются в результате повседневного поведения индивидов, в столкновении постоянно возникающих социальных обстоятельств. Отклоняющееся от старых, привычных норм поведение небольшого числа

индивидов может быть началом создания новых нормативных образцов. Постепенно преодолевая традиции, отклоняющееся поведение, содержащее новые жизнеспособные нормы, все в большей и большей степени проникает в сознание людей. По мере усвоения членами социальных групп поведения, содержащего новые нормы, оно перестает быть отклоняющимся.

Появление новых норм можно проиллюстрировать на примере упадка патриархальной семьи. В аграрном обществе, где все члены семьи работали по дому или в поле все вместе, под отцовским надзором, очень легко было поддерживать мужское доминирование в семейных отношениях. Более того, только сила и мудрость отца придавали семье крепость и жизнеспособность. Но изменение технологии, развитие общества привели к перемещению места работы отца в магазин, на фабрику, в организацию, где он не мог постоянно надзирать за семейными делами. Дальнейшие изменения в обществе привели к тому, что и часть женщин стала работать в стороне от семьи и от мужа. Процесс отделения женщин от семьи оказался достаточно сложным. В XIX веке впервые начал осуществляться переход женщин на работу по найму в конторы, офисы, различные организации. Первая реакция общества была осуждающей: такое поведение женщин признавалось отклоняющимся. Однако в результате длительной борьбы женщины практически завоевали себе право на социальные статусы, прежде считавшиеся мужскими, т. е. такое поведение перестало считаться отклоняющимся. Нормы патриархальной семьи претерпели значительные изменения. Таким образом, отклоняющееся поведение часто служит началом существования общепринятых культурных норм. Без него было бы трудно адаптировать культуру к изменению общественных потребностей. Вместе с тем вопрос о том, в какой степени должно быть распространено отклоняющееся поведение и какие его виды полезны и, самое главное, терпимы для общества, до сих пор практически не разрешен. Если рассматривать любые области человеческой деятельности (политику, управление, этику), то нельзя вполне определенно ответить на этот вопрос. Действительно, какие нормы лучше: воспринятые нами в результате долгой борьбы республиканские культурные нормы или старые монархические? Современные нормы этикета или нормы этикета наших отцов и дедов? На эти вопросы трудно дать удовлетворительный ответ. Вместе с тем не все

формы отклоняющегося поведения требуют столь детального анализа. Криминальное поведение, сексуальные отклонения, алкоголизм или наркомания не могут привести к появлению полезных для общества новых культурных образцов. Следует признать, что подавляющее число социальных отклонений играют деструктивную роль в развитии общества. И только некоторые немногочисленные отклонения можно считать полезными. Одна из задач социологов – распознавать и отбирать полезные культурные образцы в отклоняющемся поведении индивидов и групп.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое социальный контроль и почему он является необходимым условием успешного функционирования общества?
2. Каковы основные способы осуществления социального контроля в обществе или социальной группе?
3. Оцените возможности применения способов социального контроля:
 - а) в малой группе с неформальными межличностными отношениями;
 - б) в организации, где существуют формальные и неформальные отношения;
 - в) в большой социальной группе (каста, социальный слой, класс).
4. Каковы формы социальных отклонений, наблюдаемых в обществе?
5. В чем состоит основное отличие психологического подхода к изучению социальных отклонений от всех других подходов?
6. Как можно оценить индивидуальные и групповые социальные отклонения с точки зрения доминирующей культуры и субкультуры?
7. В чем состоит основная концепция теории «навешивания ярлыка» и определения первичных и вторичных отклонений? Какие последствия могут иметь для индивида первичное и вторичное отклонения?
8. С чем связано понятие «культурно одобряемое отклонение»? В чем причина появления такого рода отклонений?
9. Какие способы поведения способствуют появлению культурно одобряемых отклонений?
10. Как можно сформулировать основную концепцию теорий «физических типов» и психоаналитических теорий? В чем их основные различия? Кто является основоположниками этих теорий?

11. Какова роль процесса социализации личности в построении социологических теорий социальных отклонений? Каким образом осуществляется влияние социальных институтов на отклоняющееся поведение личностей?

12. Что понимают под термином «аномия» в рамках социологических теорий отклоняющегося поведения? Как использовался термин «аномия» в исследованиях Э. Дюркгейма и Р. Мертон?

13. На чем основана типология отклоняющейся личности у Р. Мертона по отношению к целям и средствам их достижения?

14. Что представляют собой нормы оправдания и какова их роль в преодолении культурных барьеров на пути к социальным отклонениям?

Глава 6

Статусы и роли

6.1. Социальная структура – статусы, роли и их типология

Человек, будучи социальным существом, взаимодействует с различными социальными группами, участвует в кооперированных, совместных действиях. Однако практически не бывает такого положения, когда личность полностью принадлежит к какой-либо одной группе. Например, человек является членом семьи как малой группы, но он еще и член коллектива предприятия, общественной организации, спортивного общества. Входя одновременно во многие социальные группы, он занимает в каждой из них разное положение, обусловленное взаимоотношениями с другими членами группы. Например, директор предприятия, занимающий в данном коллективе самое высокое положение, придя в спортивное общество, будет находиться там на правах новичка и неумехи, т. е. займет низкое положение. Для анализа степени включения индивида в различные группы, а также положения, которое он занимает в каждой из них, и его функциональных возможностей по отношению к каждой группе используются понятия социального статуса и социальной роли.

Социальная стратификация давно и прочно признана одним из краеугольных камней социальной действительности. В связи с этим современная социология проявляет большой интерес к этому вопросу. С точки зрения современной науки, понимая механизм, принципы формирования и влияния стратификации на социальную систему, возможно уменьшать нестабильность в обществе, результат существова-

ния стратификации, и увеличивать пользу, приносимую ею социуму. На протяжении всего времени существования социологии было разработано множество теорий стратификации, однако наиболее удачной, учитывающей большинство факторов, обуславливающих работу механизма стратификации, признается теория стратификации **Питирима Сорокина**. И даже более того, П. Сорокин считается создателем современной теории стратификации.

П. Сорокин предложил рассматривать мир как социальную вселенную, то есть некое пространство, заполненное социальными связями и отношениями. Они образуют многомерную систему координат, в которой выделяется две главные оси – ось X (горизонтальная мобильность) и ось Y (вертикальная мобильность).

Мобильность – изменение индивидом или группой места в социальном пространстве.

Социальное пространство включает в себя три подпространства: политическое, экономическое, профессиональное. Если индивид совершил переход из низшего класса в средний, повысил свой доход, то он совершил переход, переместился в экономическом пространстве; если переменял профессию или род деятельности – в профессиональном; партийную принадлежность – в политическом. Три подпространства социального пространства можно именовать системами стратификации.

Итак, социальное пространство внутренним образом организовано, и этот способ организации следует называть стратификационным. А стратификация основывается на неравенстве. Бедные и богатые неравны по своим доходам, престижу своего рода деятельности, политическому весу. То есть у них разный ранг – место в общественной иерархии. Кроме этого, неравенство, основа стратификации, есть неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей, власти и влияния. Если понимать под неравенством неодинаковый доступ больших групп людей к экономическим ресурсам и социальным благам, измерять его следует, используя следующие критерии: богатство (запас активов) и доход (поток денежных средств в единицу времени). С понятием социального равенства и неравенства связаны понятия социальной справедливости и несправедливости.

Социальную структуру социология считает своего рода анатомическим скелетом общества. Понимается же под этим в науке совокупность функционально связанных элементов, составляющих внутреннее строение объекта, и для социологии это общество. Элементами социальной структуры в данном случае являются статусы и роли. Статусная система динамична, она изменяется в зависимости от исторического периода, национальности членов сообщества, условий жизни и общественных потребностей, структуры общества.

Социальный статус – это определенная позиция в социальной структуре группы или общества, связанная с другими статусными позициями через систему прав и обязанностей. Например, статус «учитель» имеет значение только в отношении статуса «ученик». Учитель обязан передавать знания ученику, проверять и контролировать их усвоение, а ученик обязан выполнять требования учителя и при этом он имеет право рассчитывать на его помощь. Один человек может обладать множеством статусов, так как является участником сразу нескольких групп и сообществ. Вся совокупность статусов, присущих одному человеку, называется **статусным набором** (по Р. Мертону). Среди статусов, входящих в состав статусного набора, выделяется главный статус.

Главный статус – статус, наиболее характерный для данного человека, с которым его идентифицируют другие люди или он сам, который определяет его образ жизни, круг знакомых и т. д.

Кроме этого, различают также социальный и личный статусы.

Социальный статус – положение человека в обществе, которое он занимает как представитель большой социальной группы (профессии, класса, пола и т. д.).

Личный статус – положение индивида в малой группе, которое зависит от того, как его оценивают и воспринимают члены этой группы (родственники, друзья) в соответствии с его личными качествами.

Существует несколько разновидностей личного статуса:

1) **Предписываемый** – разновидность статуса, в котором человек рожден, но который позже будет обязательно признан обществом или группой. Так как общество представляет собой сложное образование, его институты функционируют эффективно только в том случае, если люди исполняют ежедневно огромное число обязанностей, строго обо-

значенных внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями. Простейший путь достижения согласованного исполнения функций – это размещение всех взаимодействий и отношений в системе предписанных типовых моделей.

2) Достигаемый – это статус, приобретаемый в результате личного, свободного выбора человека и находящийся под полным контролем личности; это результат прилагаемых личностью усилий, реализации ею своих способностей и использования имеющихся навыков. Достигаемые статусы, напротив, не даются от рождения, они могут приобретаться только личностями, наиболее подходящими для этого. Быть мужчиной – предписываемый статус, зависящий от рождения, но быть мужем – достигаемый статус, который не вытекает автоматически из факта рождения мужчины, а зависит от мужского поведения в будущем. Герцог – это предписанный статус, но полицейский – достигаемый статус. Никто не может быть рожден полицейским. Становление достигаемого статуса осуществляется через собственный талант, выбор или активность каждого индивида.

В современных индустриальных обществах имеется большая свобода в занятии личностью того или иного положения. Это во многом объясняется тем, что для ее успешного функционирования нужна весьма значительная мобильность трудовых ресурсов, и потому происходит четко выраженная ориентация в основном на личностные качества индивидов, на изменение статусов в соответствии с их усилиями. Контроль общества за справедливостью при определении статусов дает выигрыш в гибкости той социальной системе, которая предоставляет возможность занимать значимое положение людям, проявляющим для этого наибольший талант. Платой будет неконкурентоспособность тех, кто не смог найти себя и не в состоянии приспособиться к новым ролям. Это выражается в увеличении числа лишенных людей, не удовлетворенных существующим положением. Достигнутый индивидом статус требует от него осуществлять выбор не только сферы приложения труда, но и друзей, организаций, места обучения и места проживания. Такие действия индивида приводят к тому, что он получает статусы, которые не были определены заранее его родителями.

3) Смешанный статус – статус, обладающий чертами приписываемого и достигаемого; например, безработный – как результат увольнения.

Кроме названной типологии, существуют и другие типологии статусов, например разделение на основные статусы (свойственные индивиду постоянно) и неосновные (временные, или периодически возникающие, состояния).

Статусному набору в большинстве случаев свойственно состояние, называемое несовпадением статусов. Дело в том, что по мере развития общества в нем сформировалась иерархия статусов, где одни статусы более ценны и значимы, чем другие. И, соответственно, индивид может объединять в своем статусном наборе как более ценные, так и менее ценные статусы. В результате возможно возникновение противоречия между высоким статусом индивида в одной группе и низким – в другой, или когда права и обязанности одного статуса противоречат правам и обязанностям другого статуса.

Каждый существующий статус характеризуется так называемой социальной ролью.

Социальная роль – модель поведения, ориентированная на данный статус; или шаблонный вид поведения, направленный на выполнение прав и обязанностей, предписанных конкретному статусу (от банкира ожидают одного поведения, а от артиста цирка – другого). Социальную роль, в свою очередь, характеризуют **социальные нормы**, представляющие собой предписанные правила, или фиксированные социальные ожидания, определяющие круг требований к выполнению конкретной роли. Подобно статусам, роли образуют **ролевой набор** – совокупность ролей, свойственных конкретному статусу. Каждая роль ролевого набора требует особой манеры поведения, соответственно, у каждой роли свой тип реализации социальных отношений (отношения в кругу коллег-преподавателей, в среде администрации университета, с издателями, студентами и т. д.). Можно сказать, что ролевой набор сопровождается установкой – предрасположенностью к взаимодействию. Индивиду свойственно различное восприятие принадлежащих ему ролей: во-первых, ролевая идентификация, то есть слияние со своей основной или предпочитаемой ролью. В этом случае стереотип поведения переносится с одного статуса на другие (например, учительница поучает всех, кто попадется ей под руку), и действуют при этом индивиды автоматически, так как слились со своей главной ролью. В противоположном случае, когда индивид не считает

свою роль ценной, престижной, подходящей для него, либо редко исполняет ее функции, происходит ролевое дистанцирование.

Ролевое поведение. В то время как роль является поведением, ожидаемым от индивида, имеющего определенный статус, ролевое поведение является фактическим поведением того, кто играет роль. Ролевое поведение отличается от ожидаемого во многих отношениях: в интерпретации роли, в личностных характеристиках, изменяющих шаблоны и образцы поведения, в отношении к данной роли, в возможных конфликтах с другими ролями. Все это приводит к тому, что нет двух индивидов, играющих данную роль совершенно одинаково. Не все солдаты храбры, не все священники святы, не все профессора могут служить образцами в деле обучения. Разнообразие ролевого поведения может быть значительно уменьшено при жестком структурировании поведения, например, в организациях, где прослеживается определенная предсказуемость действий даже при различном поведении ее членов.

В то время как ролевое поведение, как правило, состоит в бессознательном исполнении ролей, в некоторых случаях оно является высоко-сознательным; при таком поведении лицо постоянно изучает собственные усилия и создает желательный образ собственного «Я». Американский исследователь И. Гоффман разработал концепцию *драматического ролевого представления*, заключающуюся в выделении сознательного усилия к исполнению роли так, чтобы создать желательное впечатление у других. Поведение регулируется путем согласования не только с ролевыми требованиями, но и с ожиданиями социального окружения. Согласно этой концепции, каждый из нас является актером, имеющим различные аудитории. Дети в доме, соседи, коллеги по работе, студенты или школьники – все они, как и многие другие, составляют различные аудитории. Индивид, учитывая специфику окружающих его социальных общностей, по-разному преподносит себя, когда находится в той или иной аудитории, действует в роли так, что дает драматическую картину своего «Я». Отец отчитывает детей, профессор читает лекцию, милиционер контролирует движение на трассе – каждый в определенном месте и в определенное время является актером.

Каждый индивид в течение своей жизни обучается исполнять самые разные роли: ребенка, ученика школы, студента, отца или матери,

инженера, организатора на производстве, офицера, члена определенного социального слоя и т. д. — и каждая личность с момента ее рождения обучается определенному набору предписанных ролей. Это обучение бывает чаще всего бессознательным, но не делается от этого менее реальным. Ролевое обучение имеет по крайней мере два аспекта: 1) необходимо научиться выполнять обязанности и осуществлять права в соответствии с играемой ролью; 2) не менее существенно приобрести установки, чувствования и ожидания, соответствующие данной роли. Второй аспект представляется наиболее важным. Почти все современные молодые женщины могут довольно быстро, механически научиться вести домашнее хозяйство, но они не могут столь же быстро обучиться установкам и ожиданиям, которые делают ведение домашнего хозяйства удовлетворяющим и вознаграждающим действием. Известно, как ценится домашняя хозяйка, ведущая хозяйство с любовью и вкусом.

Некоторые люди не могут успешно выполнять свою роль, если она в процессе социализации не принята ими как стоящая потраченного времени, удовлетворяющая какую-либо их потребность, соответствующая их внутреннему миру. Представим себе молодого человека, который под давлением родителей обучался химии в университете, хотя всю жизнь мечтал быть актером и играть на сцене. Скорее всего, химия будет ему в тягость, и большее, на что он будет способен, это быть второразрядным работником. Или попытаемся представить себе трудности женщины, которая социализируется в роли домохозяйки потому, что это единственный путь, уготованный ей в данной социальной группе, несмотря на наличие у нее, например, организаторских способностей, способностей к игре на сцене или способностей и склонностей к преподаванию.

Большая часть раннего этапа ролевого обучения проходит бессознательно и безболезненно. Дети играют в игрушки, разыгрывают представления, помогают отцу и матери, читают истории из жизни разных социальных групп, слушают семейные разговоры и пассивно участвуют в семейных инцидентах. Из такого повседневного опыта они выносят представление о действиях мужчины и женщины в различных ситуациях, о том, как муж и жена должны относиться друг к другу. Маленький ребенок, подражая роли своего отца, играемой им дома, бывает больше осведомлен о том, как должен действовать и что

должен думать мужчина в различных ситуациях семейной жизни, чем тогда, когда он просто исполняет свою собственную роль ребенка. Подражая действиям отца, он в какой-то степени может понять причины, которые стоят за тем или иным отцовским действием, и это понимание со временем растет. Его «притворные», ненастоящие роли таким образом помогают ему достойно принять на себя в будущем роль отца семейства. Человеку в более зрелом возрасте такие ненастоящие роли помогают понять реакцию других людей на его поведение. В диагностической и психотерапевтической практике такая техника известна под названием «психодрама», основы которой разработаны Дж. Морено и его последователями. Участвуя в психодраме, муж, например, на определенное время может взять на себя роль жены, а она одновременно принимает его роль, затем они сталкиваются в неожиданных диалогах, дискуссиях, конфликтах. Каждый старается играть роль другого, высказывая жалобы и претензии, и в результате имеет возможность проникнуть в мир чувств и реакций другого. Подобное обучение чужим ролям с помощью психодрамы часто используется в деловых играх руководителей разных служб и подразделений предприятия. Понятие роли включает в себя совокупность ожиданий каждого индивида в отношении как своего собственного поведения, так и поведения других людей при взаимодействии в определенной ситуации, играет ли индивид роль на «притворной», нереальной основе или в связи с приобретением им нового статуса, он всегда стремится аккумулировать установки и поведение тех людей, которые его окружают, и добиться наиболее адекватного исполнения своей роли. Очевидно, что внутреннее «Я» личности не остается неизменным в результате такого социального опыта. Девушка, выходя замуж, будет иметь иной статус, отличный от прежнего. Ее роль изменится, и во многих отношениях она будет выглядеть как совершенно другая личность. Роли, связанные с определенными занятиями, в такой степени обуславливают личностные изменения, что, даже не зная рода занятий человека, мы можем сказать, что он ведет себя как учитель, крестьянин, предприниматель или министр. Личность и роль, которую она играет, связаны с некоторыми психологическими характеристиками, подходящими для исполнения определенных социальных ролей. Например, личность общительная, направленная на мир внешних объектов, может легко приспособиться к роли продавца. С другой стороны, очевидно, что

ежедневное выполнение обязанностей продавца помогает становлению общительной личности. Так постепенно, в ходе ролевого обучения формируется поведение личности, характерное для ее статуса, полностью принимается уготованная ей социальная роль.

6.2. Теории стратификации

Социальная стратификация давно и прочно признана одним из краеугольных камней социальной действительности. В связи с этим современная социология проявляет большой интерес к этому вопросу. С точки зрения современной науки, понимая механизм, принципы формирования и влияния стратификации на социальную систему, возможно уменьшать нестабильность в обществе, результат существования стратификации, и увеличивать пользу, приносимую ею социуму. На протяжении всего времени существования социологии было разработано множество теорий стратификации, однако наиболее удачной, учитывающей большинство факторов, обуславливающих работу механизма стратификации, признается теория стратификации **Питирима Сорокина**. И даже более того, П. Сорокин считается создателем современной теории стратификации.

Наиболее подробно П. Сорокин проанализировал экономическую стратификацию, изменение которой во времени описывал с помощью термина «флуктуация». Во всех обществах уровень дохода (критерия экономической стратификации) меняется во времени. Если неравенство в обществе очень сильное, то профиль пирамиды (модели, условно отображающей размеры и соотношение доходов членов общества) высокий, и наоборот. Таким образом, получается, что с течением времени профиль экономической пирамиды то уменьшается, то увеличивается. Это явление и называется флуктуацией. Состояния общества, отображенные пирамидой, можно описать таким образом:

1. Высокий профиль экономической пирамиды – это ситуация, когда уровень экономического неравенства в обществе достиг «точки кипения» и общество ожидают волнения, вал социальных конфликтов, а, возможно, и революция.

2. Почти плоский профиль экономической пирамиды – это ситуация, являющаяся результатом уничтожения частной собственности и понижения соотношения между доходами самых богатых и самых

бедных до определенного уровня. Например, в СССР это соотношение было 175:100. При этом общество входит в полосу социальных потрясений, которая в лучшем случае приведет к реформам. Такие случаи в истории единичны, но служат предвестником грядущей катастрофы, после которой общество старается восстановить нормальное распределение доходов.

П. Сорокин первым в мире доказал (на основе эмпирических данных), что какой-либо устойчивой тенденции в мире не существует. То есть население любой страны не становится со временем богаче или беднее: всего лишь одно состояние (высокая пирамида) сменяется противоположным (низкая пирамида). П. Сорокин считал, что его теория опровергает теорию прогресса человечества – постоянного улучшения экономического положения.

Несмотря на то, что внутреннее устройство социальной системы основано на принципе социального неравенства, социальное равенство все же существует, но оно реализуется в особо оговоренных условиях, что отражено следующими концепциями: 1) равенство перед законом; 2) равенство возможностей; 3) равенство результатов. Эти концепции равенства не полностью совместимы, и, по утверждению **Ф. Хайека**, одновременно могут быть реализованы только две из них, так как в ином случае входят в конфликт принципы, лежащие в их основе.

Несмотря на то, что стратификационная теория П. Сорокина считается в социологии наиболее удачной с точки зрения ее применения в исследованиях, тем не менее она учитывает далеко не все факторы, обуславливающие существование социальной стратификации. Дополнительные объяснения этому социальному явлению даются в работах и теориях других авторов.

Первыми в защиту социального неравенства высказались в 1945 году **Кингсли Дэйвис** и **Уилберт Мур**. С их точки зрения, стратификация – это неравномерное распределение материальных благ, властных функций и социального престижа в зависимости от функциональной важности (значимости) позиции в социальной структуре. Важность позиции определяется оценкой ее либо личностью, в качестве объекта социального действия, либо обществом. По мнению К. Дэйвиса и У. Мура, социальное неравенство представляет собой естественный эволюционирующий и эволюционный механизм социума, благодаря

которому общество обеспечивает продвижение на важнейшие позиции наиболее квалифицированных лиц. Наиболее ценными позициями в глазах общества считаются те, где требуются уникальный природный талант или длительная, сложная, дорогостоящая подготовка и обучение. Оба качества встречаются среди населения довольно редко. Таким образом, социальное неравенство выполняет ряд очень важных функций, тогда как всеобщее равенство лишает людей стимулов к продвижению, желания прилагать максимум усилий и способностей для выполнения своих обязанностей.

Функциональная теория стратификации К. Дэвиса и У. Мура направлена на объяснение позитивных и негативных последствий стратификации. Негативные последствия – возмущение неравенством в обществе, перерастающее в конфликт. Элита, стремясь сохранить свои привелегии и преимущественное положение, блокирует продвижение наверх талантливых и предприимчивых представителей низов. По мнению **Мелвина Тумина**, негативные последствия стратификации можно рассматривать как дисфункцию этой системы.

Современные социологи сходятся во мнении, что стратификация представляет собой олицетворение экономического и социального неравенства больших групп людей, но расходятся в трактовке причин ее возникновения, критериев расчленения и взаимоотношения составляющих ее компонентов.

М. Хагопьян – американский социолог – предлагает выстраивать теорию современной стратификации на основе трехчленной веберовской модели – класс, статус, власть. Исходя из такого рассмотрения стратификации, различают два типа обществ: 1) все три категории (класс, статус, власть) слиты воедино, так что один и тот же индивид обладает равным объемом всех трех составляющих стратификации; 2) все три категории существуют отдельно друг от друга, так что индивид обладает неравным объемом каждого из компонентов стратификации и, находясь, например, на высоком уровне в экономическом пространстве, он одновременно находится на низком уровне во власти.

Четко выраженная стратификация формируется с появлением сложных обществ. Неравенство делит людей по доходам, уровню образования, власти. В одних обществах переход из страты в страту запрещен, в других может ограничиваться, а в третьих – быть абсолютно

свободным. Свобода перемещения из страты в страту, то есть степень социальной мобильности, определяет тип того или иного общества – закрытое или открытое.

6.3. Противоречие статусов и ролевой конфликт

Важной проблемой, вне зависимости от конкретных социальных условий, является проблема статусного несоответствия. Индивид обладает множеством статусов и принадлежит ко множеству социальных групп, престиж которых в обществе неодинаков: коммерсанты ценятся выше сантехников или разнорабочих. Мужчины в сфере производства обладают большим социальным весом, чем женщины. Принадлежать к основной нации – не то же самое, что принадлежать к национальному меньшинству. В общественном мнении вырабатывается, устно передается, поддерживается, но, как правило, не документируется иерархия статусов и социальных групп, где одни ценятся выше, другие ниже. Место в такой незримой иерархии называют рангом. Выделяют высокий, средний и низкий ранги. Иерархия может существовать между группами в рамках одного общества (межгрупповая) и между индивидами в рамках одной группы (внутригрупповая). Здесь место человека тоже определяется понятием «ранг». Несовпадение статусов описывает противоречие в межгрупповой и внутригрупповой иерархиях.

Причины несовпадения статусов:

- индивид занимает в одной группе высокий ранг, в другой – низкий;
- права и обязанности одного статуса противоречат или мешают выполнению прав и обязанностей другого.

Высокооплачиваемый банкир, скорее всего, будет обладать столь же высоким статусом в семье, как добытчик, однако это вовсе не говорит о том, что он будет обладателем столь же высокого ранга в кругу друзей. К традиционному статусу женщины-домохозяйки индустриальная эпоха добавила статус рабочей. Старый и новый статус противоречат друг другу, ведь невозможно одинаково эффективно выполнять обе роли. И все-таки их удалось совместить. Гораздо сложнее совместить статусы-роли хорошей матери/жены и эффективного работника. Уставшая жена — не лучший сексуальный партнер. А время,

нужное производству, отбирается воспитанием детей. Таким образом, новый статус «работница» пришел в противоречие с тремя старыми – «домохозяйка», «мать», «жена». То есть получается, что одни статусы человека находятся в гармонии, а другие – в противоречии. Это называют несопадением статусов: высокий ранг в одной социальной группе и низкий в – другой.

Несоответствие статусов – несоответствие уровней положения индивида или социальной группы в иерархических системах статусов, образуемых по разным критериям: доход, власть, престиж и т. д. Несоответствие статуса возникает, когда человек по некоторым своим характеристикам удовлетворяет, а по некоторым не удовлетворяет требованиям, предъявляемым статусом. Эта же проблема возникает при принятии решений о продвижении по служебной лестнице. Людям не нравится, что кто-то, ниже их по некоторым характеристикам, занимает более высокое, чем они, положение. Все это предполагает, что несоответствие статуса может вести к мотивационным и поведенческим проблемам. Например, статус карьеры. Иногда люди занимают не те места, какие заслуживают (их продвигают по службе родственники или взяточники). Конечно, было бы идеально, если бы каждая личность могла достигать желаемых статусов в группе или обществе с одинаковой легкостью и непринужденностью. Однако лишь немногие индивиды способны на это. В процессе достижения определенного статуса и исполнения соответствующей социальной роли может возникнуть ролевое напряжение – трудности при выполнении ролевых обязательств и несоответствия внутренних установок личности требованиям роли. Ролевое напряжение может повышаться в связи с неадекватной ролевой подготовкой, ролевым конфликтом или неудачами, возникающими при исполнении данной роли.

Неадекватная ролевая подготовка. Обучение исполнению ее социальных ролей может быть успешным только при последовательной подготовке к переходу от одной роли к другой на протяжении всей жизни индивида. Маленькая девочка поет колыбельную кукле; маленький мальчик строит модель самолета; ученик выполняет сложную техническую работу, данную мастером; студент проходит стажировку в должности инженера – все это отдельные моменты непрерывной социализации через опыт путем обучения навыкам, мастерству и уста-

новкам в определенный период жизни для того, чтобы использовать их впоследствии в следующих ролях.

При непрерывной социализации опыт каждого жизненного этапа служит подготовкой к следующему. В примитивных обществах это осуществляется успешно и неукоснительно. Например, маленький мальчик из охотничьего племени индейцев почти с рождения знакомится с игрушечным луком и стрелами, а через некоторое время он уже бегает с настоящим луком, что делает его похожим на одного из мужчин данного племени. Животные и птицы, убитые на охоте, даются ему для того, чтобы он подвешивал их, подкрадывался к ним и пронзал их стрелами. Затем наступает знаменательный момент, когда его первый раз берут на охоту, где он подражает поведению мужчин и учится у них охотиться. Он несет вместе со всеми добычу и гордится буйволами, которых убил его отец. Когда же в конце концов он убивает буйвола и становится мужчиной, это является только последним шагом в его непрерывной детской подготовке к исполнению во взрослой роли, которая органично соединяет его долговременный детский опыт со взрослым делом. Такая ранняя подготовка к переходу от одного статуса к последующим – далеко не всеобщее явление в социальной жизни. Наше общество, как и все современные сложные общества, характеризуется ролевым обучением, основанным на *прерывности*, которая делает социализирующий опыт, полученный в одном возрастном периоде, малоприспособленным для последующих возрастных периодов. Так, большинство современных мужчин и женщин выполняют свою основную работу вдали от дома, в связи с чем их дети не могут наблюдать за ней и помогать отцу или матери. В большинстве семей нашего сложного современного общества дети мало занимаются работой по дому, и девочки плохо обучаются мастерству, установкам и эмоциональному вознаграждению будущей домохозяйки. Детская игровая активность, как правило, очень слабо связана с задачами взрослых и не способствует должным образом воспитанию в детях необходимых навыков для будущей деятельности. Очень часто юноша, закончивший школу, не знает, кем он будет в дальнейшем, чему ему обучаться и какие роли он будет играть в ближайшем будущем. Отсюда возникает ролевое напряжение, связанное с неправильным пониманием будущей роли, а также со слабой подготовкой к ней и, как следствие этого, со

слабым исполнением этой роли. В жизни каждого человека в современном обществе может оказаться несколько критических точек, когда индивид может быть не подготовлен к исполнению будущих ролей. Например, помимо начала работы по основной профессии, критическим периодом можно справедливо считать выход на пенсию, когда женщина или мужчина после 55–60 лет вдруг начинают осознавать, что вся предшествующая деятельность совершенно не подготовила их к роли пенсионера.

Другим источником ролевого напряжения в процессах социализации является то, что моральная подготовка личности к исполнению ролей включает в себя в основном формальные правила социального поведения. При этом часто игнорируется обучение неформальным модификациям этих правил, которые реально существуют в окружающем нас мире. Другими словами, обучающиеся определенным ролям индивиды усваивают, как правило, идеальную картину окружающей действительности, а не реальную культуру и реальные человеческие взаимоотношения. Например, молодой человек, закончивший школу, часто бывает воспитан на чувстве справедливости в отношении его социального окружения, на чувстве равенства возможностей в проявлении своих сил и способностей на любом поприще. Но воспитанный таким образом молодой человек в скором времени замечает, что процесс получения многих ролей зависит не от способностей и таланта, а от знакомств, положения родителей, наличия денег и т. д. Таким же образом многие молодые люди, считающие, например, политиков выдающимися общественными деятелями, убеждаются, что основной их задачей являются компромиссы со священными принципами; военные, призванные защищать отечество, могут меньше всего думать об этом.

Все социальные роли в реальной их модификации и многообразии являются чуждыми молодым людям, воспитанным на идеальном представлении о многих сторонах человеческой деятельности. Поэтому у них может возникнуть внутреннее ролевое напряжение, и в последующий период они перейдут от наивного идеализма к наивному цинизму, отрицающему основополагающие нравственные и институциональные нормы общества. Некоторый разрыв между формальными впечатлениями и действительными механизмами ролевого поведения, вероятно, характерен для всех современных обществ. Хотя он бывает весьма

велик, каждое общество старается в какой-то степени его сократить. Так, студентам в целях социализации к будущей роли специалиста предоставляется возможность выполнять лабораторные работы, проводить полевые испытания, проходить производственную практику. Однако такой разрыв сохраняется, и поэтому у молодых людей следует воспитывать не только теоретические навыки, но и способности адаптироваться к широкому кругу ролей, к решению действительных, реальных проблем.

Ролевые конфликты. В самом общем виде можно выделить два типа ролевых конфликтов: между ролями и в пределах одной роли. Часто две или более роли (либо независимые, либо части системы ролей) заключают в себе несовместимые, конфликтующие обязанности личности. Например, работающая жена находит, что требования ее основной работы могут прийти в конфликт с выполнением ею домашних обязанностей; или женатый студент должен примирять требования к нему как к мужу с требованиями, предъявляемыми к нему как к студенту; или работник полиции иногда должен выбирать между выполнением своего долга и произведением ареста близкого друга. Подобного рода конфликты относятся к ролевым конфликтам. Примером конфликта, происходящего в пределах одной роли, может служить положение руководителя или общественного деятеля, публично провозглашающего одну точку зрения, а в узком кругу объявляющего себя сторонником противоположной, или индивида, который под давлением обстоятельств исполняет роль, не отвечающую ни его интересам, ни его внутренним установкам. Во многих исполняемых индивидами ролях – от сантехника до преподавателя высшего учебного заведения – существуют так называемые конфликты интересов, в которых обязанности быть честным по отношению к традициям или людям входят в конфликт с желанием «делать деньги». Опыт показывает, что очень немногие роли свободны от внутренних напряжения и конфликтов. Если конфликт обостряется, он может привести к отказу от выполнения ролевых обязательств, отходу от данной роли, внутреннему стрессу. Существует несколько видов действий, с помощью которых может быть снижена ролевая напряженность и человеческое «Я» защищено от многих неприятных переживаний. Сюда относят обычно рационализацию, разделение и регулирование ролей. Первые два вида действий считаются

неосознанными защитными механизмами, которыми личность пользуется чисто инстинктивно. Однако если эти процессы осознаются и используются преднамеренно, их эффективность значительно повышается. Что касается третьего способа действий, то он используется в основном осознанно и рационально.

Рационализация ролей – один из способов защиты против болезненного восприятия личностью какой-либо ситуации с помощью понятий, которые для нее социально и персонально желательны. Классической иллюстрацией этого считается случай с девушкой, которая не может найти жениха и убеждает себя в том, что она будет счастлива, если не выйдет замуж, потому что все мужчины обманщики, грубияны и себялюбцы. Рационализация, таким образом, скрывает реальность ролевого конфликта путем бессознательного поиска неприятных сторон желаемой, но недостижимой роли. Стоит убедить себя в том, что женщины в интеллектуальном плане находятся на уровне детей, как нас уже не будет мучить вопрос о равноправии женщин в обществе. Американские рабовладельцы искренне считали, что все люди рождаются равными, но невольники – это не люди, а имущество, в связи с чем не стоит беспокоиться об их бесправном положении. Евангелическая заповедь «не убий» для католиков средневековья была справедлива только в отношении людей истинной веры, неверные же не могли считаться людьми, и их можно было уничтожать с чистой совестью. В данном случае путем рационализации ситуация определяется таким образом, что исчезают ролевой конфликт и ролевая напряженность.

Разделение ролей снижает ролевую напряженность путем временного изъятия из жизни одной из ролей и выключения ее из сознания индивида, но с сохранением реагирования на систему ролевых требований, присущих данной роли. История дает нам многочисленные примеры жестоких правителей, палачей и убийц, которые одновременно были добрыми и заботливыми мужьями и отцами. Их основная деятельность и семейные роли были полностью разделены. Торговый работник, который нарушает законы днем, а вечером с трибуны ратует за их ужесточение, необязательно должен быть лицемером. Он просто переключает свои роли, избавляясь от неприятного несоответствия. Униформа милиционера, военного, белый халат хирурга и профессио-

нальные титулы помогают людям в разделении своих ролей. Многие не могут «расслабиться» (полностью отойти от роли) до тех пор, пока не снимут с себя униформу. Принято образно говорить, что каждый член общества, который успешно социализировался, расширяет «гардероб» ролевых личин и надевает то одну, то другую из них в зависимости от ситуации: дома он сама мягкость и покорность, на работе жесток и официален, в обществе женщин мужествен и предупредителен и т. д. Такой процесс ролевого перерождения создает возможность снятия эмоциональной напряженности всякий раз, когда установки, присущие одной роли, сталкиваются с потребностями другой. Если индивид не защитил себя путем разделения ролей, эти противоречия становятся психологическими конфликтами.

Ролевые конфликты и несовместимости, вероятно, можно найти в каждом обществе. В хорошо интегрированной культуре (т. е. имеющей единые, традиционные, разделяемые подавляющим большинством культурные комплексы) эти несовместимости так рационализированы, разделены и заблокированы одна от другой, что индивид их вовсе не ощущает. Например, члены некоторых индейских племен относятся друг к другу с величайшей терпимостью и мягкостью. Но их человечность распространяется только на членов племени, всех же остальных людей они считают животными и могут спокойно убивать, не испытывая никаких угрызений совести. Однако сложные общества, как правило, не имеют высокоинтегрированной традиционной культуры, и поэтому ролевые конфликты и ролевая напряженность в них представляет серьезную социальную и психологическую проблему.

Регулирование ролей отличается от защитных механизмов рационализации и разделения ролей прежде всего тем, что является осознанным и преднамеренным. Регулирование ролей – это формальная процедура, посредством которой индивид освобождается от личной ответственности за последствия выполнения им той или иной роли. Это означает, что организации и общественные ассоциации берут на себя большую часть ответственности за негативно воспринимаемые или социально неодобряемые роли. На практике это выглядит как ссылка индивида на влияние организаций, в силу которого он вынужден действовать определенным образом. Муж оправдывается перед женой за длительное отсутствие, говоря, что этого требовала его рабо-

та. Нечестный работник торговли не чувствует своей вины потому, что он уверен: его заставляет так поступать система торговли. Как только у индивида появляется напряженность или ролевой конфликт, он немедленно начинает искать оправдание в организации или ассоциации, в которой он выполняет конфликтную роль.

В итоге можно сказать, что каждая личность в современном обществе в силу неадекватной ролевой подготовки, а также постоянно происходящих культурных изменений и множественности играемых ею ролей испытывает ролевое напряжение и конфликт. Однако она имеет механизмы бессознательной защиты и осознанного подключения общественных структур для избегания опасных последствий социальных ролевых конфликтов.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое социальный статус и социальная роль? Как эти понятия связаны между собой?
2. Какие условия являются необходимыми и достаточными для ролевого обучения?
3. Опишите процесс ролевого обучения ребенка взрослым ролям. Какое значение имеет подражание в процессе такого обучения?
4. Что такое предписанные статусы? Существуют ли предписанные статусы в современном индустриальном обществе?
5. Как предписанные роли влияют на поведение людей? Как они связаны с культурой общества?
6. Что такое достигаемые статусы? В чем причина увеличения их числа в современных обществах?
7. В чем состоит специфика поведения людей в обществе, где в основном существуют достигаемые статусы?
8. Каковы положительные и отрицательные стороны достигаемых статусов? Существует ли общество, в котором наблюдаются только достигаемые статусы?
9. Что мы понимаем под ролевым поведением? Чем оно отличается от набора прав и обязанностей для данной роли?
10. В чем основные причины ролевого напряжения и ролевого конфликта? Чем отличаются эти два понятия?

11. Как влияет неадекватная ролевая подготовка на процесс исполнения ролей? Почему мы говорим, что в современных обществах именно ролевая подготовка является во многих случаях источником социального напряжения и конфликтов?

12. Какие основные виды действий совершает человек для защиты своего «Я» от ролевого напряжения и конфликта?

13. В чем сущность таких способов действий, как рационализация, разделение и регулирование ролей? В чем состоят основные различия этих способов действий?

Глава 7

Личность и этнос, социальные взаимодействия этносов

7.1. Личность как этнический феномен

Личность – это общественный индивид, объект и субъект исторического процесса. Б. Г. Ананьев подчеркивал влияние на формирование и развитие личности не только социальных и исторических условий, но и той этнической среды, в рамках которой проходит ее жизнедеятельность. Признавая социальную сущность личности, необходимо разобраться и в вопросе о том, каким образом формируются ее этнические особенности. *Личность как этнический феномен* представляет собой систему взаимосвязи с этнической общностью. Эта взаимосвязь реализуется через отношения личности к окружающим людям. Отношения выражаются в виде этнической идентичности, этнических установок и стереотипов, этнокультурных ценностей.

Теоретический фундамент изучения межэтнических взаимоотношений, рассматриваемых сквозь призму личности, ее социальных установок и норм, начал формироваться с классического эксперимента Ричарда Ла Пьера. Этническое в личности – это целостная система отношений и установок, выработанная в процессе исторического развития этнической общности и проявляющаяся в данное историческое время, в данной этносоциальной среде. Этнические установки призваны регулировать способ этнического существования человека. Они возникают в процессе категоризации окружающего мира. **Категоризация** – это способ познания посредством классификации предметов окружающего мира с помощью наиболее общего понятия, выражающего одно из основных отношений бытия. Категоризация мира осу-

ществляется в четырех направлениях. Во-первых, в отношении природы и окружающих нас вещей. Во-вторых, в отношении людей, формируя систему отношений «мы и они», «свои и чужие», «аут и ин группы». В-третьих, в отношении самого себя, приводя к этнической идентификации личности, отождествлению себя с определенной этнической общностью. В-четвертых, категоризация осуществляется в отношении идей и таким образом складывается система ценностей и ценностных ориентаций. Ученые обратили внимание на социально-психологический феномен, который они обозначили как этнический парадокс современности: особенности этнической культуры стираются, а этническое самосознание растет. Процесс создания единой глобальной общности приводит к сопротивлению со стороны представителей локальных этнокультурных общностей. Поэтому центральной проблемой этнической психологии становится изучение влияния этнокультурной общности на формирование сознания личности. Способом взаимосвязи личности и общности является чувство групповой принадлежности. В истории психологии разные ученые изучали эффект принадлежности к группе и обозначали его различными терминами. В начале XX века в социальных науках господствовали теории инстинктов социального поведения. Английский психолог У. Макдугалл в 1908 г. среди инстинктов особо выделял чувство принадлежности к группе людей. Другой английский психолог – В. Троттер – в 1916 г. пытался объяснить все психические феномены стадным инстинктом и понимал его как нечто первичное, как склонность всех однородных живых существ к объединению. Итальянский социолог В. Парето обозначил инстинкт постоянства как потребность в принадлежности к социальной группе.

В 1921 г. З. Фрейд в книге «Психология масс и анализ человеческого Я» ввел в науку термин «идентификация». Под идентификацией он понимал не только эмоциональную бессознательную связь ребенка с родителями, но и механизм взаимосвязи индивида с этническими и социальными общностями. З. Фрейд разделял идентификацию на два типа. Первый – эротическая идентификация, трактуемая как желание объединиться с людьми, которыми мы хотели бы обладать. Второй – миметическая идентификация, понимаемая как желание объединиться с людьми, воплощающими то, какими мы хотели бы стать. В 30-х гг. Э. Мейо в своих «Хоторнских исследованиях» экспериментально подтвердил наличие у людей потребности в принадлежности к группе.

Эту потребность он назвал «чувством социобильности». В дальнейшем, в 60-х гг., А. Маслоу среди потребностей также выделил потребность в принадлежности к группе и считал, что групповая принадлежность является доминирующей целью человека. Г. Мюррей обозначил эту потребность термином «аффилиация». Теорию социальной идентичности разрабатывал Э. Эриксон. Он ввел понятие психосоциальной идентичности как продукта взаимодействия между обществом и личностью. В процессе этого взаимодействия возможны кризисы личной идентичности, которые возникают в результате социальных преобразований. Английские психологи Г. Тэджфелл и Дж. Тернер в конце 70-х гг. изучали процесс осознания индивидом принадлежности к группе, обозначив его термином «групповая идентификация». Они создали теорию социальной идентичности, основные положения которой заключаются в следующем:

1) человек, отождествляя себя с какой-либо группой, стремится оценить ее положительно, поднимая таким образом статус группы и собственную самооценку;

2) социальная идентичность, являясь диспозиционным образованием, включает в себя три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий:

а) когнитивный компонент социальной идентичности заключается в осознании человеком принадлежности к группе и достигается путем сравнения своей группы с другими по ряду значимых критериев. Таким образом, в основе идентичности лежат когнитивные процессы познания (категоризации) окружающего этносоциального мира;

б) эмоциональный компонент социальной идентичности неразрывно связан с когнитивным. Эмоциональная сторона идентичности заключается в переживании своей принадлежности к группе в форме различных чувств любви или ненависти, гордости или стыда;

в) поведенческий компонент проявляется тогда, когда различия между своей и чужими группами становятся заметными и значимыми для человека, он начинает реагировать на других людей с позиций своего группового членства, а не с позиций отдельной личности.

Цель исследований Г. Тэджфелла состояла в том, чтобы найти минимальную причину, по которой человек начинал вести себя групповым образом, идентифицируясь с группой членства. Он стремился доказать, что простое, чисто номинальное разделение людей на группы может порождать внутригрупповой фаворитизм и дискриминацию по

отношению к членам других групп даже при отсутствии сколько-нибудь тесных взаимоотношений между ними. Например, в одном из его исследований детей разделили на две группы в зависимости от того, картина какого художника им нравилась больше – Клее или Кандинского. Затем детям дали задание – распределить деньги между членами групп. При этом они ничего не знали ни о членах своей, ни о членах другой группы, кроме их групповой принадлежности. Была обнаружена склонность испытуемых вознаграждать членов собственной группы более высоко по сравнению с членами другой. Этот результат подтвердили и другие эксперименты, воспроизводившие его концептуально и проведенные в ряде стран, в том числе и в России. Г. Тэджфелл ввел термин «групповой фаворитизм», обозначающий дискриминацию в отношении членов чужой группы. Теория социальной идентичности использует три основных понятия. Первое – социальная категоризация как упорядочение и классификация социального окружения таким способом, какой имеет смысл для индивида. Второе – социальное сравнение как процесс преобразования когнитивных признаков в установки и действия, которые обеспечивают межгрупповую дифференциацию и фаворитизм. Третье – социальная идентичность, которая достигается через сравнение своей и чужой групп. Когда группа, к которой человек принадлежит, утрачивает, по его мнению, позитивную определенность, тогда он будет действовать следующим образом: 1) может оставить эту группу и примкнуть к другой; 2) может размежеваться с группой психологически, отрицая свою духовную принадлежность к ней; 3) будет стараться восстановить позитивную определенность своей группы, предлагая и проводя инновации. Этническая идентичность является диспозиционным образованием, разновидностью социальной идентичности. Это установка на принадлежность к определенному этносу. Как и любая установка, она состоит из трех компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого – и регулирует поведение человека в своей или чужой этнической среде.

Французский психолог С. Московичи предложил гипотезу о том, что сознание человека строится как идентификационная матрица, в основе которой лежат множество социальных идентичностей. Опираясь на идеи С. Московичи, можно разделить социальные идентичности на три категории:

- 1) объективные природные идентичности – человек, пол, возраст;

2) объективные социальные идентичности – национальность, религия, культура, субкультура, гражданство, профессия;

3) субъективные идентичности – ролевые характеристики, самооценка личностных черт и достижений, Я-концепция и др.

В определенное время в зависимости от сложившихся обстоятельств одна из идентичностей становится ведущей, доминирующей и структурирует идентификационную иерархию. Человек воспринимает и классифицирует окружающий мир, отбирая необходимую информацию, принимая решения и совершая поступки в соответствии с доминирующей в данный момент идентификацией. Эта идентификация означает своеобразную призму, сквозь которую человек воспринимает окружающий мир. Он же определяет параметры сравнения собственной группы с другими группами и реагирует на мир и окружающих людей с позиций своей социальной принадлежности. При изменении обстоятельств (внешних или внутренних) место доминирующей занимает другая идентификация, строится новая иерархия в сознании субъекта, восприятие окружающего мира и поведение человека изменяются. Перестройка некоторых идентификационных иерархий может происходить довольно часто. Например, на работе преобладают профессиональные идентификации, дома – семейно-ролевые, в общении с друзьями – половые, возрастные, самооценочные, в общении с представителями других стран – этнические, культурные, религиозные и пр. Таким образом, группа, в которой в данный момент находится человек, предопределяет идентификационную иерархию.

Необходимо различать понятия этнической идентичности и этничности. *Этническая идентичность* – это психологическая категория, описывающая субъективное осознание своей принадлежности к конкретной этнической общности. *Этничность* – социологическая категория, определяющая этническую принадлежность по ряду объективных признаков. Термин «этничность» впервые использовал в 1972 г. американский социолог Д. Рисмен. Маркерами этничности являются: 1) язык (наиболее сильный этнодифференцирующий признак); 2) народные традиции и обычаи; 3) специфика культуры; 4) сходные черты характера; 5) общность исторической судьбы, историческое прошлое; 6) место жительства; 7) внешность.

В последние годы в науке развернулась дискуссия о природе этничности, и сложилось несколько подходов. Первый подход, примордиальный, утверждает, что этничность является врожденным каче-

ством человека, идентификацией по крови, родству. Второй подход, инструментальный, утверждает, что этничность ситуативна, она изменяется в различных обстоятельствах. 3. В. Сикевич, пытаясь объединить оба подхода, отмечает, что этническое в каждом человеке действительно первично, однако востребованность, степень выраженности этнических особенностей конструируется как внешними факторами – социальными обстоятельствами, так и внутренними – индивидуальными установками. В настоящее время, согласно М. Хайслеру, этничность трансформировалась в иные – социальные, политические, экономические – феномены. Жизнь современного человека обусловлена прежде всего внеэтническими характеристиками – уровнем образования, профессией, уровнем дохода и пр. Этничность полностью не исчезает, но находится в латентном состоянии, способная проявиться в любой актуальный момент времени, например в ситуации межэтнического конфликта.

Этническая идентичность формируется в процессе этногенеза и проходит несколько этапов. Т. Г. Стефаненко называет пять этапов. На первом этапе в первобытных общностях появилось осознание родства по крови или браку. Был выработан обычай адаптации – признание чужого взрослого своим братом или сыном. Только таким образом он становился полноправным членом племени или рода. Второй этап наступил с осознанием общности происхождения. Сформировалась идея вертикального родства. Она проявилась, во-первых, в мифах о происхождении народа в давние времена от прародителей – великих героев; во-вторых, в культе предков – духов умерших в реальные времена представителей племени. Третий этап – возникновение идеи территориальной общности, родной земли. Возникает идеология родиноцентризма, которая выражается, в частности, в форме запрещения вступления в брак с представителями чужого народа. Четвертый этап – появление чувства общности исторической судьбы, существование глубокой истории жизни предков. Пятый этап – развитие этнической идентичности на основе отождествления родного языка, культуры и своего народа. В настоящее время практически не существует моноэтнической среды. Человек растет и развивается в полиэтническом окружении, и Т. Г. Стефаненко выделяет три типа этнической идентичности человека в полиэтнической среде: 1) моноэтническая идентичность – человек однозначно отождествляет себя с конкретным народом; 2) биэтническая идентичность – человек одновременно при-

числяет себя к двум этническим группам, чаще всего такой вид идентичности возникает на основе того, что родители имеют разную национальность; 3) маргинальная этническая идентичность – человек не может однозначно определиться в отношении своей этнической принадлежности. Этническая идентичность формируется в процессе онтогенеза в виде когнитивных и эмоциональных представлений о своем народе. Согласно Ж. Пиаже, становление этнической идентичности проходит четыре этапа. Первый этап наступает в 6-7 лет. Ребенок приобретает первые фрагментарные и несистематизированные знания о своей этнической принадлежности. Второй этап – в 8-9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своим народом на основании таких маркеров, как язык, национальность родителей. Третий этап – в 10-11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме, ребенок начинает узнавать историю и особенности культуры своей страны. Четвертый этап наступает в подростковом возрасте, когда начинает формироваться этническое самосознание, основанное на осведомленности не только о своем, но и о других народах. Наиважнейшими факторами формирования этнической идентичности являются: 1) язык; 2) культура; 3) статус этнической группы (этническое большинство или меньшинство); 4) степень вовлеченности человека в процесс межэтнического взаимодействия, осведомленность о психологических особенностях представителей других этносов. Г.У. Солдатова отмечает, что этнический феномен в личности формируется на основе трех взаимосвязанных процессов: 1) этнической идентификации – отождествления и самоопределения личности посредством этнической группы; 2) межэтнической дифференциации – разделения собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий; 3) осознания отношения к собственной и другим этническим группам. Содержанием этнической идентичности являются сознательные и бессознательные компоненты.

Для большинства людей характерна позитивная моноэтническая идентичность. Н.М. Лебедева открыла следующий социально-психологический **закон**: *в нормальных социально-исторических условиях этническое сознание человека строится на основе тесной внутренней связи между позитивной этнической идентичностью и межэтнической толерантностью*. Позитивное принятие себя (идентичность) способствует позитивному принятию других (толерантность) и наоборот: позитивное принятие других способствует позитивному отноше-

нию к себе. Эта связь подтверждается тесными высокими корреляциями. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная прямая связь может распадаться и становиться обратной – возникает этническая интолерантность (нетерпимость по отношению к другим). При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление баланса в сфере сознания – этническая идентичность усиливается. Нарушение в одном из элементов взаимосвязи приводит и к нарушению в другом элементе. Таким образом, этническая интолерантность служит первым сигналом неблагополучия в когнитивной области, что может привести к антиэтническому поведению. В благоприятных условиях механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, приводят и к восстановлению нормальной этнической толерантности. Социальные изменения и потрясения нашего времени привели личность к переживанию состояния, которое обозначается как кризис этнической идентичности, отмечает Н.М. Лебедева. Признаками этого состояния являются: 1) утрата позитивного восприятия своей этнической принадлежности; 2) переживание негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью (стыд, обида, униженность); 3) неудовлетворенность гражданской принадлежностью; 4) негативная или сверхпозитивная (защитная) этническая идентичность; 5) интолерантность по отношению к другим этносам; 6) социально-перцептивное отдаление от России (утрата чувства Родины); 7) потеря смысла жизни. Отклонение от нормальной позитивной этнической идентичности, по мнению Г.У. Солдатовой, могут быть пяти типов: 1) этническая индифферентность (космополитизм) возникает тогда, когда личная идентичность становится гораздо выше этнической; 2) гиподентичность (этнонигилизм) – нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, иногда негативизм по отношению к собственному народу; 3) гиперидентичность характеризуется стремлением к этническому доминированию, склонностью к этноцентризму и проявляется в трех видах: а) этноэгоизм – относительно лояльный вид, чаще проявляется на вербальном уровне в виде напряженности и раздражения при общении с представителями другого народа; б) этноизоляция – убеждение в превосходстве своего народа, призывы к очищению своего народа, прекращению брачных и межнациональных связей; в) национальный фанатизм – готовность идти на любые действия во имя этнических

интересов, вплоть до этнических чисток, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв. Кроме этнической идентичности, важны для понимания и другие феномены. *Этническая установка* – это система отношений человека к природе (времени, пространству и прочим природным явлениям), окружающим людям, самому себе, идеям и ценностям человеческих сообществ. На основе этнической установки возникают стереотипы. *Этнический стереотип* – жестко фиксированная этническая установка, напрямую регулирующая восприятие, поведение и интерпретацию поведения окружающих людей. Стереотипизация – это удобный способ классификации и систематизации информации. В постоянно меняющемся мире создание стереотипов дает возможность человеку упростить многообразный мир и отрегулировать последовательность и логичность своего поведения. Существуют три вида: стереотипы восприятия, стереотипы интерпретации поведения и стереотипы поведения. Этнические стереотипы восприятия связаны с обобщенным и схематизированным описанием свойств и характеристик своей этнической общности (автостереотипы) и чужой этнической общности (гетеростереотипы). Стереотипы играют значительную роль в построении образов национального характера. Например, при исследовании авто- и гетеростереотипов русского народа З. В. Сикевич выделила 10 модальных стереотипов в порядке предпочтительности. Автостереотипы русских: добрый, терпеливый, гостеприимный, трудолюбивый, ленивый, дружелюбный, широта души, патриот, доверчивый, открытый. Гетеростереотипы французов: любвеобильный, жизнелюбивый, веселый, элегантный, общительный, изысканный, утонченный, модный, улыбчивый, любитель прекрасного. Гетеростереотипы немцев: аккуратный, пунктуальный, педантичный, расчетливый, трудолюбивый, умный, экономный, бережливый, точный, чистоплотный. Гетеростереотипы американцев: патриот, деловой, свободолюбивый, расчетливый, практичный, целеустремленный, трудолюбивый, общительный, веселый, раскованный. Гетеростереотипы чеченцев: злой, агрессивный, религиозный, жестокий, мстительный, гордый, националист, вспыльчивый, злопамятный, воинственный. При описании стереотипов испытуемые легко узнают, о какой конкретно национальности идет речь.

Этнические стереотипы интерпретации поведения базируются на феномене социальной каузальной атрибуции. Существуют три типа

атрибуций: 1) диспозиционные (личностные) атрибуции объясняют поведение на основе проявления личностных качеств; 2) ситуативные – поведение объясняется влиянием ситуации, социальной среды; 3) групповые атрибуции предполагают объяснение поведения человека с позиций его группового членства. В результате ошибок каузальной групповой атрибуции возникают такие негативные явления, как предубеждения, предрассудки и дискриминация. *Предубеждение* – это негативная установка по отношению к людям исключительно на основании их принадлежности к иной этнической группе. Предубеждение проявляется в негативной оценке их личности, поведении, норм и ценностей культуры. *Предрассудок* – это заведомо ложное осуждение людей исключительно на основании их принадлежности к иной этнической группе. *Дискриминация* – негативное поведение или призывы к негативному поведению по отношению к людям исключительно на основании их принадлежности к иной этнической группе. Дискриминация является стереотипом поведения, основанным на ложной каузальной атрибуции. Но это не единственный стереотип этнического поведения. Наука знает множество положительных стереотипов поведения, например таких как обычаи и традиции гостеприимства, вежливого и тактичного поведения.

7.2. Личность и этнокультурные ценности

Этнокультурные ценности – это установки (идеи, понятия, смыслы), которые не зависят от конкретного человека, а определяются культурой и разделяются всеми людьми, принадлежащими к данному культурному полю. Впервые понятие «ценность» употребляется в античной философии. В конце XIX века появляется наука аксиология – специальный раздел философии, изучающий ценности. Понятие ценности многогранно. В понимании сущности феномена ценности существует два аспекта. Первый аспект рассматривает ценность как значение того или иного предмета или явления для человека. Ценность характеризует качество данного предмета. Второй аспект под ценностью понимает само явление (материальное или идеальное), имеющее значение для человека. Большинство авторов связывают понятия ценности и смысла. **Ценности**, согласно П.А. Сорокину, – это смысл, который люди вкладывают в одни и те же материальные предметы или духовные явления. Он выделил четыре универсальных ценности:

знание любовь и воля к производительному труду, семья, религиозное отношение к жизни. Осмысленность ценностей, по словам В. Франкла, придает им объективный универсальный характер. В. М. Мясищев связывал направленность личности с решением вопроса о смысле собственной жизни. Ценности – это все, что наделено общим смыслом. Этнокультурные ценности представляют собой важнейшие и глубинные принципы, определяющие отношения человека с природой, социумом, этносом, самим собой. Анализ ценностей может достоверно определить изменения, происходящие в культуре и отдельной личности в результате исторических и культурных преобразований. Важнейшей является проблема классификации ценностей. Н.А. Бердяев выделял духовные, социальные и материальные ценности. М.С. Яницкий разделил ценности на три группы: 1) ценности адаптации, отражающие направленность на физическую либо экономическую безопасность; 2) ценности социализации, обусловленные ориентацией на других людей; 3) ценности индивидуализации, отражающие направленность на развитие и самоактуализацию. Результаты его исследований показали, что ценности адаптации доминируют у 63,92 % людей, ценности социализации – у 24,43 % и ценности индивидуализации – у 3,13 %.

Наиболее перспективной, с точки зрения определения и объяснения ценностей как таковых, в настоящее время является аксиологическая теория С. Шварца и У. Билски. Они выдвинули гипотезу о наличии ограниченного числа универсальных ценностных типов – доменов. Каждому домену соответствует та или иная ведущая терминальная ценность. С. Шварц провел кросс-культурное исследование 66 ценностей в 20 странах мира и с помощью статистики выделил 10 наиболее универсальных доменов ценностей: 1) самостоятельность; 2) стимуляция; 3) гедонизм; 4) достижения; 5) власть; 6) безопасность; 7) конформизм; 8) традиции; 9) щедрость; 10) универсализм. Он исходил из мысли о том, что основные человеческие ценности свойственны всем культурам, так как они связаны с человеческими потребностями как осознанные цели. По его мнению, культурные варианты решения этих проблем располагаются вдоль полярных осей:

1. Консерватизм – Автономия.
2. Иерархия – Равноправие.
3. Гармония – Мастерство.

Полюс «Консерватизма», согласно классификации С. Шварца, включает ценности традиций, конформизма и безопасности. Полюс «Автономии» включает ценности стимуляции (интеллектуальной и аффективной) и гедонизма. Полюс «Иерархии» включает ценности власти, а полюс «Равноправия» – ценности самостоятельности и щедрости. Полюс «Гармонии» – ценности универсализма. Полюс «Мастерства» включает ценности достижения. Ценности мастерства означают ориентацию на активное преобразование окружающего мира, а ценности гармонии – пассивную адаптацию к природному и социальному миру. Культуры различаются в зависимости от приоритета ценностей. Ценности автономии, равноправия и мастерства имеют значение в западных культурах, они важны для поддержания демократии, являются ценностной базой социальной ответственности. Современные западные общества с развитой рыночной экономикой, согласно исследованиям С. Шварца, придерживаются этих групп ценностей. Доминирование ценностей консерватизма, иерархии и гармонии присуще традиционным обществам коллективистического типа. С. Шварц провел небольшое исследование в Санкт-Петербурге в 1992 г. Он выявил, что Россия по таким осям ценностей, как равноправие, мастерство и автономия, занимает последнее место в ряду стран Западной Европы. По осям ценностей консерватизма, иерархии и гармонии – первое. В начале 90-х гг. население России, по его мнению, еще не было готово к переходу к рыночной экономике.

Исследование системы ценностей в 1999 г. по методу С. Шварца провела Н. М. Лебедева. Она поставила перед собой задачу – проверить, как изменилась система ценностей за несколько лет. Было обнаружено снижение у молодого поколения таких типов ценностей, как консерватизм, равноправие и гармония, и рост значимости ценностей мастерства, иерархии и автономии.

С опорой на теорию С. Шварца и У. Билски, работы Н. М. Лебедевой было также проведено исследование системы ценностей русского народа в 2001–2002 гг. В ходе исследования были опрошены 1573 жителя разных регионов России, принадлежащих к разным социально-демографическим группам. Были опрошены также жители Германии (западные ценности) и жители Турции (восточные ценности). Результаты исследования позволили выделить группы приоритетных ценностей, отражающих наиважнейшие витальные и социальные потребности человека. Приоритетные ценности были разделены нами на две

группы. Первая группа – это ценности индивидуального характера, отражающие потребности индивидуального развития: здоровье, свобода, независимость. Вторая группа – ценности социального характера, отражающие потребности построения адекватных и конструктивных взаимоотношений с людьми: защита семьи, настоящая дружба, верность, честность. Обнаружено, что приоритет этих ценностей свойствен людям с ориентацией на индивидуалистический тип культуры. Для людей с ориентацией на коллективистический тип культуры, кроме вышеперечисленных ценностей, важны также ценности, поддерживающие единство общности: национальная безопасность, социальный порядок, мир на земле.

Система ценностей русского народа представляет следующую картину. На **первом** месте по значимости находятся приоритетные ценности индивидуального характера (здоровье, свобода, независимость). На **втором** месте располагаются ценности, необходимые для сохранения российского общества (защита семьи, национальная безопасность, понимаемая как любовь к родине и патриотизм, мир на земле, социальный порядок). На **третьем** месте оказалась ценность благосостояния, материального достатка. В настоящее время люди заинтересованы в улучшении своего экономического положения. **Четвертое** место в иерархии ценностей русских занимают приоритетные социальные ценности, направленные на взаимоотношения с людьми. Это ценности группы альтруизма (настоящая дружба, верность, честность). Альтруизм в отношениях с людьми в целом оказался свойствен русскому народу. На **пятом** месте оказались ценности из группы самостоятельности – смысл жизни, выбор собственных целей, широта взглядов (толерантность к иным взглядам), ответственность. Выбор этих ценностей дает человеку возможность свободно развиваться как личность, реализовать потребности самоактуализации. **Шестое** место занимают ценности мастерства – самоуважение, умелость, достижение успеха. Приверженность этим ценностям формирует уверенность в своих силах, способностях, знаниях, независимости от других, успехах в работе. **Седьмое** место занимают ценности интеллектуальной автономности – независимость, интеллект, творчество. **Восьмое** место отведено ценностям гармонии – мудрость, гармония, мир прекрасного, единство с природой, защита окружающей среды. Ценности гармонии и духовности в настоящее время не являются значимыми, несмотря на рассуждения российских философов о необычайной духовности русского народа.

Это показывает, что российская культура постепенно утрачивает первородную связь с природой, замещая природу техногенными и информационными процессами. Подобная переориентация культуры с природной на техногенную свойственна современным западным обществам. В этом отношении Россия находится в русле единого мирового потока. **Девятое** место занимают отвергаемые ценности. Русские единодушно отвергают ценности из группы иерархии – власть, влияние, ценности гедонизма (потакание себе, стремление к наслаждениям) и аскетизма (благочестие, скромность, умеренность). Русская культура по структуре ценностей относится к типу пограничных культур. Осваивая ценности современных западных культур (автономия, мастерство, равноправие), русские сохраняют приверженность традиционным национальным ценностям (национальная безопасность, социальный порядок, мир на земле). С точки зрения аксиологического подхода русские ориентированы на западно-европейскую систему ценностей, уважая и сохраняя собственную традиционную систему ценностей. На всей территории России русские составляют единую этнокультурную общность, согласованно приверженную общей системе ценностей. В России в настоящее время происходит трансформация ценностей (принципов и смыслов жизни), которая меняет сердцевину культурной системы. Система ценностей русского народа постепенно переориентируется в сторону приоритета современных западных ценностей. Первым фактором трансформации ценностей является возраст. Детальный социально-демографический анализ показывает, что молодежь в большей степени предпочитает ценности западных обществ, чем люди старшего поколения. Вторым фактором является уровень дохода. Современные бизнесмены полностью встроились в западную систему ценностей и активно отвергают традиционные ценности. Третьим фактором оказалась идеология. Ценностная система современных демократических партий отражает западные ценности и гораздо более близка современной ценностной системе русского народа, чем ценностная система КПРФ. Коммунисты активно отвергают западные ценности (широта взглядов, терпимость к иным идеям, разнообразие жизни, инновации, творчество). Изменение политической и идеологической систем в стране также способствовало трансформации системы ценностей. Четвертым фактором является качество образования. Люди с гуманитарным образованием более привержены западной системе ценностей, чем люди, имеющие техническое или военное образование.

Способом сохранения этнической самобытности является этнокультурная дистанция по отношению к другим народам. В ситуации межэтнической напряженности или военного конфликта длина дистанции увеличивается по отношению к обеим конфликтующим сторонам. Люди дистанцируются от участников конфликта и стараются найти союзников, расширяя и усиливая свою общность.

7.3. Этнос и личность

Этнос – это большая социальная группа людей, объединенных общими установками и диспозициями, стереотипами поведения и взаимосогласованными ожиданиями типичных реакций на различные события жизни. Этнос есть явление социально-психологическое, оно социально по основе своего возникновения и психологично по способам своего проявления. Выражаясь на языке философии, этнос социален по форме и психологичен по сущности.

Этнос по нескольким психологическим параметрам отличается от общества. При формировании общества существенным фактором выступает процесс разделения труда, предполагающий специализацию каждого человека, определение его роли (функций) и статуса в обществе. Специализация функций человека и закрепление его положения в социальной структуре в итоге приводят к развитию индивидуальности. Формирующееся на основе дифференциации деятельности общество требует определенных различий между людьми в уровне способностей, направленности и ценностных ориентациях, ролях и статусах. Все эти различия, взаимно дополняя друг друга, составляют единое целое. Этнос изначально формируется по иным принципам. Он создается не на основе различий, а на основе общности. В этносе нет разделения труда, жесткой специализации каждого его члена. Этнос складывается как единое целое не на основе внутренней дифференциации, а на основе внешних различий с другими этносами. Формирование этноса идет по пути разграничения «мы» и «они», т. е. наша этническая общность как единое целое («мы») отличается от другой общности как единого целого («они»). Психологический процесс дифференциации в этносе происходит не внутри общности, как это имеет место в обществе, а вне ее, не затрагивая этническую целостность. Этнос формируется на основе психологического процесса интеграции. Происходит объединение людей на базе сходных психологических установок,

экспектаций и стереотипов поведения. Общие территория, экономический уклад жизни, язык являются лишь условиями, способствующими формированию этнической общности. Причем они даже не жестко детерминируют этот процесс, потому что на одной и той же территории с единой экономикой и языком могут сложиться две и более этнические общности. Структура этнической общности не предполагает дифференциации ролей и статусов вследствие разделения труда. Не может быть, например, самого главного русского или самого главного американца. Может быть лишь типичный представитель того или иного этноса. Этнос формирует личность, не отличающуюся от других людей, а, напротив, имеющую с остальными членами данной общности единые этнические установки и поведенческие стереотипы. В этносе процесс интеграции всегда остается ведущим и препятствующим развитию индивидуальных различий. В связи с этим одна из задач изучения взаимоотношений личности и этноса состоит в выявлении и описании типичных для личности качеств, интегрирующих ее с другими представителями данного этноса. Этническое поведение личности, выражающее типовые программы данной культуры, как отмечает А. Г. Асмолов, нивелирует тенденцию к индивидуализации поведения, росту его вариативности. Вместе с этим усвоенные личностью установки и стереотипы, характеризующие ее как члена той или иной общности, освобождают личность от принятия индивидуальных решений в типовых, стандартных для данной общности ситуациях. Другими словами, в проблемных или конфликтных ситуациях выбора, принятия решения «этнический человек» руководствуется стандартными установками своего этноса и проявляет типичные, традиционные приемы и способы поведения. «Социальный человек», оказавшись в кризисной ситуации, напротив, принимает индивидуальное решение, руководствуясь иерархией ценностей, и ищет взаимовыгодного разрешения межличностного конфликта. «Социальный человек» постоянно в поиске, а «этнический человек» – в застое. Первый поступает так, как надо поступать исходя из социальных ценностей, а второй – как принято в его этнической общности. Соединение в личности «этнического человека» и «социального человека» выражает диалектику ее развития. Личность – как двуликий Янус: в ней «этнический человек» представляет собой как бы платформу, стартовую площадку для рывка, разгона «социального человека». Даже если человек ориентируется только на традиционные способы поведения, от этого он не перестает быть членом общества,

хотя возможности для его влияния на развитие общества тем самым ограничиваются.

Человечество сформировало разные модели личности в зависимости от этнокультурной специфики. И. С. Кон провел сравнение западной и восточной моделей личности. Это касается проявления эмоций, стереотипных установок и образцов поведения. Во-первых, шесть главных эмоциональных выражений – гнев, счастье, удивление, страх, отвращение и печаль – являются универсальными для всех людей. Способность выражать эмоции – это естественное свойство человека, но правила проявления эмоций диктуются этнокультурной спецификой, и в этом случае западная модель человека, например американские нормы, не одобряет такие эмоциональные проявления у мужчин, как печаль или плач, но у женщин это вполне позволительно, как и широкая улыбка американских женщин, которая даже приветствуется. В восточном же, например японском, этносе не принято, чтобы женщины широко и непринужденно улыбались. Японские женщины предпочитают скрывать широкую улыбку и прикрывают рот ладонью. Во-вторых, поведение: деятельность западного человека является активно-предметной. Личность формируется в процессе деяний, в поступках, посредством оперирования предметами. Восточная, особенно индийская, модель личности не придает такого значения предметной деятельности, утверждая, что творческая активность, составляющая пружину личности, развивается лишь во внутреннем духовном пространстве и познается не практикой, а в акте мгновенного озарения, инсайта.

Западная модель утверждает самоценность личности. Личность – это система, внутренний космос. Восточная этнокультурная модель, особенно японская и китайская, подчеркивает зависимость личности от определенной социальной группы, требует принадлежности к этой группе, приверженности ее идеалам, нормам, ценностям. Личность – это атом в большом мире людей. Западная модель понимает личность как целостную систему. Раздробленность, множественность «Я» воспринимается европейцами как нечто ненормальное, как болезнь, которую необходимо лечить. В японской модели, напротив, личность воспринимается как множественность, совокупность различных обязанностей, как долг по отношению к обществу, родителям, фирме, семье, самому себе. Западная этнокультурная модель оценивает личность в целом, ее поступки в разных ситуациях считаются проявлением

одной и той же сущности. На Востоке избегают суждений о человеке в целом, делят его поведение на изолированные области, в каждой из которых действуют свои законы и нормы поведения. На Западе люди стараются объяснить поведение человека исходя из понимания мотивов его действий. Для них важно понимание, почему он поступает подобным образом: из чувства благодарности, патриотизма, корысти и пр. Важен нравственный аспект поступков человека. На Востоке поведение оценивается общими правилами и нормами. Важно не то, почему человек так поступает, а поступает ли он в соответствии с нормами, принятыми в данном этносе. Человек западной культуры четко осознает свое отличие от других, свою «самость». Для человека восточной культуры важна реализация себя лишь как части целого сообщества. Люди Востока больше озабочены сохранением своей групповой идентичности. На Западе люди нацелены на самореализацию. Личностные особенности людей западной и восточной культур обусловлены различиями в системе их ценностей.

Процесс освоения индивидом духовных ценностей и опыта этноса, к которому он принадлежит, называется *этнизацией*. Человек живет в открытом мире, естественно, что влияние на формирование его личности оказывает не только современное ему общество, но и этнос.

Вопросы для самоконтроля

1. Понятия «этнос» и «этничность». Этничность как социальный институт.
2. Влияние этнокультурных систем на самоопределение личности.
3. Проблема «Восток-Запад» и типы этнокультурных систем.
4. Культура как предмет этносоциологического анализа.
5. Функции и факторы развития этнической культуры.
6. Проблемы взаимодействия культур и проблемы культурных границ.
7. Этническое самосознание и поведение. Влияние идеологии на этническое самосознание.

Глава 8

Личность и культура

8.1. Национальная культура и ее символы

В основу каждого из типов культуры положен определенный культурный код, т. е. способ хранения и передачи информации, тип культурной памяти. В зависимости от способов самоорганизации культуры принято выделять 3 ее типа.

1. Дописьменный (традиционный).
2. Письменный (книжная культура).
3. Экранный (в стадии формирования).

Дописьменная культура охватывает огромный доисторический период, эпоху деятельности и варварства, от 40 до 4 тыс. лет до н. э. Основу дописьменной культуры составляет мифологический культурный код. Мифологический культурный код основывается на ряде базовых символов. Главными из них являются тотемно-анимистические. Тотем символизировал родство человека с объектами живой природы. Анимизм – вера в существование духов и душ. Душа символизировала жизнь того существа, которое она одушевляла. Мифологический культурный код обеспечивал неизменность, замкнутость традиций культур. Образец поддерживался ритуалом.

Письменные культуры возникают на рубеже 4–3 тыс. до н. э. (в странах Древнего Востока). Возникновение письменности было связано с усложнением социальной жизни, появлением первых государств, развитием и разделением труда, освоением новых форм деятельности. Появляются новые виды знаковой деятельности: письменность, числа, счет, простейшие операции с числами, чертежами и т. д. Письменность проходит в своем развитии 3 этапа.

1. Пиктограмма – схематичный рисунок.

2. Иероглиф – более условное изображение.

3. Алфавит (в VII в. до н. э. в Финикии).

Основными носителями письменного кода культуры являются священные книги (Книга мертвых, Завет и т. д.). Новая перестройка культурного кода происходит во второй половине XV века (эпоха Возрождения). Окончательно новый культурный код утверждается во второй половине XVIII века.

Носителем культуры является не личность, а народ или этнос. Считается, что у каждого народа своя культура. **Этнос** – это социальная группа, членов которой объединяет этническое самосознание – сознание своей генетической связи с другими представителями данной группы. Этническое самосознание индивида строится на его представлениях о своем происхождении. Он чувствует себя принадлежащим к определенному этносу потому, что считает себя потомком ряда предшествующих поколений предков, принадлежащих к этому этносу. Этнос – это большая кровнородственная группа людей, образующих племя, народность, нацию. Этническая принадлежность человека определяется, как правило, по его родителям. Признаками единства и общности этноса являются:

- кровное родство (происхождение от общего предка);
- преемственность поколений;
- единство территории;
- единство языка;
- общая историческая судьба;
- общие традиции;
- общее самосознание (этническая идентификация).

Прежде всего этнос формируют единство территории и кровное родство. Остальные признаки являются культурными, социальными и историческими. Признаки единства этноса становятся отличительными его чертами в составе нации. Нация состоит из этносов или является исторически развитой формой этноса. Основами нации прежде всего являются:

- единство территории;
- общность экономической жизни;
- единство языка.

Нация является этносоциальной общностью. Становление наций связано с преодолением феодальной раздробленности, с образованием и развитием национальных государств, развитием экономики и торго-

во-промышленных отношений, ростом просвещения и культуры. Для каждой нации характерно создание единого семиотического поля – системы общеизвестных знаковых средств (язык, традиционные формы поведения, символика и т. д.), которая обеспечивает их взаимопонимание и повседневное взаимодействие. Таким образом, этническое самосознание зависит от происхождения человека, национальное самосознание – от его включенности в семиотическое поле национальной культуры и чувства причастности к ней. Иначе говоря, этнос – это родство людей «по крови», нация – родство людей «по культуре».

В культуре развитой нации всегда присутствует этническая составляющая – культура этносов (одного или нескольких), из которых эта нация образовалась. Этническая культура – исходный базис национальной культуры. Она является источником национального языка, в ней черпают сюжеты, образы, мелодии и ритмы художники, поэты, музыканты. Она определяет своеобразие и неповторимость «лица» национальной культуры. Этническая (народная) культура – наиболее древний слой национальной культуры. Она охватывает, как правило, сферу быта и несет в себе «обычаи предков». Она проявляет себя в особенностях пищи, одежды, фольклора, народных промыслов, народной медицины и т.д. В ней выражается народный вековой опыт жизни и рационального ведения хозяйства, связь с природными условиями жизни того или иного народа. Поэтому она в большей мере сохраняется в деревне, чем в городе. Данный тип культуры имеет свои символы самобытности и патриотической привязанности: самовар и сарафан у русских, клетчатый килт у шотландцев, овсяная каша и легенды о привидениях в замке у англичан, спагетти у итальянцев.

Но национальная культура не сводится к этнической. Ее богатство формируется и складывается на основе письменности и образования. Она воплощается в литературе и искусстве, науке и философии, социально-политическом и технологическом развитии общества. Лучшие достижения национальной культуры – это продукт творчества наиболее талантливых представителей нации, просвещенных, эрудированных людей из интеллигенции. Ее средоточием является не столько деревня, сколько город с его театрами, музеями, библиотеками, учебными заведениями. Овладение национальной культурой не дается само собой – оно достигается на основе образования и самообразования и требует серьезных интеллектуальных усилий. У каждой нации существуют символы, составляющие ее культурное единство. Символами

национальной культуры являются флаг, герб, гимн государства. Также символами могут быть выраженные в определенных образах индивидуальные черты нации. Русским, например, свойственны доброта, гостеприимство, но и безответственность. Когда говорят «русский авось» – понятно, что имеется в виду. Символами нации могут стать яркие и всемирно известные личности, национальные герои. Для русского народа это, например, Пушкин, Чайковский, Ломоносов, Петр Великий. Символы национальной культуры выражают своеобразие нации на мировом уровне.

8.2. Личность как продукт культуры

С биологической точки зрения человек – это результат эволюции. Человек выделился из природы благодаря своему разуму и сознанию. Люди научились создавать орудия труда, изобрели язык, стали организовываться в общество. Таким образом, человек развивается не только биологически, но и культурно. Коллективная, организованная деятельность людей порождает культуру. Однако конкретные, практические действия осуществляют члены общества. Человек по отношению к культуре выступает в нескольких ролях.

1. Творец культуры, ее производитель, т. е. человек создает новые культурные формы или выражает свое отношение к существующим формам, интерпретирует их. Через творчество человек реализует себя, раскрывает свои таланты. Творчество направлено на развитие, являясь в то же время результатом развития.

2. «Транслятор» или проводник культуры. Когда человек создает или воспроизводит что-либо, он тем самым передает информацию о своих действиях, передает свой опыт другим людям.

3. «Продукт» культуры. Человек формируется как личность, приобщаясь к культуре. Приобщение к культуре происходит во время воспитания, обучения, социализации. Адаптируясь к культуре, человек становится ее носителем.

4. «Потребитель» культуры. Человек использует достижения культуры для личных целей и для взаимодействия с другими людьми. При этом человек пользуется выработанной системой норм и ценностей, языком, различными практическими и научными знаниями.

Одной из проблем отношений личности и культуры является проблема соотношения личностного и общественного. Эта проблема

заключается в определении права личности на свое понимание норм и ценностей общества, права на свое самоопределение. Полную свободу личности дать невозможно, так как это разрушит общество и приведет к деградации культуры. Однако ужесточение и урезание прав ведет к торможению развития. В современном либеральном обществе личность обладает довольно большими правами и свободами. Такой уровень личной свободы возможен только при соответствующем уровне ответственности, образованности и профессионализма. С другой стороны, человек может использовать блага общества только при глубоком знании принципов и законов общества. Таким образом, высокий культурный уровень человека обеспечивает его права, свободу, возможности.

В повседневном общении, в средствах массовой информации нередко употребляются выражения: человек высокой культуры или, напротив, некультурный человек. Когда мы говорим о культурности или некультурности человека, мы подразумеваем обычно такие качества, как образованность, воспитанность, нравственность. Люди действительно различаются степенью развития подобных качеств. Тем не менее научное значение термина «культура», как мы уже знаем, значительно шире. Если иметь в виду это значение, то говорить о культурных и некультурных людях не имеет смысла, так как некультурных людей практически не существует. Любой человек независимо от уровня образования и нравственных качеств умеет говорить, обладает множеством сложных навыков, усвоил определенные поведенческие нормы, взаимодействует с другими людьми на основе усвоенного опыта, потому является культурным существом. Полностью лишенный культуры человек не смог бы выжить ни в природе, ни в обществе. Полностью лишен культуры лишь новорожденный младенец, только что появившийся на свет. Но с первых часов существования он подвергается культурному влиянию, становясь под воздействием окружающих людей культурным существом, носителем определенной культурной традиции – русской, американской, китайской и т. д. Культурное наследие, прививаемое ребенку социальным окружением, формирует его личность согласно канонам не культуры вообще, а культуры определенного сообщества.

Подчеркивая влияние культуры на черты личности, антрополог К. Клакхон пишет: «В различных обществах детей воспитывают по-разному. Иногда их отлучают от груди резко и рано. Иногда они

остаются “грудными” столько времени, сколько им хочется, и постепенно, в три года или позже, сами теряют потребность в материнском молоке. В некоторых культурах ребенок с самого рождения находится под жестким контролем матери или отца, или обоих родителей. В других семейные отношения до такой степени проникнуты любовью и теплотой, что родители отказываются брать на себя ответственность дисциплинировать своих детей самостоятельно. В одних группах ребенок растет в пределах изолированной биологической семьи; до тех пор, пока он не пойдет в школу, он вынужден иметь дело только со своими матерью, отцом, братом и сестрой и т. д., а в некоторых случаях – с одним или двумя слугами. В других группах ребенка нянчат и даже кормят грудью несколько женщин, каждую из которых он вскоре привыкает называть “мама”. Он растет в расширенной семье, где многие взрослые по отношению к нему выступают в приблизительно одинаковой роли и где своих двоюродных братьев и сестер он едва ли отличает от родных». Некоторые из потребностей ребенка являются общими потребностями животного вида *Homo sapiens*. Однако в каждой культуре имеются собственные схемы наиболее желаемых и приемлемых способов удовлетворения этих потребностей. Каждое отдельное общество еще в раннем возрасте передает представителям нового поколения стандартную картину ценностей и санкционированных средств их обретения, модели поведения, предназначенные для мужчин и женщин, молодых и старых, для священнослужителей и фермеров. Например, если ребенок из России окажется в Соединенных Штатах, то, став взрослым, он будет действовать и думать как американец, а не как русский – это факт, подтвержденный опытом. То есть процесс становления личности в качестве характерного представителя какой-либо группы включает в себя оформление необработанной человеческой природы.

Таким образом, личность человека формируется в процессе социализации, сущность которого сводится к усвоению культурного опыта общества. Результатом освоения культуры становится и формирование собственно человеческих качеств – мышления, способности к целенаправленной деятельности и взаимодействию с другими людьми. Культура каждого общества уникальна и содержит определенный набор представлений о том, какими качествами должен обладать человек. Эти качества и прививаются индивиду с самого раннего детства. Культура общества во многом определяет, какой из потенциально возмож-

ных типов поведения выберет социализирующийся индивид. Культура в этом аспекте выступает как некий «фильтр», отбирающий формы поведения и мышления из бесчисленного множества возможных вариантов. Например, культура предписывает, что именно можно употреблять в пищу, а что нельзя. При этом запретное в культурном смысле вовсе не всегда вредно в смысле физиологическом. Достаточно вспомнить пищевые запреты, характерные для ислама, и многочисленные пищевые запреты иудаизма. Религии дают богатейший материал, связанный с культурными запретами, и не только пищевыми. Так, ортодоксальный ислам запрещает изображать Всевышнего и живых существ. Этот запрет весьма ограничивает развитие некоторых видов искусства. Нетрудно заметить, что подобные запреты связаны с определенным мировоззрением. Но культурные ограничения не всегда связаны с осознанным стремлением ограничить и запретить. Любой культурный образец действия, сформировавшись и став привычным, как бы автоматически блокирует другие типы действия, связанные с удовлетворением той же потребности. Если человек привык (точнее, приучен) пользоваться при еде палочками, ему вряд ли придет в голову (без постороннего влияния) менять этот стереотип поведения. Хотя потенциально в данной ситуации можно пользоваться и другими орудиями. То же самое касается привычных, кажущихся естественными форм мышления, верований, повседневных ритуалов, видов трудовой деятельности. По словам К. Клакхона, «Культура отчасти определяет, какой из множества типов поведения, доступных в пределах индивидуальных физических и умственных способностей, выбирает каждый человек. Человеческий материал имеет тенденцию оформляться самостоятельно, но он определяется культурной социализацией таким образом, что повседневное поведение индивида в конкретных ситуациях может быть предсказано. Индивид становится социализированным, когда он отказывается от своей физической автономии в пользу контроля со стороны культуры и большую часть времени ведет себя так же, как ведут себя другие, следуя культурным образцам. Те же, кто сохраняет слишком большую степень независимости, в конце концов оказываются в сумасшедшем доме или в тюрьме».

Таким образом, культура не только дает, но в некотором смысле и отбирает. Однако это ограничение имеет в целом конструктивный характер, позволяя человеку стабилизировать собственное «Я» («Я» можно определить и как совокупность усвоенных привычек).

Ведь человеческая природа крайне пластична и открыта. Потенциально человек обладает огромным выбором вариантов поведения. Но богатство выбора не всегда благо. Выбор сопряжен с трудностями и возможностью ошибиться. Усвоение (и освоение) культуры, как известно, включает в себя не только накопление знаний и навыков. Этот процесс подразумевает и определенную «дрессировку» индивида, подавление части естественных, природных импульсов. Вероятно, именно этот аспект культуры и заставлял З. Фрейда видеть в культуре машину подавления желаний и влечений, особенно сексуальности и агрессивности. Без культурного ограничения влечений общество не могло бы существовать. Ограничение инстинктов имеет и другой смысл. Согласно фрейдовской теории, энергия подавленных влечений, прежде всего сексуального влечения, перенаправляется человеческим организмом на созидание культурных форм, например произведений искусства. Но творческое переключение энергии подавленных инстинктов доступно не всем. А власть культурных запретов тяготеет над каждым. Фрейд писал о «подавляющем» характере культуры, порождающем противодействие ей: «...нельзя не заметить самого важного – насколько культура строится на отказе от влечений, настолько предпосылкой ее является неудовлетворенность (подавление, вытеснение или что-нибудь еще?) могущественных влечений. Эти “культурные запреты” господствуют в огромной области социальных отношений между людьми... они – причина враждебности, с которой вынуждены вести борьбу все культуры».

Следует отметить важный момент: культура не только подавляет, но и формирует желания, потребности и, что особенно важно, задает способы их удовлетворения. Выше уже говорилось, что в силу особенностей своей природы человек не обладает генетически заложенными программами поведения, а значит, даже простейшие потребности (в пище, безопасности) он может удовлетворить лишь с помощью культуры. Описывая соотношения биологического и социального (культурного) аспектов человеческого поведения, П. Бергер и Т. Лукман пишут: «Общество... прямо проникает в функционирование организма, в особенности в областях сексуальности и питания. Поскольку сексуальность и питание имеют основанием биологические влечения, эти последние обретают у человеческого животного крайнюю пластичность. Биологическая конституция влечет человека к сексуальной разрядке и к еде. Но биологическая конституция не говорит ему, где он

должен искать сексуальную разрядку, что он должен есть. Предоставленный самому себе, человек может сексуально привязываться чуть ли не к любому объекту, и он вполне способен есть то, что его попросту убьет. Сексуальность и питание канализируются по особым направлениям скорее социально, чем биологически... Так, успешно социализированный индивид не способен к сексуальному функционированию с “ложным” сексуальным объектом, и его может стошнить при встрече с “ложной” пищей... Можно сказать поэтому, что социальная реальность детерминирует не только деятельность и сознание, но в значительной степени и функционирование организма».

Таким образом, противопоставление биологического и культурного аспектов человеческой природы некорректно. Человек культурен именно благодаря своим биологическим особенностям. Потребности человека нельзя свести только к биологическому фундаменту личности. Чем разнообразнее и сложнее культура общества, тем многообразнее и потребности индивида, тем больше способов, которыми он может их удовлетворить. Культура управляет человеческими потребностями, но видеть в культуре только репрессивный механизм, вывести ее истоки из подавленных инстинктов невозможно. Однако некоторое противоречие между культурой и потребностями личности все же существует, хотя степень выраженности этого противоречия неодинакова в разных культурах. Факторы, которые порождают это противоречие, скорее социального, нежели собственно культурного характера. Например, социальное неравенство не дает возможности всем индивидам пользоваться ресурсами общества в равной степени, что приводит к вынужденному ограничению потребностей непривилегированных слоев и поискам обходных, не санкционированных культурой путей удовлетворения потребностей (определяемых принятой в данной культуре системой ценностей). В изъянах общественной организации, несовершенстве социального устройства, которые не дают человеку полностью реализовать свои возможности, Э. Фромм видел источник человеческой агрессии и деструктивности, «непродуктивных» (накопительских, эксплуататорских) ориентаций характера личности. Но под воздействием культуры человек не просто усваивает некие образцы поведения, которым впоследствии следует. Культура оказывает определяющее воздействие на внутренний мир человека и его идентичность.

8.3. Культура и идентичность личности

Идентичность – это представление человека о самом себе, возникающее в результате постоянного взаимодействия с социокультурной средой и усвоения идей, ценностей и представлений, заложенных в культуре общества. Описанный Дж. Мидом процесс принятия ролей других, в результате которого формируется способность индивида смотреть на себя со стороны, видеть себя глазами других, играет огромную роль в формировании идентичности. Первое представление о том, кем человек является, он получает именно от социального окружения. Впоследствии он нуждается в непрерывном подтверждении своей идентичности со стороны других людей. Социальные роли, которые исполняет индивид, также влияют на его идентичность. Так, родительские роли подразумевают не просто формальное исполнение ряда обязанностей, но глубокую вовлеченность в процесс воспитания детей, и не могут не оказывать влияние на личность родителей, их самосознание и самооценку. Но не все социальные роли столь значимы для формирования «образа себя». Эпизодическая роль «пассажира метро» вряд ли существенно повлияет на идентичность (но при определенных условиях может и повлиять. Например, если люди, вынужденные постоянно ездить в метро, создадут общественную организацию, борющуюся за высокую культуру перевозок или запрет на употребление ненормативной лексики во время пребывания в поезде. В этом случае эпизодическая роль пассажира станет фундаментом для групповой идентичности члена новой добровольной ассоциации).

Идентичность не всегда непосредственно связана с социальными ролями. Человек может определять себя, например, как творческое существо, стремящееся к гармонии с миром. Такая идентичность не выводится непосредственно из исполняемых индивидом социальных ролей, но является результатом его рефлексии, работы самосознания. Тем не менее социальное и культурное влияние заметно и в данном примере. Творчество и гармония с миром – это ценности, которые индивид не изобретает, но усваивает в результате знакомства с культурными ценностями и идеалами определенной общности. Индивид освоил и «интериоризировал» эти ценности, они стали частью его «Я». Таким образом, не только социальное и культурное влияние формирует идентичность, но и активность самого человека, способного творчески переосмыслить и обогатить усвоенный им культурный и социаль-

ный опыт. Идентичность личности всегда является частью «культурного космоса», в который личность погружена. Проще говоря, индивид не может идентифицировать себя как президента, если в культуре его общества нет понятия «президент», если общество не обладает политической структурой, предполагающей наличие данного статуса. Индивид не может быть инженером или космонавтом, колдуном или монахом, если в его обществе не существует для этого возможностей, а культура лишена подобных понятий.

Культурная идентичность – под этим обычно подразумевается явление собственного соответствия человека определенным параметрам. Каждый задается вопросом, к какому социально-культурному пространству он принадлежит. Мы – русские (пример), но по происхождению мы можем быть людьми разных национальностей. В результате процесса идентификации появляется возможность для каждого человека правильным образом вести себя в обществе, соблюдать те социальные и культурные нормы, которые есть в конкретном обществе.

Понятие «идентичность» возникло в 60–70-е гг. в области социальной психологии благодаря британцу Г. Тэджфелу, который определил ее как «часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству». В структуре идентичности обычно выделяют два основных компонента – когнитивный и аффективный. Аффективный компонент представляет собой оценку качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства. Отношение к собственной этнической общности проявляется в позитивных и негативных этнических аттитюдах (удовлетворенность и неудовлетворенность членством в этнической общности). Когнитивный компонент включает процесс дифференциации (социальное оценочное сравнение) и процесс групповой идентификации (осознание принадлежности к группе). Согласно гипотезе Б.Ф. Поршнева, формирование идентичности начинается с самых истоков становления человечества как социальной общности. Субъективное МЫ появляется, когда люди повстречали и обособились от каких-то ОНИ, то есть осознали бинарную оппозицию «они – нелюди, мы – люди». «Всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления и есть мера объединения». Дифференциация групп неразрывно связана с другим когнитивным процессом – групповой идентификацией. Следует отме-

тить, что, отделяя себя от Других, группа определяет границы, которыми она сама себя очерчивает во времени и пространстве. Их роль состоит в оказании влияния на взаимодействие с другими группами, ограничиваясь конкретными областями и системами ценностей.

Сегодня существует несколько концепций идентичности. Одни исследователи (П. Ван ден Берг, Ю. Бромлей) полагают, что осознание себя в качестве члена группы генетически заложено у каждого и является следствием предрасположенности человека к родственному отбору и общности территории (примордиализм), другие (Н. Чебоксаров и С. Арутюнов) говорят о том, что идентичность построена на этнических ценностных константах, а также общности потребностей и интересов (инструментализм). Следует отметить, что все эти концепции не всегда подтверждаются повседневностью. Это доказывается опросами, проведенными группой российских исследователей. Более половины из числа ответивших респондентов указали культуру и язык в качестве имманентных атрибутов этничности. В 2002–2003 гг. более половины из числа респондентов (55,8 %) указали основными атрибутами этничности «ценности», «символы», «образы», то есть основные компоненты картины мира. Поэтому мы полагаем, что наиболее целесообразным будет рассматривать идентичность, построенную на картине мира, так как она является основополагающей характеристикой группы и оказывает непосредственное влияние на формирование ее норм, ценностей, интересов и представлений. Принимая во внимание существование универсальной, этнической, групповой и личностной картин мира, можно утверждать о формировании аналогичного спектра идентичностей. В целях дальнейшего анализа мы считаем необходимым сделать краткий обзор основных дефиниций идентификации.

Идентификация – это процесс эмоционального и иного самоотождествления личности с другим человеком, группой, образцом или идеалом. Как отмечают некоторые исследователи (В.А. Петровский, В.Г. Леонтьев и др.), идентификация – это личностный процесс самоотождествления человека с другими, подкрепленный эмоционально. Вслед за Э. Геллнером, Ф. Батом, С.В. Соколовским мы полагаем, что идентификация – не только личностный, но и групповой культурный феномен, поскольку является ведущим при усвоении общепринятых ценностей, норм и перевода их в категорию личностных смыслов. При вхождении личности в группу благодаря идентификации происходит осмысленное принятие и усвоение существующих там норм и ценно-

стей от значимых других, а также отождествление себя с ними. В современном мире все большее число исследователей склоняется к тому, что процесс идентификации сложный и противоречивый. Г. Триандис, Дж. Берри, И.А. Акчурин и др. предлагают различные типологии идентичностей индивидов с этнической группой. Конечно же, выделение подобной типологии не раскрывает всего спектра человеческих идентичностей. Здесь рассматривается только этническая идентичность, но упускаются универсальная и групповая, которые являются необходимыми для поиска общих точек взаимопонимания между культурными группами в мультикультурном пространстве.

В связи с этим можно выделить четыре типа идентификации:

- универсальная – осознание человеком своего места в мире, принятие общечеловеческих ценностей, норм, идеалов и т. д. В данном случае человек отождествляет себя с миром в целом, с его основными образами и идеалами, а также воспринимает мир как нечто единое, неделимое, объединяющее людей в единое сообщество;

- личностная – осознание человеком самого себя, своей самости. «Я» – это способность к обособлению от других, это умение остаться наедине с собой, выйти из ситуации групповой соединенности, это умение отразить себя как уникальную, ни на кого не похожую личность. Г. Олпорт в качестве центрального конструкта личностного развития использовал понятие «проприум самости». Различные аспекты самости (телесная самость, самоидентичность, самоуважение, саморефлексия, самоутверждение), являясь проприотическими функциями, в результате эволюции консолидируются и формируют «Я» как объект субъективного познания и ощущения. Таким образом, знания своего «Я» переходит из «категории знания» в «катеорию значимости» и способствуют идентификации себя как субъекта своей жизни;

- этническая – процесс соотнесения себя с обществом на основе социокультурного запаса знаний, ценностей, символов, идеалов, элементов традиционной и современной культуры и т. д. Этническая идентификация служит основой выбора (благодаря процессам социализации и инкультурации) этноформом тех качеств, умений, ценностей, которыми он хотел бы обладать, обретая их из всего массива собственной этнической культуры;

- групповая – отождествление себя с группой, осознание внутренней солидарности с идеалами сообщества, ощущение того, что собственная идентичность имеет смысл для других людей этой группы.

Предложенная типология выявляет сложную многоуровневую структуру идентичности индивида. Она (идентичность) представляет единый процесс взаимодействия всех четырех типов идентификации, между которыми имеется не аналогия, а отношение взаимодополнительности. Вкупе все четыре типа образуют мультикультурную идентичность, обеспечивающую способность человека достигать гармонического соотношения между собственным представлением о себе и представлениями других, между социальным и индивидуальным «Я». В результате необходимо особо подчеркнуть, что каждый человек является носителем целого ряда идентичностей и поэтому строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает из целого спектра идентичностей. В свою очередь, мультикультурная идентичность предполагает гармонизацию идеалов, образцов, ценностей и поступков, дает возможность поиска общих точек взаимопонимания между людьми и в целом между культурными группами. Поэтому мы полагаем, что наиболее целесообразно рассматривать мультикультурную идентичность как поиск консенсуса между картинами мира культурных групп.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы, на ваш взгляд, различия между обществом и культурой?
2. Каким образом возникают обычаи и как они переходят в нравственные нормы? Что означает утверждение о том, что установленные нравственные нормы действуют автоматически?
3. В чем состоит основное различие между обычаями, нравственными нормами, институциональными нормами и законами?
4. Каков характер взаимодействий субкультуры и контркультуры с доминирующей культурой? Приведите примеры таких взаимодействий.
5. Позитивное или негативное влияние оказывает этноцентризм на социальные группы? В каких случаях проявляется такое влияние? Дайте ответ на такой же вопрос в отношении культурного релятивизма.
6. Известно, что культура может рассматриваться как негативное или как позитивное явление в жизни людей. На чем основано каждое из этих противоположных суждений?
7. Как связаны между собой изменения в культуре и изменения в структуре общества?

Список рекомендуемой литературы

1. *Бауман З.* Свобода. / З. Бауман. – Москва : Новое издательство, 2006.
2. *Бачинин В. А.* История западной социологии: учебник / В. А. Бачинин, Ю. А. Сандулов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002.
3. *Беляева Л. А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: учеб. пособие / Л. А. Беляева. – Москва : ГУ ВШЭ, 2004.
4. *Бергер П.* Социология: Биографический подход / П. Бергер, Б. Бергер // Личностно-ориентированная социология. – Москва : Академический проект, 2004.
5. *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – Москва : [б. и.], 1987.
6. *Бурдые П.* Социология социального пространства / П. Бурдые. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007.
7. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : [б. и.], 1984.
8. *Восленский М. С.* Номенклатура / М. С. Восленский. – Москва : [б. и.], 1991.
9. *Воронцов А. В.* История социологии XIX – начало XX века: учеб. пособие для вузов: в 2 ч. / А. В. Воронцов, И. А. Громов. – Москва : Владос. Ч.1: Западная социология, 2005.
10. *Галактионов А. А.* Русская социология XI–XX веков: учеб. для студентов вузов по гуманитар. дисциплинам / А. А. Галактионов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002.
11. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – Санкт-Петербург : Питер, 2007.
12. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. – Санкт-Петербург : Питер, 2004.
13. *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура / Э. Гидденс // Социс. – 1992. – № 11.
14. *Готлиб А. С.* Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики:

учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Готлиб. – Москва : Флинта: МПСИ, 2005.

15. *Громов И. А.* Западная социология: учеб. пособие для студентов и преподавателей вузов / И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семенов. – Санкт-Петербург : Изд-во ДНК, 2003.

16. *Добреньков В. И.* Социология: учебник / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – Москва : ИНФРА-М, 2009.

17. *Дюркгейм Э.* Норма и отклонение / Э. Дюркгейм // Рубеж. – 1992. – № 2.

18. *Зосименко И. А.* Социология: учебное пособие в схемах / И. А. Зосименко, В. А. Чернов. – Ульяновск : УлГТУ, 2010.

19. *Ильин В. И.* Основные контуры системы социальной стратификации общества / В. И. Ильин // Рубеж. – 1991. – № 1.

20. История теоретической социологии. В 4 томах. / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – Москва : Канон+, Реабилитация, 2002.

21. *Кравченко А. И.* Социология: учебник для вузов / А. И. Кравченко. – Москва : Академический проект, 2008.

22. *Левада Ю.* Статьи по социологии / Ю. Левада. – Москва : [б. и.], 1993.

23. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва : АСТ: Хранитель, 2006.

24. *Морозова Р. Ф.* Современные миграционные явления: беженцы и эмигранты / Морозова Р. Ф. // Социс. – 1992. – № 3.

25. Образование взрослых на рубеже веков, 2000.

26. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. / Дж. Ритцер. – Санкт-Петербург : Питер, 2002.

27. *Смелзер Н.* Социология / Н. Смелзер. – Москва : [б. и.], 1994.

28. *Сорокин П. А.* Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – Москва : [б. и.], 1992.

29. Социальные отклонения. – Москва : [б. и.], 1989.

30. Социология: учебное пособие. Часть 1 / Под ред. О. В. Шиняевой. – Ульяновск : УлГТУ, 2011.

31. Теоретическая социология. Антология. Часть 1, 2 / Под ред. Г. В. Осипова. – Москва : [б. и.], 2002.

32. *Фролов С. С.* Социология: учебник. / С. С. Фролов. – Москва : Гардарики, 2003.

33. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск : Харвест, 2003.

34. *Ядов В. А.* Социологические исследования: методология, программа, методы / Ядов В. А. – Москва : [б. и.], 1987.

35. *Ярошенко С. С.* Синдром бедности / С. С. Ярошенко // Социологический журнал. – 1994. – № 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Словарь терминов

Аномия (букв. – безнормность) – состояние общества, характеризующееся распадом норм, регулирующих социальные взаимодействия, индивидуальное поведение. Понятие введено в социологию Э. Дюркгеймом. По Дюркгейму, у человека отсутствуют какие-либо «естественные» ограничения потребностей и желаний. Ограничения носят социальный характер, т. е. устанавливаются обществом посредством социальных норм. Аномия возникает тогда, когда общество не в состоянии установить рамки социальных норм, когда в обществе имеется слабый консенсус относительно ценностей и целей, что ведет к утрате эффективности их воздействия на индивида. В дальнейшем понятие аномии было расширено американским социологом Р. Мертоном, который связал проблему аномии с несоответствием между определяемыми культурой целями и доступностью институционализированных средств их достижения. При ограниченности возможностей достижения широко распространенных и постоянно подчеркиваемых целей (в США – богатства) с помощью доступных средств индивид использует иные средства достижения цели, даже если эти средства незаконны. В рамках определенных социальных групп такие средства могут считаться нормальными. Мертон выделил пять возможных вариантов индивидуальной адаптации в обществе, где имеется разрыв между определенными культурными нормами и одобряемыми средствами их достижения, доступными отдельным индивидам или целым социальным группам: конформизм – подчиняющееся поведение, признающее и цели, и средства их достижения; инновация – использование социально осуждаемого средства достижения социально одобренных целей.

Ритуализм – попытка продолжать использовать одобренные средства без ожидания успеха (обесценивание цели).

Ретритизм – отказ и от одобряемых целей, и от одобряемых средств их достижения; восстание (бунт), стремление изменить систему (т. е. отказ как от принятых целей, так и от средств их достижения и выдвижение новых). В концепции Мертона аномия рассматривается не

только как источник социальных проблем, но и как источник социальных изменений.

Девияция – девиантное поведение – социальное поведение, отклоняющееся от принятого, официально приемлемого в определенном обществе или социальном контексте. Сюда включается множество различных видов поведения (сквернословие, злоупотребление спиртным, употребление наркотиков, футбольное хулиганство и т. д.). Часть из них, которая связана с нарушением правовых норм, определяется как делинквентная, или преступная, и карается законом. Однако социальному осуждению подвергается и множество поступков, которые не являются незаконными, но которые самим обществом определяются как девиантные или на которые наклеивается ярлык девиантных.

Социология изучает девиацию как социально обусловленное явление, поскольку представления о норме и девиации связаны с социальным контекстом и варьируют в различных обществах и даже субкультурах. «Действия не являются естественно хорошими или плохими; нормальность и девиация определяются социально». «Девиация является не качеством совершаемого личностью действия, а скорее следствием применения другими правил и санкций к “нарушителю”». (Х.С. Беккер). Определение действия как девиантного предполагает наличие в обществе некоторого нормативного консенсуса – фундаментального согласия по базисным ценностям. Однако современное общество не обладает культурным единством и ценностным консенсусом, для него характерен широкий плюрализм ценностей и норм. В такой ситуации различие между нормой и девиацией становится неопределенным, все более и более локальным, групповым, а социальная реакция на девиацию носит не всеобщий, а социально ограниченный характер. Поэтому главным вопросом становится вопрос о том, кто в обществе определяет девиацию, наклеивает ярлык девиантности. Некоторые социологи считают, что все люди в какой-то мере девиантны, поскольку никто не соответствует полностью социальному идеалу, канонам социально приемлемого поведения. Социология изучает девиацию в связи с механизмами социализации. Девиация является продуктом определенных социальных процессов, приводящих к выпадению индивидов из «нормальных» ролей и групп, ограничению их доступа к обычным ролям и видам деятельности, к принятию ими ценностей девиантной культуры. Результатом становятся девиантное самоопреде-

ление и «девиантная карьера», которые ведут к социальной изоляции, еще более увеличивающей вероятность дополнительной девиантности.

Идентификация и идентичность социальная – процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация – один из механизмов. Женщины в среднем несколько более конформны.

Лидерство – этот термин в социологии обозначает: 1) ведущее положение отдельных личностей, класса, партии, государства; 2) один из механизмов социальной интеграции, управленческого воздействия. Проблема лидерства – это традиционная проблема социальной философии от античности до наших дней. Только если прежде в центре исследования были великие исторические личности, то сейчас проблема лидерства исследуется главным образом в малых группах. Значительное место занимают также исследования проблемы политического лидерства. Лидер – это человек, способный объединить людей для достижения определенной цели. Тип лидерства связан с природой общественного строя, характером группы и конкретной ситуацией. В рамках веберовской традиции исследования лидерства выделяется три типа лидерства, соответствующие различным формам авторитета (харизматический, традиционный и легальный типы). В рамках исследования лидерства в малых группах различают формальное и неформальное лидерство. Формальный лидер назначается или избирается, приобретая таким путем статус руководителя. Неформальный лидер – это член группы, который способен объединить группу на основе личного влияния. Отношения при формальном и неформальном лидерстве выстраиваются по двум типам: руководитель – подчиненные или лидер – последователи. Эти типы лидерства либо дополняют друг друга (в лице авторитетного руководителя), либо вступают в противоречие, ведя к снижению эффективности организации. По стилю различают авторитарное лидерство, предполагающее единоличное управление деятельностью группы, демократическое, вовлекающее в управление членов группы, и анархическое, когда группа предоставлена самой себе. В разных типах организации различные типы лидерства могут оказаться эффективными в разной степени. Относительно природы лидерства в социологии существует несколько точек зрения. Одной из наиболее ранних была «теория черт», исходящая из необходимости определенных качеств для осуществления роли лидера. Причем набор этих качеств оказывался различным у различных авторов и практиче-

ски бесконечным. «Ситуационная теория» исходит из определяющей роли тех конкретных условий, в которых действует лидер. Современные подходы пытаются объединить достижения обеих теорий. Они концентрируются на способности лидера создать новое видение решения проблемы и, используя свой авторитет, вдохновить последователей на активные действия по достижению целей.

Личность – система социальных качеств человека, формирующаяся на основе его включения в систему социальных отношений. Социологический анализ выделяет в личности не индивидуальные, а социально-типические черты, формируемые данной системой общественных отношений и необходимые для ее воспроизводства. Индивид становится личностью лишь в качестве члена определенного социума в процессе освоения определенных социальных ролей и соответствующей ценностно-нормативной системы, в процессе обретения социальной идентичности, т. е. в процессе социализации. Личность является продуктом и субъектом социальных систем, их изменения и развития. Поэтому различные типы социальных систем «продуцируют» определенные типы личности и тем или иным способом исключают те, которые им «не подходят». Э. Фромм, анализируя становление индустриального общества и характерный для него трудоцентризм, отмечал, что человек вынужден был превратиться в личность, которая жаждет направить основную часть своей энергии на труд с неведомой для большинства культур интенсивностью. Сформированные в процессе социализации социально типичные личностные качества («социальный характер», по Фромму), заставляли индивида «с любовью и со рвением» делать то, что он должен был делать ради целей экономической системы. Социальная необходимость в труде должна была превратиться во внутреннее побуждение. Помимо общесоциальных черт, личность характеризуется чертами, связанными с принадлежностью индивида к различным социальным общностям – классовым, этническим, профессиональным и т. п. Общая историческая направленность изменения положения личности в социальной системе заключается в переходе от неиндивидуализированного существования человека в традиционном обществе и его личной зависимости в семье, касте, сословии и т. д., с преимущественно аскриптивным характером социального статуса и ограниченными возможностями социальной мобильности – к личному индивидуализированному существованию индивида, освобожденного

от всех форм личной зависимости в обществе модерном, с преимущественно достижительским социальным статусом и широкими возможностями социальной мобильности. Перспективы социальной трансформации постсовременного общества связывают с «триумфом индивидуальности». Это общество, которое определяется как постэкономическое, человекоцентристское, общество «массовой индивидуальности», где ценности безопасного и гармоничного существования индивида становятся доминирующими.

Маргинальность (от лат. *margo* – край) – «пограничность», промежуточность положения индивида или социальной группы в социальной структуре общества. Индивидуальная маргинальность характеризуется неполным вхождением индивида в группу, которая его полностью не принимает, и его отчуждением от группы происхождения, которая его отторгает как отступника. Индивид оказывается «культурным гибридом» (Р. Парк), разделяющим жизнь и традиции двух различных групп. Это понятие появилось в американской социологии в 20-е годы XX века для обозначения ситуации неадаптации иммигрантов к новым социальным условиям. Групповая маргинальность возникает в результате изменений социальной структуры общества, формирования новых функциональных групп в экономике и политике, вытесняющих старые группы, дестабилизирующих их социальное положение. Однако маргинализация далеко не всегда приводит к «оседанию на дно». Естественная маргинализация связана преимущественно с горизонтальной либо восходящей вертикальной мобильностью. Если маргинализация связана с радикальным изменением социальной структуры (революции, реформы), частичным или полным разрушением устойчивых общностей, то она часто приводит к массовому понижению социального статуса. Однако маргинальные элементы предпринимая попытки повторного встраивания в социальную систему. Это может привести к очень интенсивной массовой мобильности (перевороты и революции, восстания и войны). А может привести к формированию новых общественных групп, борющихся с другими группами за место в социальном пространстве. Так, расцвет этнического предпринимательства объясняется именно маргинальным положением этнических меньшинств, для которых обычные пути достижения высоких статусов (через наследование, государственную и военную службу и т. п.) затруднены и которые в развитии предпринимательства

(в том числе криминального характера) находят для себя эффективные каналы вертикальной мобильности.

Норма социальная – предписания, служащие общими указаниями для социального действия и выражающие социальные ожидания «правильного» или «надлежащего» поведения. Определенная упорядоченность поведения людей в обществе как раз и является результатом следования общим ожиданиям или нормам, система которых называется нормативным порядком, обеспечивающим сохранение и воспроизводство образца. Социальная норма необязательно выражает реальное поведение – это скорее «ожидаемое» поведение. Нормы предполагают наличие легитимности. Они осваиваются в процессе социализации индивидов на основе интернализации и обеспечиваются механизмами социального контроля. Отклонение от норм наказывается санкциями. По Парсонсу, нормы являются основой социального порядка, институционализированного в обществе и интернализированного индивидами.

Отношения социальные – это определенная, упорядоченная система взаимоотношений индивидов, входящих в различные социальные общности. Люди взаимодействуют друг с другом не случайным образом. Они являются членами определенных социальных групп, занимают определенные статусные позиции. Поэтому с другими людьми они вступают в отношения, соответствующие этим позициям. Эти отношения более или менее устойчиво воспроизводятся в процессе функционирования общества. Изменение социального статуса индивида неизбежно влечет за собой изменение характера его отношений с другими людьми. Социальные изменения предполагают изменение всей системы взаимоотношений в этой сложной конструкции социальных связей и взаимодействий.

Равенство социальное – состояние общества, которое характеризуется отсутствием существенных социальных различий. Одна из гуманистических общечеловеческих ценностей. Первоначально идея социального равенства носила религиозный характер. Согласно христианству и некоторым другим религиям, все люди равны от рождения. Это так называемая идея онтологического равенства людей. В смысле равенства возможностей понятие социального равенства использовалось в качестве одного из трех основных принципов буржуазных революций (свобода, равенство, братство) и буржуазного права. Оно было направлено против феодально-сословных привилегий и утверждало новый – достигательский – принцип организации системы

социальной стратификации. Предполагалось, что все социальные позиции в обществе должны завоевываться в открытой конкурентной борьбе на основе личных достижений и личного таланта.

Престиж социальный – общественная оценка положения отдельного человека или социальной группы в социальной системе. Различные статусные позиции в обществе наделяются разным социальным престижем, выражающим оценку привлекательности тех или иных позиций. На основе социального престижа происходит, например, выбор профессии. Если в период индустриального развития наиболее престижными в нашей стране были профессии инженера, врача и учителя, то сейчас – банкира, предпринимателя, менеджера. Поэтому социальный престиж является важным показателем социальной стратификации. Он символически оформляет и закрепляет поляризацию общества, взаимные оценки, притязания и ожидания социальных групп, становится механизмом консервации новых отношений. Вебер рассматривал престиж как показатель социальной репутации, «ресурс особого рода», наделяющий социальной значимостью определенные статусные группы. В современной социологии П. Бурдье выразил эту проблему в идее «символического капитала», который наряду с экономическим, культурным и социальным капиталом определяет позицию и влияние своего носителя в обществе.

Роль социальная – связанная с определенной позицией индивида в социальной системе (статусом социальным) совокупность прав и обязанностей.

Санкция – элемент социально-правовой нормы, предусматривающий неблагоприятные последствия для лица, нарушившего содержащееся в такой норме правило.

Социализация – процесс усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей, необходимых для успешного функционирования в данном обществе. Социализация также делает возможным существование общества и передачу его культуры от поколения к поколению. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, с помощью которых человек обретает социальную природу («очеловечивается») и способность участвовать в социальной жизни. Наиболее развернутая социологическая теория, описывающая интеграцию индивида в социальную систему, была предложена Т. Парсонсом.

Статус социальный – статус (от лат. *status* – положение, состояние) – положение гражданина. Социальный статус обычно определяется

как положение индивида или группы в социальной системе, имеющее специфические для данной системы признаки. Каждый социальный статус обладает определенным престижем. Все социальные статусы можно подразделить на два основных типа: те, которые предписываются индивиду обществом или группой независимо от его способностей и усилий, и те, которые личность достигает своими собственными усилиями.

Функция – это роль, выполняемая определенным элементом социальной системы в ее организации как целого, в осуществлении целей и интересов социальных групп и классов.

Этнос – это форма существования человека, его культуры и осознания себя. При этом обязательно учитывается воздействие природных факторов. Этнос как историко-социальная система, которая подразумевает зарождение, развитие и переформирование структуры. В этом случае расселение этноса далеко не всегда совпадает с официально признанными границами государства.

Приложение 2

Темы докладов и рефератов

1. Социология личности как часть системы социологического знания.
2. Личность: ее сущность и структура.
3. Психодинамическая теория личности (З. Фрейд).
4. Аналитическая теория личности (К. Юнг).
5. Гуманистическая теория личности (К. Роджерс, А. Маслоу).
6. Когнитивная теория личности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонов).
7. Теория социального действия М. Вебера и ее роль в изучении мотивации поступков.
8. Качественные и количественные методы исследования в современной социологии.
9. Личность в глобальном мире.
10. Глобализация и этносы.
11. Личность в общественной жизни: волонтеры.
12. Современные и традиционные общества.
13. Макс Вебер о формировании института религии.
14. Современное состояние института образования в России.
15. Влияние российской культуры и ментальности на функционирование института государства.
16. Социальные проблемы мегаполисов.
17. Особенности социального положения сельского производителя в современном обществе.
18. Теории девиантного поведения.
19. Социальный контроль и социальные санкции в современном обществе.
20. Девиантное поведение современной российской молодежи: формы, причины, факторы.
21. Личность как деятельный тип.
22. Социализация личности: сущность, факторы, фазы, этапы.
23. Типы личности в современном российском обществе.
24. Динамика культурных процессов в современном обществе.
25. Молодежная субкультура.
26. Культура в условиях кризисного общества.
27. Роль общественного мнения в формировании личности.

28. Язык как ядро любой культуры.
29. Роль религии в формировании и функционировании культуры.
30. Влияние западной культуры на современную российскую культуру.
31. Трудовой коллектив как социальная организация: характерные черты и признаки.
32. Типы личности.
33. Семья как основа формирования личности.
34. Причины разводов в современной России.
35. Основные подходы к изучению социальных конфликтов.
36. Роль социальных конфликтов в обществе.
37. Современный прогресс: плюсы и минусы современности.
38. «Зеленые» движения: деятельность и перспективы.
39. Современные проблемы национального самоопределения.